

Н. РЕМОРОВЪ

На нивѣ народной

Воспоминанія, наблюденія и замѣтки школьнаго учителя

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книжнаго магазина «Вѣра и Знаніе». Невскій, 119.

ТЕЛЕФОНЪ 3975

1906

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 10 января 1906 года.

Цензоръ архимандритъ *Меодій*.

О Т Ъ А В Т О Р А .

Вотъ уже около 30-ти лѣтъ состою я сельскимъ учителемъ сначала въ школѣ земской, а потомъ въ церковно-приходской въ глухомъ углу одной изъ центральныхъ черноземныхъ губерній. Въ теченіе своего многолѣтняго учительства пришлось мнѣ видѣть и хорошее и дурное, хотя, конечно, послѣдняго гораздо больше, и о своей жизни и дѣятельности, а также обо всемъ передуманномъ и перечувствованномъ, я имѣлъ обыкновеніе записывать. Предлагаемая вниманію читателей воспоминанія и замѣтки есть «отрывки» изъ этихъ моихъ «записокъ». Я думаю, что учителямъ не безынтересно побесѣдовать о школьныхъ дѣлахъ со своимъ старымъ солуживцемъ. Предупреждаю ихъ, что я не рекомендую здѣсь какіе-нибудь новые методы преподаванія школьныхъ предметовъ, такъ какъ въ настоящее время издано достаточно всевозможныхъ «методикъ»; я излагаю здѣсь только свои личные взгляды, думы и впечатлѣнія. Къ тому же, современные сельскіе учителя уже не таковы, какіе были въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда я начиналъ учительствовать. Вѣдь теперь не рѣдкость встрѣтить обыкновеннаго сельскаго учителя, разсуждающаго о вопросахъ политической экономіи; учителями подаются начальству разнообразныя «петиціи»; хлопочутъ объ учрежденіи особыхъ «учительскихъ союзовъ»; свободно откры-

*

ваются для учителей «курсы» и «сѣзды». Нѣтъ словъ, что всѣ эти благія начинанія, можетъ быть, и принесутъ въ будущемъ улучшеніе положенія русскаго начальнаго учителя. Здѣсь же я даю одинъ дружескій совѣтъ своимъ собратіямъ. Пусть каждый учитель, отложивъ пока въ сторону всѣ эти «мечты» и «сладоcти», побольше присмотрится къ окружающей его убогой школьной обстановкѣ, да вникнетъ въ жизнь самой школы; мнѣ кажется, онъ въ ней самой найдетъ для себя утѣшенія и радости, которыя нѣсколько скрасятъ жалкое его положеніе. Для этого, по моему мнѣнію, прежде всего необходимо учителю искренно всею душою полюбить тотъ живой матеріалъ, какой врученъ ему и Богомъ и обществомъ для образованія темнаго люда. Пробудить въ учителяхъ, особенно молодыхъ, эту любовь къ школьнымъ дѣтямъ и къ своему великому призванію — есть одна изъ главныхъ цѣлей изданія настоящей книжки. Кроме того, я беру на себя смѣлость надѣяться, что на мою эту книжку обратятъ вниманіе и всѣ тѣ, коимъ дороги интересы народной школы. 17-го октября 1905 года Высочайшею властію даровано Россіи полное народное представительство, свобода слова, союзовъ и собраній; навѣрно, что въ недалекомъ будущемъ поднимется вопросъ о введеніи у насъ «всеобщаго обязательнаго обученія». Общество наше, ознакомившись съ тяжелымъ трудомъ сельскаго учителя и условіями его жизни и дѣятельности, само, быть можетъ, полюбитъ дѣятелей на «нивѣ народной», и потомъ, если и не матеріально, то хотя бы только нравственно протянетъ имъ руку помощи, а чрезъ это улучшится и самое дѣло народнаго просвѣщенія, безъ котораго немыслимо никакое цивилизованное государство.

Н. Реморовъ.

Изъ писемъ къ друзьямъ.

I.

Любезный другъ!

... Десять часовъ вечера. Вихремъ несется за окномъ снѣжная мятель, застилаетъ она путь — дорожку въ наше глухое село, ставитъ сугробъ на сугробѣ и загораживаетъ отъ свѣта Божьяго наши утлыя деревенскія избенки. Порывистый вѣтеръ со стономъ и свистомъ завываетъ въ трубѣ, пробивается въ каждую скважинку, въ каждую шелку стѣны... Изрѣдка слышенъ однообразный, похоронный благоговѣсть церковнаго колокола, предупреждающій объ опасности каждаго, кому въ такое ненастье случилось быть въ дорогѣ. На улицѣ никого не видно, темно, — ночь, какъ говорятъ, хоть глазъ коли. Крестьяне, давно уже поужинавъ, спятъ; только невдалекѣ гдѣ-то воютъ собаки, чуютъ, вѣроятно, что «сѣрый» бродитъ по задворкамъ. Жутко въ такую ночь и व्यюгу быть на улицѣ, а еще хуже быть теперь въ полѣ, среди разыгравшейся метели...

Въ моей небольшой школьной хатѣ, при свѣтѣ тусклой лампы, очень холодно; но дѣлать нечего: надѣлъ тулупъ, валенки... Надобно еще поправить тетрадки «старшихъ», да обдумать на завтра планъ урока съ «младшими»... Мясоѣдъ небольшой — необходимо поспѣшить!..

... Ненастье, холодъ и голодъ какъ-то особенно тяжело теперь давятъ на мое сердце, невольно заставляя углу-

биться въ себя и поразмыслить: что собственно такое составляю я въ обществѣ? какую пользу приношу на этомъ свѣтѣ? Что такое вообще народный сельскій учитель—я, ты или другой кто-либо изъ моихъ собратьевъ?... Задавалъ ли кто-нибудь изъ насъ такой простой вопросъ себѣ? Думалъ ли кто сознательно о своемъ назначеніи въ жизни?..

А мнѣ какъ-то невольно сейчасъ вспомнился и послѣдній день, проведенный нами въ стѣнахъ учительскаго института, гдѣ мы оканчивали курсъ. Помнишь ли, какъ всѣ мы, выпускные воспитанники, собрались въ этотъ день въ актовой залѣ, и здѣсь директоръ на прощанье сказалъ намъ: «вы выходите въ жизнь народными учителями и отъ васъ общество ожидаетъ многого... Учительство—далеко не обезпеченная должность: вамъ предстоитъ впереди перенести много зла и голода, и холода; но вы, не взирая на эти жизненные невзгоды, идите все впередъ и впередъ!.. Помните одно, что вся цѣль вашей жизни должна заключаться въ просвѣщеніи темнаго люда!» Помню, какъ глубоко запали тогда всѣмъ намъ въ душу эти простые слова институтскаго директора. Съ великою радостью и надеждою, что мы принесемъ-все таки посильную помощь обществу въ дѣлѣ его образованія, помчались мы на новыя мѣста нашей службы.

Послѣ всего этого—времени прошло немало. Прошелъ годъ, другой, третій... прошелъ, наконецъ, цѣлый десятокъ лѣтъ... Слышу, что многіе изъ моихъ институтскихъ товарищей перемѣнили учительскія должности на другія, болѣе выгодныя въ матеріальномъ отношеніи: кто занялся торговлей, кто поступилъ въ волостные писаря, кто—въ письмоводители къ становому приставу, а одинъ даже сдѣлался «акцизнымъ надзирателемъ»... Что за причина этого? Неприглядная ли учительская жизнь убила всякую энергію и охоту къ учительству, или другого рода причина? По моему, главная причина здѣсь та, что большинство изъ насъ не задавали себѣ никогда вопроса: что такое учитель

и какую пользу приносимъ мы обществу? Поразмыслимъ же объ этомъ немножко.

Для чего, въ самомъ дѣлѣ, нуженъ въ селѣ школьный учитель? Я знаю, что ты, быть можетъ, скажешь: «вотъ, чудакъ, нашелъ, что спрашивать! Извѣстно, что мы живемъ въ селѣ для того, чтобы учить грамотѣ ребятишекъ—читать, писать, считать»... Да, и я скажу, что у насъ это какъ будто бы главная цѣль. Да только одна ли эта цѣль? Нынѣ находится, къ сожалѣнію, немало людей, которые говорятъ, что грамота даже вредна для крестьянъ: выучившійся грамотѣ крестьянскій мальчикъ со временемъ будто бы выходитъ въ деревнѣ первымъ плутомъ и мошенникомъ, поступаетъ въ сельскіе писаря, гдѣ начинаетъ эксплуатировать своихъ же односельчанъ... Можетъ быть, такія явленія и встрѣчаются, но причина ихъ не заключается ли, главнымъ образомъ, въ томъ, что обученіемъ дѣтей грамотѣ мы часто ограничиваемъ все просвѣщеніе народа? Выучили въ школѣ ребенка читать и писать—и уже думаютъ, что дали ему образованіе, а о томъ, чтобы развить въ немъ нравственность, научить его жить по-христіански, дать ему толчокъ для самообразованія,—рѣдко кто изъ насъ думаетъ. Начнемъ хотя бы съ самаго простаго вопроса: для того ли только мы призваны работать, чтобы научить дѣвочку или мальчика читать и писать? Вѣдь учатъ же ребятишекъ грамотѣ и дьячокъ, и отставной солдатъ, и сельскія «чернички». Но, вѣдь, отъ насъ и правительство, и общество ждетъ чего-то большаго, чѣмъ простое обученіе чтенію и письму. Мы должны «просвѣщать» темный народъ, научать его сознательной, разумной жизни, а для этого намъ слѣдуетъ воспитывать ребенка въ школѣ такъ, чтобы онъ былъ со временемъ полезнымъ членомъ и общества, и государства. Нужно вспомнить, что мы живемъ среди народа темнаго, непросвѣщеннаго, что необходимо направить его на путь добра и правды, научить его сознательно относиться къ религіи, развить въ немъ правильное понятіе о Богѣ... Видишь ли, какое святое дѣло вручено намъ, и какое

обширное поле предстоитъ для нашей дѣятельности! Все это, конечно, мы, учителя, хорошо знаемъ. Если же кто сомнѣвается, тотъ спроси лучше любого сельскаго мѣжика или даже бабу: зачѣмъ они приводятъ своего сына или дочку въ школу? «Чтобы грамоту разумѣль, Бога научился почитать, былъ честенъ, не воръ, не мошенникъ, не пьяница!».. отвѣтятъ они. Подумай ты, какъ много заключается въ этихъ, повидимому, простыхъ словахъ; подумай хорошенько, и тогда ты поймешь свое назначеніе. О, какъ свято и велико это дѣло просвѣщенія народа! Представь себѣ, сколько современемъ будетъ возноситься о насъ теплыхъ молитвъ къ Богу, сколько благодарностей заслужимъ мы отъ тѣхъ, кому откроемъ свѣтъ истины? Какъ можно чаще слѣдуетъ представлять себѣ это, и тогда каждый изъ насъ невольно возвысится душою и полюбить дѣло учительства, да такъ полюбить, что уже ни на какую другую дѣятельность не промѣняетъ его, — и тогда всѣ тѣ матеріальныя невзгоды учительской жизни, которыя такъ часто сокрушаютъ насъ, покажутся намъ маловажными обстоятельствами. Пусть вокругъ насъ бушуютъ мятели, воютъ голодные волки; но мы, не смотря ни на какія жизненныя «терніи», будемъ продолжать работать на нивѣ Божіей. Станемъ по-прежнему свѣтить темному крестьянскому люду, хотя бы такъ же, какъ свѣтитъ мнѣ сейчасъ моя не яркая лампа.

Ноябрь, 1889 г.

II.

Любезный другъ!

...Нужно подняться высоко духомъ, нужно имѣть много горячей любви и преданности къ дѣлу просвѣщенія, чтобы всѣ эти «терніи» нашей учительской жизни показались обстоятельствами, не заслуживающими вниманія. Я, конечно, не имѣю въ виду людей, занимающихъ учительскія должности ради матеріальныхъ жизненныхъ расче-

товъ,—должность эта очень скудно оплачивается въ матеріальномъ отношеніи и не даетъ труженику ничего другого, кромѣ сухой корки хлѣба. Кто хочетъ найти въ этой должности порядочное матеріальное обезпеченіе, тотъ пусть лучше ищетъ себѣ другую жизненную карьеру. Чтобы быть истиннымъ народнымъ учителемъ, необходимо имѣть призваніе и любовь къ школьному дѣлу, да такую любовь, чтобы забыть для нея всѣ другія побочныя жизненныя обстоятельства. Вотъ какихъ именно людей я и имѣю въ виду для учительской должности. Трудись, работай, не взирая ни на какія жизненныя «терніи»! Правда; эти терніи бываютъ ужъ очень горьки, но не бѣда: продолжай работать! Помнишь ли,—хотя это было давно,—я получалъ тогда за учительство жалованья только 5 руб. 5 коп. въ мѣсяцъ. Ухитритесь-ка прожить мѣсяцъ на эти скудныя деньги? Но и этихъ денегъ мнѣ никогда не приходилось получать аккуратно каждый мѣсяцъ: очень часто волостной старшина по пяти-шести мѣсяцевъ къ ряду не выдавалъ мнѣ положеннаго жалованья, а если когда и выдавалъ, то удерживалъ себѣ, въ видѣ гонорара, нѣсколько рублей «на магарычи». Но и нѣсколько рублей составляли для меня большой расчетъ! Я, буквально, цѣлыми недѣлями сидѣлъ безъ куска чернаго хлѣба; о чаѣ или другомъ какомъ-нибудь лакомствѣ я уже и не помышлялъ. Одежда моя вся истрепалась, обувь избилась; приобрести себѣ новую экипировку я не могъ за недостаткомъ средствъ. Разъ,—дѣло было зимою,—пошелъ я въ волость просить у старшины денегъ. Волость находилась далеко, версты за полторы отъ школы; нужно было идти немало по-лемъ, по глубокому и рыхлому снѣгу, а я былъ въ худыхъ, холодныхъ сапогахъ... Когда я пришелъ въ волостное правленіе, снѣгъ, засыпавшійся мнѣ въ сапоги, сталъ таять, и мои ноги были всѣ въ водѣ. Воротившись домой въ школу, я уже не могъ согрѣться, и къ вечеру же почувствовалъ сильную лихорадку. На другой день я уже

совсѣмъ не могъ подняться съ постели. У меня открылась сильная горячка, и я лежалъ на соломѣ, на полу своей убогой школы. Спасибо доброму школьному сторожу-старикѣ Терентьевичу: онъ одинъ ухаживалъ за мною до тѣхъ поръ, пока я не пришелъ въ себя. Цѣлыхъ шесть недѣль пролежалъ я, не будучи въ состояніи проглотить и куска хлѣба, выпить каплю воды... Да у меня и не было какой-либо другой пищи! Я такъ изсохъ, исхудалъ, что, помнишь ли, когда ты пришелъ навѣстить меня, ты не узналъ меня: я до того измѣнился, что походилъ буквально на скелетъ. Ты поѣхалъ тогда въ сосѣднее село и привезъ ко мнѣ доктора, нашего общаго знакомаго NN... Послѣдній, спасибо, оказался очень добрымъ человѣкомъ и съ участіемъ отнесся къ моему тяжелому положенію. Мнѣ какъ-то стыдно стало за себя и за школу, когда онъ сказалъ, что главная причина моей ужасной болѣзни—не столько простуда, сколько истощеніе организма отъ «недостаточнаго питанія»...

Онъ на свои деньги купилъ для меня чаю, вина, бѣлаго хлѣба и настаивалъ, чтобы я, тотчасъ же по выздоровленіи, бросилъ учительскую должность и отправился съ нимъ въ уѣздный городъ,—тамъ онъ обѣщался приискать для меня иную, болѣе подходящую для моего здоровья, жизненную дорогу. Бросить должность учителя?—легко это сказать только со стороны, а для меня совсѣмъ невозможно. Пусть пришелъ бы ко мнѣ кто-нибудь въ школу да посмотрѣлъ бы, съ какимъ интересомъ и вниманіемъ слушаютъ дѣти исторію страданій Спасителя, какъ блестятъ слезы на ихъ маленькихъ глазенкахъ, или съ какимъ стараніемъ напрягаютъ они свои слабыя силы, чтобы разложить данное слово на составные звуки или рѣшить нетрудную задачу по счисленію! Ихъ ли, моихъ дорогихъ, бросить безъ удовлетворенія ихъ любознательности только изъ-за того, что самому плохо жить, что хочется поудобнѣе, получше устроиться въ жизни? Нѣтъ—это выше моихъ силъ! Буду ли я покоенъ

душою, живя самъ въ довольствѣ, когда тамъ, гдѣ-то въ захолустѣ, находятся тысячи «малыхъ сихъ», жаждущихъ просвѣщенія?...

А сколько разныхъ непріятностей приходится еще терпѣть намъ отъ «обывателей», не говоря уже о людяхъ, облеченныхъ извѣстною властью! Вѣдь сельскаго учителя считаютъ всѣ за «ничто»,—и кто только не издѣвается надъ нимъ?—И сельскій староста, и волостной старшина, даже простой деревенскій мужикъ—всѣ считаютъ себя выше народнаго учителя и всѣ признаютъ за собой право, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, поучить насъ, какъ надо жить и что дѣлать. Справедливо говорю, что нами не помыкаетъ развѣ лѣнивый... Со стороны темныхъ людей такіе поступки еще простительны, но гораздо хуже, если такими глазами глядятъ на учителя люди болѣе и менѣе интеллигентные, мало того,—даже люди, стоящіе во главѣ мѣстнаго управленія, которые должны бы сами, въ трудныхъ обстоятельствахъ, протянуть учителю руку помощи. Невольно припоминается мнѣ такого рода случай. Пришелъ я разъ, весною, въ уѣздную земскую управу получать жалованье; мнѣ здѣсь сказали, что жалованье сельскимъ учителямъ теперь не будутъ выдавать до октября мѣсяца. Что дѣлать мнѣ? Заѣхалъ я въ уѣздный городъ за 70 верстъ отъ своего села. Нѣтъ средствъ проѣхать обратно изъ города на мѣсто службы; нѣтъ денегъ и на мѣстѣ купить кусокъ хлѣба. Положеніе мое было, дѣйствительно, очень затруднительно. Мнѣ захотѣлось лично переговорить о своемъ положеніи съ предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Я вошелъ въ его канцелярію и сталъ излагать ему кратко, въ какомъ положеніи нахожусь. Что же, ты думаешь, сдѣлалъ со мною г. предсѣдатель управы? Не выслушавъ меня, какъ слѣдуетъ, онъ вскочилъ со стула и буквально вытолкалъ меня изъ комнаты, закричавъ: «Какъ смѣешь ты беспокоить *начальство*? Сказано тебѣ, что не будутъ выдавать вамъ денегъ до октября—и дѣлу конецъ!»

Жди, живи, чѣмъ хочешь, это не касается земской управы. Оскорбленіе нанесъ мнѣ тотъ, кто, первый, долженъ бы оказать поддержку! Но и этотъ фактъ и другіе подобныя же «терніи» моей жизненной дороги не заставили меня бросить учительство; я по прежнему работалъ съ усердіемъ. Матеріальныя страданія еще больше возвышали мою душу и заставили смотрѣть на свою должность, какъ на особый, святой подвигъ! Приду въ школу—и сейчасъ же все забуду. А вотъ лѣтомъ, когда я со школьниками пойду въ луга, въ поле для ботаническихъ или энтомологическихъ экскурсій,—придетъ ли тутъ на умъ моя горькая жизнь?!. До того ли тутъ, когда столько работы предстоитъ намъ?!. О, эти лѣтнія экскурсіи! Сколько пріятныхъ и свѣтлыхъ воспоминаній оставили онѣ для меня въ жизни!.. Жарко. На небѣ ни облачка. Лѣтнее полуденное солнце сильно накалило землю. Мутная рѣчка лѣниво катитъ свои мутныя воды между густыми кустами «осокори». Мы нагулялись, устали, поднявшись на прогулку еще съ утренней зарею... Съ цѣлымъ запасомъ разныхъ травъ и насѣкомыхъ спѣшимъ мы въ ближайшую тѣнистую рощу отдохнуть. Здѣсь, на свободѣ, каждый изъ дѣтей показываетъ, какое растеніе или насѣкомое онъ нашелъ; мы сообща опредѣляемъ его видъ, рассказываемъ о его жизни, и у насъ незамѣтно проходитъ цѣлый урокъ по естествовѣдѣнію... Останется еще время, поговоримъ про другое; кто-нибудь расскажетъ о своей жизни, или дѣти, собравшись въ кружокъ, започнутъ пѣсѣнки, или затѣютъ какія-нибудь игры... Я до страсти люблю дѣтей и часто самъ принимаю участіе въ ихъ играхъ... Надоѣло и пѣть, и играть... дѣти живо раздѣваются и кидаются въ рѣчку купаться. Вотъ раздолье-то для нихъ! Я сижу гдѣ-нибудь на пригоркѣ и люблюсь этой милой картинкой. Я люблю ихъ всѣхъ, какъ своихъ дѣтей. Вѣдь они—«розы» моей несчастной бѣдной жизни! Я далъ имъ свѣтъ просвѣщенія, любознательность... А какъ я знаю характеръ каждаго изъ нихъ!

Мнѣ ли бросить этихъ малютокъ исключительно ради того, что у меня нѣтъ сладкаго куска?! . . .

Да, полно, забудемъ всѣ эти житейскія непріятности! Посмотри, какъ вся эта деревенская дѣтвора привыкла ко мнѣ! Какъ жалко и тяжело для каждаго изъ нихъ разставаться со мною, когда они, по окончаніи курса, приходятъ въ школу получить свидѣтельство и проститься со мною.

Но я не теряю изъ виду своихъ учениковъ и по выходѣ ихъ изъ школы, постоянно поддерживаю съ ними связь, и они всегда заходятъ ко мнѣ въ школу—или спросить книжку, или просто поговорить со мной, посоветоваться о чемъ-нибудь житейскомъ... Часто, совсѣмъ уже взрослые, женатые, мои бывшіе ученики продолжаютъ ходить ко мнѣ и безъ моего совѣта не предпринимаютъ ничего важнаго въ своей жизни. Вотъ, если кто будетъ любить школьныхъ дѣтей и сумѣетъ привязать ихъ къ себѣ и къ школѣ,—повѣрьте, тому никогда не будетъ «скучно», и тотъ найдетъ въ своей жизни особый интересъ. Тогда мы невольно забудемъ свою горькую жизнь и никогда не бросимъ учительской должности. Тогда только мы будемъ истинными народными учителями и поймемъ свое назначеніе, а наша дѣятельность принесетъ обильные плоды. Въ томъ-то и дѣло, что большинство изъ насъ, учителей, думаютъ, что, научивши дѣтей читать и писать, представивши извѣстное число дѣтей къ экзамену,—они уже сдѣлали все свое дѣло. Но этого еще далеко недостаточно. Для истиннаго просвѣщенія нужна прежде всего горячая любовь къ дѣтямъ, преданность своему дѣлу, умѣнье привязать дѣтей къ себѣ и къ школѣ... Безъ этой любви къ дѣтямъ и къ своей дѣятельности, не слѣдуетъ никому и браться за учительство,—иначе такой учитель будетъ невольнымъ мучителемъ и себѣ, и дѣтямъ. Учитель—душа школы. Безъ учителя, искренно преданнаго своему дѣлу, школа будетъ гнилымъ трупомъ. Ошибается и начальство, когда требуетъ отъ учи-

теля, чтобы онъ только научилъ дѣтей грамотѣ и представилъ извѣстное число учениковъ къ экзамену. Оно думаетъ, что если учитель представилъ много дѣтей къ экзамену, то это хорошій мастеръ своего дѣла; мало представилъ или совсѣмъ не представилъ—плохой учитель. Вотъ почему, въ настоящее время, и земскія, и церковныя школы хотятъ перещеголять другъ друга *количествомъ дѣтей*, представляемыхъ ежегодно весною на экзамены. Какъ-то установилось ложное общественное мнѣніе, будто бы успѣхъ обученія въ данной школѣ можно опредѣлить по количеству выпускныхъ учениковъ или ученицъ. А какое вліяніе оказываетъ данный учитель на учениковъ, любятъ ли его дѣти, не теряютъ ли они связи со школою по выходѣ изъ нея,—объ этомъ никто не думаетъ, а, между тѣмъ, это-то и есть самое главное для успѣшнаго развитія народнаго образованія. У всѣхъ насъ еще въ памяти, бывшіе недавно, такъ называемые «холерные безпорядки», проявившіеся кое-гдѣ въ средней и южной Россіи. Нашлись тогда люди, которые стали обвинять народную школу въ бездѣйствіи,—будто она не выполнила своего назначенія въ дѣлѣ просвѣщенія народа... Сознавались тогда, что грамотныхъ много, но суевѣрій въ народѣ еще больше, сознавались, что школа не развила въ питомцахъ правильнаго взгляда на природу и ея явленія, на общественную жизнь... А, между тѣмъ, причина-то здѣсь очень простая: много открыто за послѣднее время школъ разныхъ типовъ—и земскихъ, и церковныхъ,—всѣ спѣшили лишь бы кое-какъ научить дѣтей читать и писать, какъ можно больше представить ихъ къ экзамену, а самое-то главное и забыли: что дѣти въ школахъ только *научаются грамотѣ*, а не получаютъ никакого *образованія*. Ктò учитъ въ народной школѣ, какъ онъ ведетъ дѣло, способенъ ли онъ къ учительству, имѣетъ ли призваніе къ этой должности?—никто про это и не спрашивалъ.

Подумай-ка хорошенько, кто учитъ въ нашихъ народ-

ныхъ школахъ! Отставные волостные писаря, исключенные «за непонятіе наукъ» гимназисты и, наконецъ, самое малое число специальныхъ учителей, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ — вотъ обычный составъ учителей нашей земской школы. Въ школахъ церковныхъ комплектъ преподавателей еще разнообразнѣе: кромѣ небольшого числа людей, искренно преданныхъ дѣлу, тамъ фигурируютъ и полуграмотные дьячки, и псаломщики, «батюшкины» сынки, исключенные изъ семинаріи, и батюшкины дочери, окончившія курсъ въ «епархіальномъ» и до пріисканія жениха пристроившіяся въ своемъ селѣ въ качествѣ учительницъ. Всѣ они находятъ пріютъ въ церковныхъ школахъ. Людей, понимающихъ дѣло просвѣщенія, въ нашихъ школахъ очень мало. Да такихъ людей у насъ и не любятъ. Теперь же спросимъ: можно ли ожидать пользы отъ такого плохого комплекта преподавателей? Рѣшительно никакой. Мы пооткрывали школы, но эти школы почти всѣ мертвы въ дѣлѣ распространения просвѣщенія,—скажемъ проще: безъ души, безъ настоящего, понимающаго дѣло, руководителя.

Ежегодно открываются у насъ цѣлыя тысячи школъ, предполагается ввести кое-гдѣ и «обязательное обученіе», а о приготовленіи надлежащихъ, понимающихъ дѣло, учителей никто и не думаетъ—взваливаютъ всю работу преподаванія въ школѣ или на приходское духовенство, уже обремененное своими прямыми обязанностями, или нанимаютъ дешовыхъ учителей за мѣдные гроши... А необходимо бы прежде приготовить къ этой должности дѣятелей, дать имъ приличное вознагражденіе и тогда уже открывать школы. Лучше имѣть десятокъ-другой хорошихъ школъ, чѣмъ открывать ихъ цѣлыя тысячи съ грошовыми учителями: пользы въ дѣлѣ народнаго образованія было бы несомнѣнно больше... Необходимо какъ можно больше открывать специально-педагогическихъ учебныхъ заведеній, хотя бы тѣхъ же учительскихъ семинарій или институтовъ для приготовленія способныхъ учителей даже изъ самихъ же

крестьянъ. Эту работу, но съ другими программами и съ болѣе умѣлой постановкой учебнаго дѣла, съ успѣхомъ могло бы взять на себя въ каждой губерніи мѣстное губернское земство, такъ какъ въ этомъ заключается интересъ всей губерніи.

Будемъ же трудиться въ пользу великаго и святаго дѣла просвѣщенія народа! Пусть не страшатъ насъ никакія бури житейскія, ни вой «голодныхъ волковъ», готовыхъ истерзать истинныхъ дѣятелей просвѣщенія. Будемъ вѣрить и надѣяться, что настанетъ время, когда люди, наконецъ, поймутъ свое заблужденіе, не будутъ ни гнать, ни преслѣдовать скромныхъ тружениковъ ни нивѣ Божіей, а станутъ цѣнить ихъ труды... А пока мы сами будемъ съ любовью и охотою служить этому великому дѣлу, не станемъ опускать рукъ передъ житейскими препонами и неприятностями...

Октябрь, 1892 г.

III.

Любезный другъ!

Въ южной части одной изъ центральныхъ великороссійскихъ губерній, почти на самой границѣ ея съ другою — малороссійскою, — лежитъ небольшое бѣдное село Б. Некрасиво расположено это село; нѣтъ вокругъ ни кустика лѣса, ни привольныхъ южныхъ степей съ ихъ живописными озерами. По голымъ песчанымъ буграмъ разбросаны въ безпорядкѣ жалкія крестьянскія избенки, рѣдко деревянныя, большею частью глиняныя «мазанки», часто безъ двора, безъ гумна и огорода... Черезъ самое село протекаетъ маленькая гнилая рѣченка, поросшая кое-гдѣ по берегамъ мелкими кустами «осокори». А кругомъ — все поля, безконечныя поля.

Хотя вблизи этого села проходитъ линія юго-восточной желѣзной дороги, и по сосѣдству находится богатое и торговое село, но жители села Б. отличаются крайнею бѣдностью. Малый ли земельный надѣлъ, или хлѣбные

неурожаи послѣднихъ лѣтъ, годъ отъ году, все больше и больше разоряютъ населеніе этого селъца и заставляютъ жителей искать счастья въ невѣдомыхъ «новыхъ мѣстахъ». За послѣднее время, около 300 душъ населенія м. п. переселилось изъ этого села въ томскую и оренбургскую губерніи; другая же часть жителей, побродивъ напрасно за поискомъ этихъ «счастливыхъ мѣстъ», возвратилась недавно назадъ на родину и влачить здѣсь жалкое существованіе, распродавъ, конечно, при переселеніи по дешевой цѣнѣ весь небольшой домашній скарбъ...

Въ этомъ-то именно селѣ судьба назначила мнѣ служить въ должности приходскаго дьякона и учителя мѣстной церковно-приходской школы. Думаю, ты готовъ уже спросить, что именно заставило меня перейти на службу въ епархіальное вѣдомство? Почему я разстался съ учительскимъ званіемъ и принялъ духовный санъ? Но вѣдь каждый видитъ, что я и не думалъ бросать учительство, а остался по прежнему народнымъ учителемъ—только принялъ званіе дьякона; разница только въ томъ, что прежде я былъ учителемъ земской школы, а теперь сталъ учителемъ школы церковной. Можетъ быть, ты спросишь еще: почему же я такъ сдѣлалъ? не искалъ ли я «теплаго духовнаго мѣстечка»? Боже, сохрани! Скажу прямо, что я поступилъ такъ, имѣя въ виду исключительно пользу школьнаго дѣла, чтобы имѣть больше вліянія на своихъ учениковъ по выходѣ ихъ изъ школы, не терять съ учениками нравственной связи, больше вліять на народъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Вотъ главная причина перемѣны моей жизни. Какого-либо матеріальнаго разсчета въ жизни я совсѣмъ не имѣлъ въ виду, да такого разсчета и не можетъ быть въ настоящей моей жизни. Такъ, въ послѣднее время, по должности учителя я получалъ жалованья отъ земства только 162 руб. въ годъ; теперь же получаю въ своемъ бѣдномъ приходѣ никакъ не болѣе того, да разница еще та, что прежде, какъ учителю, жалованье выдавалось мнѣ ежемѣсячно полностью,

теперь же мнѣ приходится собирать эту сумму буквально «грошами», стоять съ протянутой рукой, какъ нищему. Правда, мы собираемъ, кромѣ того, еще содержаніе «натурою»: мукою, рожью, кусками пироговъ; но, подумай, какъ тяжело бываетъ подѣ часть производить этотъ сборъ «руги». Ужъ если принимать въ расчетъ матеріальное положеніе, то, пожалуй, содержаніе мое, какъ учителя, было даже нѣсколько выгоднѣе: тамъ я со спокойною совѣстью получалъ у старшины или въ земствѣ положенное жалованье, здѣсь же, Христа ради, долженъ просить у послѣдняго бѣдняка копѣйку денегъ или чашку ржаной муки, да часто у такого мужика, которому и самому-то нечего ѣсть! Какъ видишь, я очень мало выгадалъ здѣсь въ матеріальномъ отношеніи. Жалованья же собственно за церковную школу никто изъ насъ ни отъ кого не получаетъ ни копѣйки.

...Но и теперь въ моей дѣятельности не всюду «терніи»: я, по крайней мѣрѣ, нахожу на своемъ жизненномъ пути и «розы», которыя даютъ мнѣ ежедневно нѣсколько свѣтлыхъ и счастливыхъ часовъ. Вотъ, напр., школьные дѣти, мальчишки или дѣвочки—все равно... Правда, некрасивыми кажутся они по наружности: чумазия, грязныя, непричесанныя... но подѣ этою-то некрасивою наружностью часто скрывается чистая, свѣтлая душа, доброе привѣтливое сердце. Приходилось мнѣ случайно имѣть дѣло и съ городскими дѣтьми, но нѣтъ въ нихъ того, что нашелъ я въ крестьянскихъ дѣтяхъ... Городскія дѣти и чисты, и красивы по наружности, и часто нарядны, какъ куколки; но нѣтъ въ нихъ той задушевности и привѣтливости, какую вы встрѣтите въ деревенскомъ ребенкѣ, если, конечно, съумѣете расположить его къ себѣ. И нравственность крестьянскихъ дѣтей стоитъ выше городскихъ: они почти всегда честны, правдивы; особенно выдающихся проступковъ за ними не замѣчаешь... Мать-природа, среди которой они постоянно живутъ, воспитала ихъ по своему. Не чуждаться слѣдуетъ этихъ милыхъ, привѣтливыхъ дере-

венскихъ дѣтей, а полюбить ихъ всею душою,—и тогда школьныя занятія не покажутся намъ скучными, однообразными, и мы будемъ находить невольный интересъ въ своей дѣятельности.

Возьму для примѣра хотя бы свою церковную школу. Съ какимъ интересомъ слѣдятъ мои дѣвочки за какимъ-нибудь рассказомъ въ школѣ! Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ онѣ на меня, стараясь не потерять ни одного слова! Невольно и самъ увлекаешься урокомъ, забываешь и время, и всѣ свои горькія житейскія обстоятельства...

Вотъ подошелъ конецъ учебнаго года. Наступаетъ весна: солнышко свѣтитъ привѣтливѣе, милѣе... Лѣса одѣлись въ зеленый покровъ, луга зазеленѣлись подъ бархатнымъ изумруднымъ ковромъ. Птички весело вьются вокругъ жилья, строятъ гнѣздышки... Всюду жизнь, приволье... Тепло, свѣтло, весело,—хочется въ поле, на просторъ...

Темно, душно стало въ нашей школьной каморкѣ. Истомились мои дѣвочки, но по прежнему съ охотою бѣгутъ каждое утро въ мою школу, спѣшно готовятся къ экзамену...

Самый экзаменъ школьное «начальство» никогда не производило въ нашемъ убогомъ школьномъ помѣщеніи, и я съ своими ученицами долженъ явиться въ извѣстный день въ какое-нибудь сосѣднее село по назначенію наблюдателя, часто верстъ за десять, за пятнадцать отъ нашего.

Встанутъ, бывало, мои дѣвочки въ день экзамена еще только чуть покажется разсвѣтъ и бѣгутъ проворно ко мнѣ въ школу. Всѣ онѣ чистенькія, принаряженные, какъ въ самый большой праздникъ; на всѣхъ красныя платья съ чистыми бѣлыми фартучками; въ косахъ завязаны красныя ленточки... Нынѣ онѣ не такъ веселы, какъ всегда; блѣдныя личики ихъ серьезны, задумчивы: видно, трепещутъ ихъ маленькія сердечки въ ожиданіи злополучнаго экзамена... Жаль мнѣ ихъ вести на экзаменъ въ чужую школу, къ чужимъ людямъ. Я самъ предчувствую, что эти люди встрѣтятъ насъ не особенно привѣтливо. Мои школь-

ницы, конечно, ничего этого не знаютъ, но вѣдь дѣтскія сердечки ихъ необыкновенно чутки... Они походятъ на жертвъ, ведомыхъ на закланіе... Я всячески стараюсь успокоить ихъ, разъясняю имъ, что бояться нечего, слѣдуетъ только держать себя смѣлѣе, знать, что нужно: вѣдь всѣ экзаменаторы—наши друзья... Онѣ нѣсколько успокоиваются и просятъ только, чтобы я ихъ поддержалъ на экзаменѣ... Наконецъ, намъ подають деревенскую подводу; мы всѣ усаживаемся на телѣгу и ѣдемъ на экзаменъ. Дорога веселая, весенняя... Стоитъ конецъ апрѣля; только что сошла полая вода. Солнце ярко свѣтитъ, не смотря на раннее утро. Отъ земли поднимается густой паръ. Ѣдемъ мы черезъ зеленые луга... Вотъ въ большомъ озерѣ, что осталось послѣ половодья, хоромъ заквакали лягушки. Вотъ пронеслась на встрѣчу намъ стая дикихъ утокъ...

— А! смотрите, смотрите... сколько утокъ-то летитъ!..—кричатъ мои дѣвочки, и начинается у нихъ разговоръ о птицахъ, кто какихъ видывалъ... И такъ всю дорогу идетъ у насъ съ ними бесѣда,—и мы не замѣчаемъ, какъ доѣхали уже до села, гдѣ сегодня будетъ засѣдать экзаменаціонная комиссія.

Робко входятъ мои дѣвочки на крыльцо школьной избы. Въ школѣ собралось уже много дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ, тоже пріѣхавшихъ изъ сосѣднихъ школъ на экзаменъ. Наши школьницы, ободренныя мною, скоро свыкаются съ обстановкою; смотришь, онѣ уже и подружились со всѣми, идутъ между ними оживленные разговоры, толки...

Экзаменъ окончился, всѣ наши школьницы сдали его блистательно. Онѣ очень веселы и довольны... Съ пѣснями возвращаемся мы домой въ свое родное село... Весело и мнѣ самому глядѣть на эти счастливыя личики моихъ дѣвочекъ... Онѣ ли не наградили меня за всѣ школьные труды? Онѣ ли не тѣ «розы» моей скудной учительской жизни, какія могутъ возвысить мою душу до того, что всѣ непріятности моего «тернистаго пути» покажутся не

только незначительными, пустыми обстоятельствами, но подчасъ даже и смѣшными? Стоитъ только,—опять скажу,— полюбить всю душою школьныхъ дѣтей, сѣумѣть расположить ихъ къ себѣ,—и они всегда будутъ служить намъ большою наградою въ трудныя минуты нашей жизни...

Но школа—одно дѣло, а жизнь—нѣсколько другое. Поэтому мнѣ лично какъ-то грустно каждый разъ разставаться со школьными дѣтьми при выходѣ ихъ изъ школы по окончаніи ученія. Я знаю, что жизнь глухой деревни мало-по-малу затянетъ ихъ въ свою тину; скоро лепестки этихъ нѣжныхъ розъ поблекнутъ; скоро забудутъ онѣ, что когда-то учились въ школѣ, а нѣкоторые изъ нихъ даже разучатся читать... Вѣдь наша школа еще не владеетъ теперь такими средствами, которые могли бы поддерживать школьное образованіе дѣтей, продолжить связь ихъ со школою, дать матеріалъ для полезнаго чтенія и самообразованія. Правда, наше правительство, и свѣтское, и духовное, стало уже обращать вниманіе и на эту важную сторону просвѣщенія. Слышно уже, что кое-гдѣ открываются народныя читальни и воскресныя чтенія для бывшихъ школьниковъ. Самое дѣло народного образованія становится годъ отъ году на болѣе прочную и твердую почву: въ духовномъ вѣдомствѣ въ послѣднее время появились опытные руководители школьнаго дѣла—уѣздные и епархіальные наблюдатели церковныхъ школъ,—проектируется открытіе двухклассныхъ церковныхъ школъ для приготовленія учителей въ школы грамоты. Все это подаетъ надежды, что народное образованіе у насъ не находится въ застоѣ, а идетъ вперед...

Будемъ же терпѣливо ожидать, что время не за горами, когда народное просвѣщеніе широкой волной разольется по всей нашей родной землѣ. Настанетъ время, когда въ каждой глухой деревушкѣ, вмѣсто школы грамоты съ учителемъ-солдатомъ во главѣ, будетъ настоящая школа съ настоящимъ, понимающимъ дѣло, школьнымъ учителемъ; будутъ вездѣ открыты народныя бібліотеки

или читальни, устроятся при школахъ повторительные курсы для бывшихъ школьниковъ. Многія земства, какъ слышно, подняли уже вопросъ о введеніи въ своихъ губерніяхъ *обязательнаго ученія* для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста... А теперь пока будемъ работать и трудиться, не опуская рукъ, да полюбимъ всею душою крестьянскихъ дѣтей, въ просвѣщеніи которыхъ заключается все будущее нашей родины...

Апрѣль 1896 г.

Отрывки изъ дневника.

2-го сентября 189 года.*

Сегодня у насъ открылась школа. Изъ прошлогоднихъ дѣвочекъ не явились учиться только три школьницы; одна изъ нихъ минувшимъ лѣтомъ уѣхала со своими родителями на «новыя мѣста» въ Сибирь, а двѣ другія оставили школу по домашнимъ обстоятельствамъ... Жаль мнѣ особенно Полю, дѣвочку лѣтъ одиннадцати... Малютка эта пробыла въ школѣ только годъ, но была очень прилежна, аккуратна, къ тому же тихая и послушная. Весною родилась у Поли маленькая сестрѣнка, и мать не пустила ее больше ходить въ школу, а оставила при себѣ въ «няньки». Вчера опять ходилъ я къ матери этой дѣвочки...

— Какъ же это ты, Авдотья, не надумалась отпустить свою дѣвочку еще на годъ въ школу? Вѣдь Поля-то твоя отлично занялась,—чуть ли не въ десятый разъ упрашивалъ я бабу...

— Самой жаль, голубчикъ, отрывать дѣвку отъ школы, да ничего не подѣлаю со своей нуждой-то... Вѣдь мужикъ мой—самъ знаешь—почти круглый годъ живетъ въ работникахъ; на дворѣ не велика скотинка, а тоже при-смотра требуетъ—корова, телята тамъ... дѣвчонка грудная

на рукахъ—нянчить некому... Чтò я буду дѣлать безъ Поли? Будь у меня еще подростокъ, слова бы не сказала, родимый: пусть бы моя дѣвка до дѣла дошла!..

Я невольно соглашался съ доводами Авдотьи; баба она, дѣйствительно, теперь одинокая... А все-таки жалко терять изъ школы способную ученицу! Сегодня дивчаты рассказывали мнѣ, какъ Поля всю ночь и утро проплакала,—все просилась у матери въ школу.

Вновь принялъ я двѣнадцать дѣвочекъ; желающихъ учиться явилось больше, но пришлось пока отказать остальнымъ за недостаткомъ помѣщенія до слѣдующаго года. Въ числѣ принятыхъ оказались дѣвочки уже двѣнадцати-тринадцати лѣтъ; онѣ пришли учиться изъ сосѣдней деревни нашего прихода Х., версты за три отъ школы... Пришли эти дѣвочки въ школу однѣ безъ родителей и просили меня: «прими насъ, пожалуста, въ школу,—намъ страсть какъ хочется учиться»... Я, конечно, съ удовольствіемъ исполнилъ ихъ просьбу... Другихъ дѣтей обыкновенно приводилъ въ школу кто-нибудь изъ родителей.

Вотъ привелъ сегодня ко мнѣ свою дочку крестьянинъ нашего села Б. Тихонъ—мужикъ трезвый, толковый и глубоко-религіозный. Онъ просилъ меня такъ:

— Не богато живемъ мы и еще,—надобно Господа благодарить,—сыты и довольны; работа наша извѣстно какая—все мужицкая, крестьянская и, пожалуй, нужды въ грамотѣ не было бы... Да вотъ иной разъ приглядишься, какъ все на свѣтѣ Божьемъ дѣлается: богатый притѣсняетъ бѣдняка, а помочь сиротѣ или нищему—про то никто и не думаетъ... Мы люди темные—да какъ послушали, чтò въ книгахъ-то божественныхъ написано, какъ Господь Богъ велитъ намъ жить, такъ мы съ бабой и надумали: если ужъ мы, люди темные, слову Божію учились по крошечкѣ, гдѣ придется услышать, такъ хочется дѣтямъ-то своимъ, покуда они молоды и на работу негодны, открыть глаза...

Я записалъ въ школу дочку Тихона, Машу, дѣвочку лѣтъ девяти. Она была очень симпатичный ребенокъ и знала уже, безъ искаженія словъ, многія молитвы.

Привела свою дѣвочку учиться въ школу и тетка Дарья, у которой семь человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше... Живетъ эта баба очень бѣдно, ея мужъ—горькій пьяница; каждую пятницу, какъ пріѣзжаетъ съ базара изъ М. въ нетрезвомъ видѣ, жестоко колотить жену...

— Прими учиться мою Парашку-то! Поучи ее, пожалуста, побольше божественному, да держи построже, не позволяй баловаться. За шалости чаще сѣки ее!.. Хочется мнѣ, чтобы дѣтки-то не были въ отца распутныя!.. Самъ, чаю, знаешь мою жизнь-то горькую...—При этомъ баба отерла рукавомъ набѣжавшую на глаза слезу и продолжала: Я и Бога-то прошу, чтобы Господь вразумилъ его, горемычнаго, бросить вино... Теперь дала обѣтъ—обучить своихъ дѣтей въ школѣ...

— Хорошее дѣло вздумала ты, Дарья! Божественное писаніе и грамота—первое дѣло въ жизни. Вижу: дѣвочка твоя смиренная—шалить въ школѣ не будетъ и скоро пойметъ науку. О мужѣ не горюй; терпи, больше молись Богу; быть можетъ, Господь и вразумитъ твоего мужика бросить пьянство,—утѣшалъ я, съ своей стороны, бабу.

— И я хочу учиться!..—выступила предо мною одна шустрая дѣвочка...

— Чья ты? кто твой отецъ?—спросилъ я.

— Марина... Петра Кузьмича Шевлякова,—бойко отвѣтила мнѣ малютка.

— Приставала ко мнѣ дѣвочка всю недѣлю: отведи меня, мамка, въ школу, да и только... И для домашности мнѣ она нужна бы, да, видно такъ и быть—пусть бѣгаетъ въ школу. Только ты ее дюже не приневоливай къ занятію—она у меня слабенькая.

Я записалъ въ журналъ и эту Марину Шевлякову. Дѣвочка прыгала отъ радости. Самъ я радовался въ душѣ, смотря на это дѣтское стремленіе къ школѣ.

Записалъ еще нѣсколько «новенькихъ», и скоро пріемъ былъ оконченъ. Я разсадилъ вновь принятыхъ школьницъ на свои мѣста, разсказалъ имъ кратко, какъ слѣдуетъ вести себя въ школѣ, и еще кое-что... Затѣмъ мы всѣ тепло помолились Богу передъ началомъ новыхъ школьных трудовъ: пропѣли всѣмъ классомъ молитву,—и я отпустилъ всѣхъ дѣтей по домамъ.

3-го сентября.

— Агрипина Кожухова?—перекликалъ я сегодня своихъ новыхъ школьницъ.

— Здѣсь!—чуть слышно отвѣтила маленькая дѣвочка, и я невольно обратилъ вниманіе на ея унылый видъ. Замѣтно было, что дѣвочка эта находится въ какомъ-то волненіи...

— Чтò съ тобою, милая? Отчего ты сегодня такая невеселая?—приласкалъ я ее.

Вмѣсто отвѣта, глаза малютки наполнились слезами, и она громко зарыдала.

— Ее мать не пустила нонѣ въ школу, спрятала у нея юбку съ кафтаномъ да полусапожки, и ѣсть не давала; говоритъ: «не зачѣмъ тебѣ ходить въ школу»... Грушка-то сама и убѣждала отъ матери съ нами учиться...—отвѣтила за нее дѣвочка.

— Да вѣдь вчера же мать пустила ее?—спросилъ я.

— Нѣтъ... Вчера Груша одна приходила записываться... Мать ея вчера на подсолнухахъ была; Груша безъ нея и ушла съ нами въ школу, а вечеромъ-то, какъ пришла баба съ работы и узнала, что дѣвка въ школу записалась,—не велѣла ходить ей учиться...

— Почему же мать запрещаетъ ей ходить въ школу? Вѣдь дѣвочка остается дома совершенно безъ дѣла?—невольно спросилъ я.

— Да такъ, говоритъ, не учиться ей да и только... Ей,—говоритъ мать,—въ «чернички» не ходить, а бабѣ грамота не нужна... Дѣтей качать и безъ грамоты научится!..

— Ужели такъ и говорить?—удивился я.

— Да много такихъ, о. дьяконъ!—доносятъ мнѣ дѣвочки:—Вотъ тетка Домна Лукахина всегда надъ нами смѣется: «что, говоритъ, вы только попусту одежду и обувь рвете? Къ чему бабѣ грамота? Мальчишкѣ, вонъ тому въ солдатахъ пригодится... А дѣвку куда возьмутъ? Замужъ развѣ?».. А то вонъ дядя Сидоръ жену свою поколотилъ вчера, отчего Надю не возьметъ изъ школы, да, спасибо, тетка-то Дарья не послушалась мужа...

— Евдокія Проскурина?

— Нѣтъ ея.

— Отчего же она не пришла?

— Сегодня мать ея ушла на хуторъ къ Придорогину молотить подсолнухи, а Дуняшку оставила съ ребятами...

— А долго мать ея пробудетъ на работѣ?

— Съ недѣлю промолотить...

— Когда же ея дочь учиться будетъ?

— Да баба говоритъ: «пусть дѣвчонка ребяташекъ пока нянчить... Въ ученьѣ она догонитъ подругъ и послѣ»...

— Елена Буслаева?

— Ея больше не пустятъ въ школу.

— Почему же?

— Отецъ ея говоритъ, что въ школѣ плохо учать...

— Да развѣ она плохо училась у насъ?

— Кто ихъ знаетъ... Отецъ и мать Алены говорятъ: «избаловалась совсѣмъ наша дѣвка, какъ въ школу стала ходить. Уроковъ на домъ никакихъ не задаютъ, какъ въ другихъ школахъ... Въ школу бѣжитъ, словно на улицу; никого не боится. Потому,—говорятъ они еще,—что въ школѣ у насъ никого не бьютъ, не наказываютъ—одно баловство... пусть ужъ лучше дѣвка дома прясътъ учиться»...

— Что-то Соловьевыхъ дивчатъ изъ Х. не видно сегодня? Вчера сами приходили и просили записать ихъ...

— Соловьевыхъ тоже больше не пустятъ въ школу...

— Почему такъ?

— Бабка не велѣла матери пускать ихъ учиться... «Куда,—говоритъ,—имъ такимъ большимъ въ школу ходить? Стыдно—люди смѣются будутъ!.. Имъ прялка нужна, а не книга»...

— Да развѣ въ ученіи есть что смѣшного?

— Бабы такъ говорятъ, что большимъ дѣвкамъ стыдно учиться...—отвѣтила одна изъ «новенькихъ», очень бойкая взрослая дѣвочка:—вонъ сосѣдъ нашъ смѣется своей женѣ: «ты бы, говоритъ, пошла въ школу учиться»!..

— Ну, довольно! довольно... А вотъ скажите-ка мнѣ лучше—Паша не надумалась въ школу идти? Вѣдь мать ея обѣщалась мнѣ и на этотъ годъ отпустить?

— Э!.. Да она вотъ-вотъ помретъ...

— Чтò такъ?

— Животъ что ли у нея заболѣлъ—хорошо не знаемъ... Позвала къ ней мать на прошлой недѣлѣ бабу-моршанку полѣчить... Бабка натопила жарко баню, положила Парашку на горячую печь, да натерла какой-то мазью... Дѣвка ужъ пухнетъ вся, и по тѣлу нарывы пошли...

7-го сентября.

... Много писали въ разныхъ газетахъ и журналахъ о реформѣ нашей средней школы, о переутомленіи воспитанниковъ классицизмомъ, но очень и очень мало,—если не считать краткихъ замѣтокъ,—приходилось читать о надлежащей организаціи нашей народной школы. А вѣдь здѣсь тоже, въ большинствѣ случаевъ, господствуетъ своего рода «классицизмъ», въ формѣ изученія съ дѣтьми различныхъ грамматическихъ правилъ правописанія, для того чтобы питомцы начальной школы на экзаменахъ при окончаніи курса могли написать безъ ошибки диктантъ. Каждый добросовѣстно трудящійся учитель знаетъ, что диктантъ съ грамматикою отнимаетъ въ школѣ болѣе половины учебнаго времени, а другая часть года уходитъ на

развитіе въ дѣтяхъ своего рода «гимнастики ума» для рѣшенія загадокъ-задачъ во вкусѣ Гольденберга... Все это дѣлается въ ущербъ другимъ существеннымъ задачамъ народной школы, въ числѣ которыхъ главныя: сознательное изученіе родного языка, умѣніе толково и ясно излагать свои мысли на бумагѣ, хотя бы въ формѣ пересказа прочитаннаго, или въ формѣ простого письма къ роднымъ... Необходимо развить въ дѣтяхъ правильный взглядъ на природу съ ея явленіями; для развитія въ дитяти нравственности не слѣдуетъ ограничиваться заучиваніемъ сухихъ правилъ и наставленій, а умѣть расположить сердце ребенка къ воспріятію религіозныхъ истинъ, научить его истинной сознательной молитвѣ. При такихъ только условіяхъ, школа принесетъ должные плоды въ дѣлѣ просвѣщенія и приготовитъ ребенка къ разумной жизни. Мнѣ хотѣлось бы изложить здѣсь свои личные взгляды на постановку школьнаго дѣла, извлеченные изъ собственной практики. Такъ какъ интересы и задачи сельской народной школы должны быть дороги не однимъ только учителямъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто искренно любитъ свою родину и желаетъ ей счастья, то, надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня, если я введу ихъ на нѣкоторое время въ кругъ специально-школьныхъ вопросовъ...

У кого сколько отдѣленій или группъ въ школѣ? Отчего происходятъ отдѣленія? Почему у одного учителя въ школѣ два отдѣленія, у другого—три, а у иного четыре?.. Какъ сдѣлать, чтобы школа состояла изъ возможно меньшаго числа отдѣленій и какъ заниматься съ ними одному учителю?

Все это—такіе вопросы, на которые не каждый изъ насъ можетъ дать болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты, хотя эти вопросы со всѣхъ сторонъ много разъ разбирались, какъ въ нашей педагогической литературѣ, такъ и на разныхъ учительскихъ курсахъ... А, между тѣмъ, успѣхъ каждой школы зависитъ главнымъ образомъ отъ правильнаго рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ. Мнѣ кажется, что

предписать учителю обязательную норму—вести въ школѣ два или три отдѣленія, вставить его дѣятельность въ ту или другую рамку или обязать ввести одинаковое росписание учебныхъ занятій для всѣхъ школъ того или другого района—едва ли возможно. Все зависитъ не только отъ личности учителя, отъ распредѣленія обдуманнаго имъ учебнаго матеріала, но и отъ мѣстныхъ условій. Приведу, прежде всего, примѣръ изъ жизни своей школы. Въ началѣ моей службы въ церковной школѣ, у меня было всего два отдѣленія, какъ того и требовала тогда самая программа церковной школы. При такихъ условіяхъ, заниматься съ дѣвочками мнѣ было очень удобно: занятія шли въ теченіе года попеременно: одинъ урокъ въ старшемъ, другой въ младшемъ отдѣленіи, такъ что каждая изъ группъ имѣла въ день по два часовыхъ урока съ учителемъ. Въ то время, когда я занимался съ однимъ изъ отдѣленій, другому поручалась какая-нибудь самостоятельная работа. Конечно, каждая изъ этихъ работъ безъ учителя обязательно повѣрялась мною въ концѣ урока; стало быть, и самостоятельные уроки не пропадали даромъ. Благодаря этому, мои дивчаты въ двѣ зимы успѣвали проходить курсъ необходимыхъ учебныхъ предметовъ настолько успѣшно, что въ концѣ второго учебнаго года держали экзаменъ на окончаніе курса. Такой краткій школьный курсъ давалъ мнѣ возможность привлекать къ ученію гораздо болѣе крестьянскихъ дѣвочекъ, чѣмъ если бы я держался трехлѣтняго курса. Извѣстно, кто крестьяне наши мало обучаютъ своихъ дѣвочекъ въ школѣ: главнымъ образомъ по той причинѣ, что дѣвочка-подростокъ, въ возрастѣ десяти-двѣнадцати лѣтъ, необходима семьѣ въ качествѣ помощницы матери по хозяйству. Два года полнаго обученія въ школѣ—не слишкомъ обременительны для каждой семьи, и матери охотно отпускали ко мнѣ своихъ малютокъ. Съ другой стороны, я замѣтилъ, что такой краткій курсъ обученія не давалъ еще моимъ питомцамъ такихъ твердыхъ основныхъ знаній по нѣкоторымъ предметамъ, которыя могли бы должнымъ

образомъ приготовить будущую мать къ жизни, дали бы толчокъ для дальнѣйшаго самообразованія. Я рѣшился тогда испытать одно средство. Задерживать всѣхъ дѣвочекъ для обученія въ школѣ на цѣлый лишній годъ мнѣ не хотѣлось изъ опасенія разстроить школу потерю болѣе половины ученицъ. Я оставилъ тогда въ школѣ на одинъ лишній годъ въ старшемъ отдѣленіи только нѣсколькихъ дѣвочекъ, болѣе надежныхъ въ томъ отношеніи, что онѣ не покинутъ школы безъ свидѣтельства. И вотъ у меня образовалось еще третье—старшее—отдѣленіе, съ которымъ я и сталъ уже на слѣдующій годъ заниматься повтореніемъ всего пройденнаго въ болѣе обширномъ объемѣ, сообщивъ и кое-что новое... При окончаніи курса, эти дѣвочки обладали болѣе твердыми познаніями, чѣмъ тѣ, какія держали экзаменъ послѣ двухлѣтняго обученія. Жаль только, что нельзя было всѣхъ дѣвочекъ проводить чрезъ это третье отдѣленіе, потому что очень многія выходили изъ школы послѣ второго года; поэтому и такого рода третье отдѣленіе было у меня не ежегодное, а когда имѣлись подходящія ученицы. Это заставило меня раздѣлять и самый учебный матеріалъ такимъ образомъ, чтобы среднее отдѣленіе (второй годъ) служило у меня не для подготовки дѣтей въ старшее, а имѣло бы законченный видъ, чтобы тѣ изъ дѣвочекъ, которыя не могутъ далѣе посѣщать школы по домашнимъ или другимъ обстоятельствамъ, могли бы держать экзаменъ и получать свидѣтельство изъ средняго отдѣленія. Такимъ образомъ, для младшаго отдѣленія у меня былъ подготовленъ такого рода матеріалъ, сентябрь—октябрь—обученіе русской грамотѣ въ связи съ церковно-славянскимъ, по звуковому методу (письмо и чтеніе пройденныхъ буквъ, слоговъ и фразъ), со второй половины года—чтеніе краткихъ статей по книгѣ Попова, ч. I, и по церковно-славянской книжкѣ Ильминскаго; по счисленію—наглядное знакомство съ маленькими числами и ихъ свойствомъ, составленіе чиселъ изъ единицъ, изъ другихъ чиселъ равныхъ и неравныхъ, разложеніе чиселъ

на другія равныя или неравныя меньшія числа, устное рѣшеніе нетрудныхъ практическихъ задачъ въ предѣлѣ пройденныхъ чиселъ. Въстѣ съ тѣмъ, по правописанію во второй половинѣ года, я проходилъ съ «младшими» первую часть «уроковъ» Пушкова. Во второй годъ обученія (среднее отдѣленіе) чтеніе съ цѣлью изученія избранныхъ статей религіозно-нравственнаго, географическаго и историческаго содержанія по книгѣ Радонежскаго, ч. I; по церковно-славянскому чтенію, въ первой половинѣ года, упражнялись въ механическомъ чтеніи (безъ перевода) псалтыря по порядку (2 ур. въ недѣлю съ учителемъ) и часослова (1—2 урока); во второй половинѣ—дѣти читали избранныя мѣста изъ евангелія съ переводомъ на русскій языкъ (2 ур. въ недѣлю). На урокахъ правописанія дѣти знакомились съ понятіемъ о предложеніи и главныхъ членахъ предложенія, умѣли сами составлять предложенія и въ болѣе или менѣе связномъ видѣ передавать устно содержаніе прочитанной статьи цѣлыми связными предложеніями; знакомились также кратко съ частями рѣчи и правописаніемъ коренныхъ словъ. По счисленію изучали десятичную систему, получали ясное понятіе о четырехъ ариметическихъ дѣйствіяхъ и умѣнье приложить ихъ къ рѣшенію практическихъ задачъ. Вотъ чѣмъ оканчивался у насъ курсъ обученія послѣ двухлѣтняго пребыванія въ школѣ. Дѣвочки выходили изъ моей школы, хотя, можетъ быть, и не съ твердыми знаніями, но могли свободно держать экзаменъ на окончаніе курса.

Теперь расскажу планъ занятій съ тѣми ученицами, которыя остаются въ школѣ на третій годъ (старшее отдѣленіе). Съ этими «старшими», по объяснительному чтенію, мы читали болѣе трудныя статьи историческаго и географическаго содержанія по книгѣ Радонежскаго, ч. I, и книгѣ Попова, ч. III. При разсказѣ дѣти пріучаются уже говорить болѣе связными предложеніями, а также письменно набрасываютъ планъ прочитанной статьи (по вопросамъ) и письменно, связнымъ языкомъ, излагаютъ все содержаніе данной

статьи. По правописанію пишутъ диктантъ и знакомятся съ правилами, помѣщенными въ III-ей части «уроковъ» Пущыковича; заучиваютъ съ объясненіемъ болѣе трудныя по содержанію стихотворенія, напр., «Кто онъ?» Майкова, «Петербургъ» Пушкина, «Утренняя звѣзда» Жуковского и др. По счисленію рѣшаютъ устно и письменно болѣе трудныя задачи на всѣ дѣйствія составныхъ именованныхъ чиселъ любой величины и кратко знакомятся съ дробными величинами болѣе въ практическомъ отношеніи. По славянскому чтенію дѣти, кромѣ псалтыря и часослова, продолжаютъ читать съ переводомъ евангеліе. Я привелъ здѣсь только *свой* планъ занятій, какого долго придерживался въ школѣ. Быть можетъ, онъ не согласованъ съ программой церковной школы или имѣетъ другіе существенныя недостатки, но вѣдь я имѣлъ въ виду, при работѣ его, исключительно свою *мѣстную* школу, и притомъ школу для дѣвочекъ... Для обученія же мальчиковъ, которые обыкновенно не стѣсняются трехлѣтнимъ обученіемъ въ школѣ, можетъ быть, кто-нибудь придумаетъ иной планъ занятій, сообразный съ мѣстными требованіями...

Кто хочетъ видѣть успѣхъ своей школы, тому необходимо заблаговременно, еще въ самомъ началѣ учебнаго года, обдумать весь учебный матеріалъ, какой онъ намѣренъ пройти съ дѣтьми въ теченіе всего учебнаго года, предварительно распредѣливъ его по третямъ года, по недѣлямъ и днямъ, и составить для своей школы распisanіе ежедневныхъ уроковъ. Мало этого: необходимо еще каждому учителю ежедневно обдумывать планъ урока въ школѣ, если онъ желаетъ, чтобы занятія его принесли должныя плоды, да не только обсудить планъ занятій съ тѣмъ отдѣленіемъ, съ которымъ онъ предполагаетъ заняться лично самъ; но и съ тою группою, которой намѣренъ дать *самостоятельную работу*. Эти «самостоятельныя работы» безъ учителя, насколько я знаю, — чуть ли не самая слабая сторона нашего школьнаго дѣла. Обыкновенно очень многіе изъ моихъ собратій совсѣмъ не понимаютъ, что эти «работы», —

если вести ихъ съ должнымъ тактомъ и умѣньемъ,—могутъ сдѣлать очень много въ учебномъ дѣлѣ. У большинства же учителей дѣло это происходитъ такъ: учитель даетъ дѣтямъ первую попавшуюся подъ руки работу, нисколько не сообразуясь съ ея цѣлью, лишь бы чѣмъ-нибудь занять дѣтей, или заставить прочитать про себя статейку изъ классной книги, никогда, впрочемъ, не провѣряя, усвоили ли дѣти содержаніе читанной статьи; или заставить ихъ списать что-нибудь изъ книги (какъ написали,—учитель и не смотритъ потомъ); или же назначаются уроки для «укрѣпленія памяти» (заучивать псалмы, стихотворенія и пр.). Всѣ эти самостоятельныя работы, безъ должнаго наблюденія со стороны учителя, обыкновенно исполняются небрежно, безъ вниманія; дѣти постоянно развлекаются, начинаютъ между собой разговоры; появляются постороннія занятія: слышится кое-гдѣ возня, смѣхъ; мѣшаютъ они и учителю, который въ это время занимается съ другимъ отдѣленіемъ. Начинаетъ онъ раздражаться, кричать на своихъ учениковъ... Но кто же главный виновникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ? Не самъ ли наставникъ? Почему дѣти находятъ себѣ стороннія занятія, разговариваютъ, играютъ? Потому, замѣчу я, что *дѣтямъ скучно*, что занятія не интересуютъ ихъ. Намъ случалось видѣть и такихъ преподавателей, которые совсѣмъ не даютъ никакой работы тому отдѣленію, съ которымъ не занимаются сами лично, но требуютъ, чтобы дѣти сидѣли смирно и слушали внимательно то, что говорятъ «старшимъ». Бѣдныя дѣти! Какъ мнѣ отъ души жаль ихъ! Не пытка ли для нихъ просидѣть цѣлыхъ два часа безъ движенія, не смѣя разговаривать, ни вставать, ни оглядываться по сторонамъ, а слушать уроки «старшихъ», часто для нихъ совершенно непонятные... И вотъ, смотришь, одинъ ребенокъ задремалъ за класснымъ столомъ, другой для развлечения перелистываетъ книжку, а учитель то и дѣло кричитъ: «смирно!»... — «Иванъ, ты заснулъ: останься безъ обѣда!» — «Миша, ты разговариваешь, смѣешься,—стань въ

уголъ!» — при этомъ учитель съ самодовольствомъ хвастается, что онъ замѣчаетъ каждаго невнимательнаго ученика или ученицу... Есть чѣмъ хвастаться!

Скажу прямо, что учителю, не умѣющему занять всего класса, я совѣтовалъ бы совсѣмъ отпустить домой тѣ отдѣленія школы, съ которыми онъ не можетъ заняться непосредственно самъ. По крайней мѣрѣ, дѣти, оставаясь дома, найдутъ себѣ какое-нибудь занятіе, будь то полезное или бесполезное. Все же лучше, нежели сидѣть безъ цѣли и дѣла въ школѣ и выносить пытку... Вѣдь дѣтская натура слишкомъ подвижна и требовательна къ дѣлу, да еще къ такому дѣлу, которое доставляло бы ребенку извѣстный интересъ и любовь. Вотъ почему я сейчасъ говорилъ, что всѣ самостоятельныя дѣтскія школьныя работы могутъ принести пользу только въ томъ случаѣ, если учитель съ умѣніемъ и тактомъ будетъ руководить ими, и тѣ же работы могутъ быть до крайности бесполезны, даже вредны, если преподаватель будетъ пользоваться ими только какъ средствомъ «занять дѣтей отъ бездѣлья». Вотъ почему необходимо учителю выработать планъ и этихъ работъ. Къ сожалѣнію, я мало знаю учителей, которые добросовѣстно готовились бы къ школьнымъ занятіямъ, а еще меньше такихъ, которые ломали бы голову надъ распредѣленіемъ школьнаго матеріала по третямъ года, недѣлямъ и днямъ. Обыкновенно большинство сельскихъ педагоговъ, — земскихъ или церковныхъ, все равно, — ведутъ свое дѣло такъ. Въ теченіе первой половины учебнаго года, учитель удѣляетъ больше времени на занятія съ «младшими» — новичками, а остальнымъ даются или тѣ самостоятельныя работы безъ провѣрки, о какихъ я говорилъ выше, или они занимаются «изошреніемъ памяти». Съ Рождества наставникъ усиливаетъ свои занятія со «старшими», готовящимися къ экзамену. Въ среднее же отдѣленіе, которое существуетъ почти вездѣ, такой учитель рѣдко заглядываетъ, развѣ между дѣломъ какъ-нибудь заставить прочитать при себѣ двѣ-три ста-

тейки изъ книги для чтенія. Какой же мы видимъ результатъ такихъ занятій? Увы, очень печальный! Среднее отдѣленіе находится въ большинствѣ школъ въ запущенномъ видѣ: дѣти буквально ничего не дѣлаютъ, и всѣ занятія съ ними ограничиваются только самостоятельнымъ чтеніемъ русскихъ и славянскихъ статей, списываніемъ въ тетради статей, безсмысленнымъ зубреніемъ на «память» стиховъ, псалмовъ, таблицы умноженія... И вотъ на слѣдующій годъ такіа дѣти переходятъ въ старшее отдѣленіе школы—готовиться къ экзамену. Здѣсь самъ учитель уже теряетъ голову отъ непониманія дѣтей; пойдутъ жалобы съ его стороны и на лѣность школьниковъ, и на трудность занятій одному учителю съ тремя отдѣленіями... Кто же причиною этого? Не самъ ли наставникъ создалъ для себя всѣ эти затрудненія? Тяжело и трудно,—скажутъ мнѣ иные изъ учителей,—вести надлежащимъ образомъ школу, обдумывать учебный планъ на весь годъ, готовиться къ каждому уроку!.. Но и здѣсь скажу: если наставникъ одушевленъ горячею любовью къ дѣтямъ и учительской дѣятельности, если его сердце радуется каждый новый пріемъ или удачно придуманное слово,—нѣтъ мѣста скукѣ и утомленію.

8-ю сентября.

Сегодня, въ 12 час. дня, мои дивчаты собирались въ школу на праздничныя чтенія. Передъ началомъ произошелъ довольно печальный случай. День былъ ясный, солнечный, но стоялъ холодный, пронзительный вѣтеръ. Дѣвочки, въ ожиданіи меня, вышли изъ школы поиграть на свой любимый лужокъ у церкви. Всѣ дѣти были принаряжены по праздничному, и многимъ не хотѣлось надѣвать теплую поддѣвку. Когда я пришелъ въ школу, то замѣтилъ, что одну изъ старшихъ ученицъ, Стѣпу Кирину, сильно трясла лихорадка...

Что съ тобою, Стѣпа?—спросилъ я ее.

— Я, о. дьяконъ, заболѣла, — лихорадка со мной... Голову ломить...

Дѣвочка, дѣйствительно, сильно измѣнилась: голова ея горѣла, руки тряслись... Я, конечно, сейчасъ же отпустилъ ее домой. Пришлось вести съ дѣтьми бесѣду о томъ, какъ слѣдуетъ каждому беречь свое здоровье...

На чтенія сегодня собрались всѣ дѣвочки — ученицы; пришли многія и изъ прежнихъ нашихъ школьницъ. Молодого народа собралось такъ много, что мы едва помѣстились въ своей тѣсной классной комнатѣ.

Прежде всего, мы пропѣли молитву. Потомъ сами дѣвочки рассказали мнѣ исторію настоящаго праздника, а я дополнилъ ихъ рассказъ нѣкоторыми подробностями изъ книжки о. Никольскаго: «Двунадесятые праздники». Затѣмъ старшія ученицы по очереди читали книжки: «О грозѣ» Н. Животовскаго и «Школа въ лѣсу» Ѳ. Студицкаго. Чтеніе окончилось пѣніемъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ пѣсенокъ.

18-го сентября.

Установилось сильное ненастье: уже цѣлую недѣлю идутъ окладные дожди съ пронзительнымъ осеннимъ вѣтромъ. Не смотря на ненастье, холодъ и грязь, мои дѣвочки посѣщаютъ пока школу аккуратно. А посмотришь — у иной изъ нихъ нѣтъ обуви и одежды исправной: лаптишки разорваны, на плечахъ ветхій маленькій «зипунишка» или худая поддѣвка, а все-таки малютка каждое утро плетется въ школу часто версты за двѣ, за три отъ дома... Да и зимою даже наши крестьянскія дѣвушки-ученицы почти не имѣютъ теплой, исправной одежды для посѣщенія школы; у рѣдкихъ имѣются теплый полушубокъ, валенки, теплый платокъ. Большинство же въ суровые зимніе холода бѣгаютъ въ школу въ ватной поддѣвкѣ, старыхъ полусапожкахъ и холодномъ платкѣ; только въ сильныя вьюги накрываются съ головою «шушуномъ». Изъ всѣхъ нашихъ школьницъ только одна дѣвочка — дочь цѣловальника — одѣвается по-городски: зимою она ходитъ въ школу въ теплой мѣховой шубкѣ и въ

теплыхъ сапожкахъ, голову поверхъ мѣховой шапочки закутываетъ еще пушистымъ верблюжьимъ башлыкомъ; въ рукахъ муфточка. Съ завистью смотрятъ дѣвочки на свою богатую подружку.

Но зато тѣ же крестьянскія дѣвочки много усерднѣе и прилежнѣе относятся къ учебному дѣлу, нежели избалованныя дочки деревенской «интеллигенціи». Если ужъ разъ какая-нибудь дѣвочка поступила въ школу, она сама рѣдко броситъ ее,—развѣ какой-нибудь особенный случай заставитъ малютку отстать отъ ученія. А обратите вниманіе, какъ нѣкоторыя крестьянки еще радуются, что дѣтки ихъ учатся... Присмотритесь, съ какою заботою, съ какою любовью иная мать провожаетъ ежедневно свою дочку «въ ученье», какъ заботливо будитъ она ее рано утромъ, собираетъ ей скудный завтракъ, печетъ иногда горячія «пышки», провожаетъ въ школу, да выдетъ еще на дорогу поглядѣть ей вслѣдъ... Какъ усердно молится потомъ Богу эта крестьянка, съ какою вѣрою и надеждою ставитъ она въ воскресенье въ церкви свѣчку Спасу, чтобъ Господь послалъ ея дочкѣ «понятіе въ ученіи».

Занятія въ нашей школѣ ежедневно начинаются въ 8 часовъ утра, но дѣти начинаютъ собираться въ школу съ самаго разсвѣта. Идутъ дѣвочки,—особенно издалека,—большею частью партіями, заходятъ по пути за подругами, чтобы не скучно было и «поваднѣе» идти... Случается иногда, что дорогою онѣ о чемъ-нибудь поспорятъ между собою, поссорятся, но съ жалобою ко мнѣ никогда не обращаются. По приходѣ въ школу, «младшія» отправляются на площадь играть, а «старшія» посерьезнѣе — или повторяютъ читанныя на предшествующемъ урокѣ статьи, или умно разговариваютъ по поводу какихъ-нибудь домашнихъ событій.

Въ 8 часовъ, въ нашей школѣ бываетъ утренняя молитва. Послѣ молитвы, учитель не прямо приступаетъ къ занятіямъ, а ведетъ иногда краткую бесѣду съ дѣтьми по поводу какого-нибудь случая изъ мѣстной или школьной

жизни, или случая, происшедшаго съ дѣвочками на пути въ школу. Сегодня, напр., учитель ведетъ послѣ молитвы бесѣду о ласточкѣ...

... Была зима; жили двѣ ласточки въ теплыхъ краяхъ, и было имъ обѣимъ тепло и хорошо. Да, видно, уже такъ велѣно было птичкѣ Божьей, что, какъ только начнется у насъ весна, она и покидаетъ свою теплую сторонку и летитъ къ намъ. Видно, нѣтъ на землѣ уголка, гдѣ кто-нибудь не радовался бы, не жилъ и не славилъ бы Бога и Его чудный свѣтъ. Видно, веселая вольная птичка поднимается къ небу и вездѣ поетъ свою радостную пѣсню, чтобы напомнить человѣку о жизни небесной. Такъ вотъ и къ намъ весною прилетѣли эти ласточки. У меня подъ крышей слѣпили онѣ изъ глины уютное гнѣздышко, и я каждое утро, всю весну, любовался, какъ весело онѣ летали, щебетали, таская въ свое гнѣздо пухъ и перья; должно быть, самецъ и самка... А вѣдь, знаете, птицы тоже, какъ люди, любятъ другъ друга и скучаютъ одна безъ другой, когда надолго разлучаются... Черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что изъ гнѣздышка стали выглядывать маленькія головки еще неоперившихся птенчиковъ... Ласточки опять летали, носили имъ въ носикахъ корму... Вдругъ въ одно утро слышу печальный жалобный пискъ птенчиковъ, и одна ласточка сидитъ на заборѣ скучная, и что-то такъ печально смотритъ по сторонамъ, какъ будто чего ищетъ... А другой нѣтъ!.. Подошелъ поближе—вижу: около забора лежитъ ея мертвая подруга, убитая, окровавленная... И сейчасъ, дѣти, не могу вспомнить, какъ жалко было мнѣ тогда бѣдную птичку... Каково-то было птенчикамъ безъ матери? Кто ихъ приласкаетъ, кто накормитъ? А другой-то ласточкѣ какъ скучно безъ подруги!»...

Вдругъ среди тишины раздались чьи-то всхлипыванія, рыданія... Одна изъ дѣвочекъ плакала... Учитель невольно обратилъ на нее вниманіе и спросилъ:

— Что съ тобою, Таня?

— Мнѣ маму жалко... маму мою вчера схоронили!..— сквозь слезы отвѣчаетъ дѣвочка.

— У нея, о, дьяконъ, мать умерла; ну, она и вспомнила ее, когда вы говорили о ласточкахъ,—шумять дѣвочки.

— Хорошо, я знаю это!—продолжалъ учитель—скажите же: не похожа ли наша Таня на одного изъ птенчиковъ, у которыхъ лѣтомъ убили мать?

— Похожа!... похожа!... мы ее жалѣемъ, любимъ... Плохо ей безъ мамки... Кто ее пожалѣетъ?.. И отцу ея плохо!—говорятъ дѣти.

— Такъ любите же, милые мои, свою подружку: у нея теперь нѣтъ родной мамки, которая заботилась бы о ней и ея сестрѣнкахъ, кормила бы, поила, одѣвала и обувала, да отъ худа укрывала... Какъ придете изъ школы домой, вспомните, что дѣлаетъ для каждой изъ васъ родная мамка, такъ и обнимите каждая свою родимую...

А теперь за дѣло! У меня въ текущемъ году только два отдѣленія—младшее и старшее. Сегодня, по росписанію, въ младшемъ — *обученіе промотъ* (съ учителемъ), въ старшемъ—урокъ *самостоятельнаго чтенія* (безъ учителя). То отдѣленіе, съ какимъ я долженъ заниматься непосредственно самъ, садится на первыя скамейки, а остальные дѣти—на заднія.

— Старшія, выньте книгу Радонежскаго, найдите на 30-й страницѣ статью «Полевой жаворонокъ» и прочитайте ее внимательно! Кто расскажетъ мнѣ потомъ, о чемъ въ ней написано, умница будетъ. Да читайте про себя, негромко?

Младшія до сего времени занимались у меня только предварительными бесѣдами и упражненіями, служащими подготовкою для письма—практиковались въ умѣньѣ держать правильно бумагу, перо, карандашъ, владѣть линейкою и т. п. Въ необходимости такого рода упражненій едва ли кто будетъ сомнѣваться. Но необходимы ли предварительныя бесѣды съ новичками, и въ чемъ онѣ должны состоять? Знаю, что очень многіе педагоги отводятъ этимъ

бесѣдамъ слишкомъ много мѣста въ школьномъ дѣлѣ, совѣтуютъ вести ихъ 6—8 недѣль; цѣлые часы посвящаютъ на бесѣды объ *осѣ* (такъ называемые «предметные уроки» г.г. Паульсона, Бунакова и др.). Употреблять такъ много времени на эти уроки, — къ тому же почти бесполезные по содержанію, — по моему мнѣнію, не слѣдуетъ: въ народной школѣ каждый часъ времени слишкомъ дорогъ, да и о жизни насѣкомыхъ крестьянскія дѣти знаютъ чуть ли не больше иного учителя. Но все-таки предварительныя бесѣды съ вновь поступившими дѣтьми необходимо вести, и каждому учителю нужно ознакомиться съ тѣмъ живымъ матеріаломъ, надъ какимъ ему придется работать. Необходимо учителю всесторонне познакомиться съ дѣтьми — узнать, на какой степени развитія стоятъ они, какъ понимаютъ они учителя, да и могутъ ли еще понимать его слова. Положимъ, я сказалъ дѣтямъ: «Богъ сотворилъ міръ»... Здѣсь только три слова, и я понимаю ихъ. Но понимаютъ ли эти слова мои ученицы, какъ я понимаю ихъ? Какъ, наконецъ, сдѣлать, чтобы дѣти поняли мои слова именно такъ, какъ я ихъ понимаю? Вы скажете, — для этого нужно имъ рассказать, объяснить... Положимъ, я скажу дѣтямъ, что Богъ есть существо высшее, духовное, совершенное... Будетъ ли это объясненіемъ? Что такое существо? Что такое высшее, да еще совершеннѣйшее?.. Опять приходится объяснять... Да вѣдь это будутъ только *одни слова*, а *понятія* не будетъ... Какъ дать понятіе ребенку? Какъ научить, чтобы малютка каждое слово соединялъ въ своемъ умѣ съ извѣстнымъ понятіемъ о предметѣ, качествѣ или дѣйствиіи? Ясное дѣло, что, прежде чѣмъ говорить съ дѣтьми, мнѣ необходимо узнать, какія слова ребенокъ понимаетъ вѣрно, какія понимаетъ не такъ, какъ нужно, и какихъ онъ совсѣмъ не понимаетъ. Необходимо, слѣдовательно, ознакомиться какъ можно больше съ вновь поступившими школьниками, произвести повѣрку ихъ понятій и языка. Когда мы сдѣлаемъ это, то увидимъ, что вѣрно понимаемыхъ словъ у крестьянскаго ребенка очень и очень

мало, что съ нимъ совѣтъ нельзя говорить на первыхъ порахъ о вещахъ и выраженіяхъ, мало употребительныхъ въ ихъ деревенской жизни. Какъ слабы ихъ понятія, даже повѣрить трудно: дѣти совѣтъ незнакомы не только съ нашими книжными выраженіями, но и съ нашимъ языкомъ, даже съ нашими, повидимому, простыми словами. Цѣль предварительныхъ бесѣдъ въ школѣ и заключается именно въ ознакомленіи дѣтей съ окружающей ихъ классной обстановкой, со школьною жизнью, съ умѣніемъ держать себя и обращаться хорошо съ товарищами или подругами, съ умѣніемъ выражать свои требованія и нужды простымъ, яснымъ языкомъ, безъ особой застѣнчивости, свойственной особенно нѣкоторымъ крестьянскимъ дѣвочкамъ... Этимъ мы приучимъ дѣтей, прежде всего, внимательно слушать въ классѣ учителя, ознакомимъ ихъ съ окружающими предметами, съ названіемъ и употребленіемъ ихъ; но—самое главное—приучимъ дѣтей ясно, громко и правильно *выговаривать* слова, толково отвѣчать на предложенный учителемъ вопросъ, составлять мало — по — малу простыя предложенія, а все это будетъ драгоценнымъ кладомъ для учителя въ его послѣдующихъ занятіяхъ съ дѣтьми...

Но пора, однако, начинать свой урокъ съ «младшими» ¹⁾...

Послѣ урока съ «младшими», учитель провѣряетъ, какъ читали свою статью «старшія»...

— О чемъ же, дѣти, вы сейчасъ читали?

— О жаворонкѣ.

Слѣдуютъ вопросы: «перелетная или осѣдлая птица—жаворонокъ? Какого цвѣта бываютъ жаворонки? Гдѣ жаворонки вьютъ гнѣзда? Чѣмъ питаются жаворонки? Любятъ ли люди жаворонковъ? Когда поютъ жаворонки?» Дѣти отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы.

— Хорошо; теперь прочитаемъ—ка, о чемъ тамъ у васъ въ книгахъ написано; слушайте!..

¹⁾ Здѣсь я опускаю подробный ходъ урока съ «младшими», состоящій въ ознакомленіи дѣтей съ понятіемъ слова «звукъ», съ первыми звуками—«а», «о» и «е», съ печатнымъ и письменнымъ изображеніемъ ихъ, какъ мало интересный для читателей.

— Обыкновенно я читаю сначала самъ, потомъ уже заставляю читать и ученицъ — сперва лучшихъ, потомъ слабѣйшихъ... Статья читается по частямъ, попеременно мною и (то же самое) дѣвочками. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе и толкованіе нѣкоторыхъ, непонятныхъ дѣтямъ, словъ и выраженій, и наконецъ—*переспрашиваніе*, на которомъ слѣдуетъ остановиться какъ можно больше, если желаемъ, чтобы дѣти не только прочитали, но и твердо запомнили—словомъ вполнѣ бы *изучили* данную статью...

... «Всѣмъ мила пѣснь жаворонка»... (читаютъ дѣти). Кому это всѣмъ?

— Всѣмъ людямъ мила.

— Какъ сказать про это иначе, проще?

— Люди любятъ пѣсни жаворонка...

— «Жаворонокъ называется пернатымъ вѣстникомъ весны» и т. п.

Затѣмъ слѣдуетъ связный пересказъ дѣтьми прочитанной статьи простыми, краткими предложеніями, сначала по частямъ, потомъ—всей. Иногда приходится давать и письменные отвѣты на вопросы изъ прочитаннаго, особенно когда дѣвочки разохотятся и будутъ просить: «дай-ка, о. дьяконъ, я расскажу! Спроси-ка меня—я попробую рассказать, не глядя въ книжку»...

Смотришь—прошелъ уже лишній часъ времени, необходимо отпускать дѣтей на отдыхъ. Очень часто не приходится даже выполнить все намѣченное въ росписаніи урока. Зато незамѣтно и весело прошло время; не чувствуешь ни скуки, ни утомленія...

3-го октября.

Послѣ продолжительнаго ненастья, съ недѣлю уже какъ установилась теплая, почти весенняя погода. Солнце ярко свѣтитъ на безоблачномъ небѣ. Не смотря на обнаженные и давно уже опустѣвшія поля, въ воздухѣ дышется какъ-то легко, свободно, привольно... Подъ вліяніемъ недавнихъ проливныхъ дождей и установившагося

тепла, на лугахъ снова оживилась травка, кое-гдѣ выглядываютъ даже поздніе цвѣточки. Озимыя поля ярко блестятъ изумрудомъ. Къ югу тянутся длинныя вереницы перелетныхъ птицъ...

Весело празднуютъ наши мужики третій день своего храмового праздника: въ нынѣшнемъ году обильный хлѣбный урожай. Съ самого ранняго утра въ селѣ стоитъ шумъ отъ веселыхъ праздничныхъ пѣсенъ; на улицахъ много пьяныхъ. Съ гиканьемъ и свистомъ носятся по селу тройки со «свадебными поѣзжанами». На площади у церкви молодежь водить хороводы; играютъ въ «горѣлки»...

Вчера, въ 2 часа дня, мои ученицы опять собрались въ школу. Тѣсно, душно показалось имъ сидѣть въ темной грязной каморкѣ, именуемой «классомъ». Вздумали онѣ пройтись всею школою за село на луга на просторѣ полюбоваться въ послѣдній разъ увядающей природой. Къ тому же, всѣмъ намъ захотѣлось удалиться отъ всего этого праздничнаго уличнаго гама, отъ пьянаго шума. Дивчаты сами взяли въ вести меня куда — то далеко за село, версты за двѣ...

— Тамъ, о. дьяконъ, страсть какъ хорошо!.. Мы лѣтомъ ходили туда часто!..—уговаривали онѣ меня.

Я охотно согласился на ихъ предложеніе, и мы сейчасъ же отправились всей школьной ватагой въ путь. По дорогѣ мы согласились навѣстить нашу больную ученицу— Стѣпу Кирину... Недѣли три тому назадъ, дѣвочка простудилась и съ тѣхъ поръ совсѣмъ слегла. Чтò за болѣзнь была съ нею, сказать трудно: голова у нея постоянно горѣла, какъ въ огнѣ; жаловалась малютка на боль въ груди; былъ и сильный кашель... Мать возила нѣсколько разъ свою дочь въ больницу показывать доктору. Въ больницѣ дали Стѣпѣ пить какую-то «микстуру», но дѣвочка все-таки плохо поправлялась.

Вотъ мы подошли къ ветхой, покосившейся на бокъ, деревянной избѣнкѣ. Стѣпа лежала въ сѣняхъ на соломѣ, прикрытая какой-то старой «дерюгой». Въ хатѣ не было

никого: мать ея, говорятъ, отлучилась къ роднѣ въ гости; старшая сестра ушла «на гулюшки»: женили ея двоюроднаго брата... При входѣ нашей толпы, дѣвочка хотѣла было приподняться, но не могла. Какъ же обрадовалась она нашему неожиданному посѣщенію! Глазѣнки ея вдругъ оживились; на личикѣ появилась радостная улыбка...

— Ну, какъ, голубушка, твое здоровье?.. Не лучше все тебѣ?..—спросилъ я свою ученицу и сѣлъ около нея на соломѣ...

Стѣпа какъ-то печально улыбнулась мнѣ—видно, не хотѣлось сознаться, что она еще тяжело больна. Всѣ наши школьницы окружили убогую постельку больной; каждая изъ дѣвочекъ старалась высказать своей подругѣ посильное участіе. Мы принесли ей «гостинцевъ» и долго разговаривали. Жаль было всѣмъ бѣдняжку, и это впечатлѣніе нѣсколько омрачило нашу веселую прогулку...

За нашимъ селомъ протекаетъ, извиваясь змѣйкой, маленькая гнилая рѣчонка; она неглубока, а лѣтомъ пересыхаетъ такъ, что малымъ ребятамъ по колѣна; но берега ея крутые, обрывистые... А кругомъ, по ту и другую сторону, тянутся теперь безконечныя озимыя поля. Долго шли мы вдоль берега этой рѣчки, пока тропинка не привела насъ къ крутому обрыву, внизу котораго зеленѣли еще громадные степные луга, на которыхъ кое-гдѣ блестѣли на солнцѣ маленькія озера, свѣтлыя, какъ зеркало... Даже наша рѣчонка незамѣтно пропадала среди этой равнины.

Не успѣлъ я хорошо ознакомиться съ мѣстностью, какъ мои дѣвочки проворно сбѣжали всѣ съ крутой горы и остановились на ровной, гладкой, какъ столъ, степной лужайкѣ, вблизи озера.

— Вотъ гдѣ мы любимъ играть! Хорошо вѣдь здѣсь?—пристали онѣ ко мнѣ.

— А рыбы-то, рыбы сколько въ этихъ озерахъ! Мы съ батей часто ходимъ сюда ловить,—кричала одна.

— Я и раковъ умѣю ловить... Сколько ихъ тутъ жи-

ветъ въ норахъ-то, въ озерѣ... Страсть!—говорила мнѣ другая.

Свѣжесть осенняго воздуха, какой-то особенный аромат природы, крикъ птицъ, собирающихся стаями на этихъ лугахъ передъ отлетомъ на югъ—все это представляло прекрасную картину. Мои школьницы, никого не стѣсняясь, свободно, какъ хозяева, играли, бѣгали среди всего этого великолѣпія и даже пѣли извѣстныя имъ пѣсенки,—пѣли громко, такъ что гулъ раздавался далеко кругомъ...

Я долго сидѣлъ на берегу озера и любовался имъ. Въ какія только игры ни забавлялись дѣти! Пѣли и тѣ пѣсни, какія учили мы въ школѣ, и нѣкоторыя свои, «мѣстныя», которыя я разрѣшилъ имъ пѣть, такъ какъ въ нихъ не заключается ничего вреднаго для нравственности... Я до страсти люблю дѣтей, люблю смотрѣть на ихъ веселыя дѣтскія забавы и игры; самъ часто принимаю участіе въ ихъ играхъ, нисколько не опасаясь потерять свой учительскій авторитетъ; напротивъ, этимъ я еще тѣснѣе сближаюсь съ дѣтьми и узнаю характеръ каждаго изъ нихъ. Замѣчу опять, что въ школьныхъ дѣтскихъ играхъ,—если съ умѣніемъ и толкомъ руководить ими,—учитель можетъ оказывать огромное вліяніе и на нравственность дѣтей. Никогда не узнаете вы такъ хорошо характера ребенка, какъ въ какой-нибудь игрѣ: вспыльчивый малютка, заносчивый или гордый скажется сейчасъ же. Я не говорю уже, что есть нѣкоторыя игры, облагораживающія дѣтей.

Надоѣло дѣвочкамъ пѣть и играть,—онѣ садятся вкругъ меня, и у насъ начинается бесѣда. Кто-нибудь изъ нихъ рассказываетъ случай изъ своей домашней жизни, и я иногда рассказываю какую-нибудь простую исторію, или цѣлое историческое событіе; такимъ образомъ, у насъ незамѣтно проходитъ цѣлый урокъ изъ отечественной исторіи или даже географіи... Вчера, напр., я рассказывалъ на лугахъ своимъ школьницамъ о нашихъ южныхъ черноморскихъ и прикаспійскихъ степяхъ. Мы всѣ такъ увлек-

лись бесѣдой, что незамѣтно пробыли на лугахъ до поздняго вечера и воротились въ свое село, когда уже стемнѣло. Эта осенняя праздничная прогулка, вѣроятно, надолго останется въ нашей памяти.

12-10 ноября.

Уже почти двѣ недѣли, какъ установилась настоящая зима. Снѣга выпало на полъ-аршина, и открылась хорошая зимняя дорога. Ежедневно знобятъ сильные морозы. Все это, конечно, въ порядкѣ природы. Но вотъ бѣда: уже третій день мерзнемъ мы въ своей школьной каморкѣ, потому что два дня къ ряду не топили сторожки, гдѣ помѣщается наша школа. Церковный сторожъ вчера цѣлый день ходилъ добывать соломы на топливо, былъ и у сельскаго старосты, и у церковнаго «ктитора», угрожалъ имъ бросить караулъ при церкви, если не дадутъ топки,—ничто не помогаетъ. Ктиторъ говоритъ, что сторожку слѣдуетъ отоплять не на церковныя средства, а на счетъ общественныхъ суммъ, такъ какъ въ ней помѣщается школа; сельскій же староста утверждаетъ, что топливо слѣдуетъ приобрѣтать на церковныя деньги, такъ какъ въ сторожкѣ—*церковная* школа... Самъ «батюшка» ѣздилъ разбирать ихъ и не знаю пока, чѣмъ кончится это мѣстничество и кто будетъ согрѣвать насъ, а приходится мерзнуть... Но дѣлать нечего: я надѣлъ тулупъ, дѣвочки тоже укутались, кто въ полушубокъ, кто въ поддѣвку—и работаемъ по прежнему.

Каждая народная школа,—будь она земская или церковная,—должна имѣть цѣлью не столько обучать дѣтей грамотѣ, сколько сообщать имъ первоначальныя полезныя знанія, необходимыя въ жизни; дать питомцамъ религіозно-нравственное развитіе, приготовить ихъ настолько, чтобы они были полезными членами общества. Какъ же развитъ ребенка? Гдѣ найти тѣ необходимыя первоначальныя знанія, будь они религіозно-нравственнаго, историческаго или географическаго содержанія? Гдѣ взять біографическіе

очерки изъ жизни великихъ людей науки или святыхъ угодниковъ? Вы скажете, что для этого необходима хорошо и толково составленная книга для класснаго чтенія въ школѣ,—книга, изложенная яснымъ и доступнымъ для дѣтскаго пониманія языкомъ... Но существуетъ ли для школы такая книга? Мы читаемъ *книгу* Попова, книгу Радонежскаго; въ земскихъ школахъ—Баранова... Доступны ли всѣ статьи этихъ книгъ для дѣтскаго пониманія? Я въ этомъ очень сомнѣваюсь... Каждая школа особенно нуждается въ хорошей классной книгѣ для чтенія. Въ такой книгѣ первое мѣсто должно быть отведено, кромѣ статей естественно-историческихъ, статьямъ религіозно-нравственнымъ, въ связи со священной исторіей и избранными очерками изъ жизни угодниковъ,—истинныхъ образцовъ вѣры, любви къ ближнему и благочестія. Такого рода статьи нашъ русскій простой народъ особенно любитъ. Священная исторія необходима въ первый же годъ обученія; нравоучительныя бесѣды слѣдовало бы связать со священной исторіей. Затѣмъ можно уже помѣщать статьи бытового характера, различныя стихотворенія или басни, наконецъ, статьи историческаго и географическаго содержанія, и, въ заключеніе, естественно-историческія, которыя потомъ могли бы служить матеріаломъ для наглядныхъ бесѣдъ учителя съ дѣтьми. Книгу для класснаго чтенія въ женскихъ школахъ слѣдовало бы составить въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ книгу для чтенія мальчиковъ: въ ней главное мѣсто послѣ священной исторіи должно быть отведено жизнеописанію св. женъ, прославленныхъ церковью, какъ истинныхъ образцовъ христіанскихъ матерей; необходимо помѣстить и другія практическія свѣдѣнія, нужныя для будущей матери-крестьянки... Намъ, слѣдовательно, необходима *умная* книга, чтобы въ ней что слово, то и дѣло, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становилось бы дѣло, бойчѣе слово... Много книгъ издается въ настоящее время для класснаго чтенія въ народной школѣ, но такихъ умныхъ книгъ пока нѣтъ. Кажется, за цѣлые полвѣка была издана

только одна *настоящая* дѣтская книга,—это *Родное Слово* покойнаго Ушинскаго, да и та въ настоящее время, по многимъ причинамъ, отчасти устарѣла въ школахъ... Почему же никто не составитъ намъ настоящей классной книги? Давно кто-то изъ журналистовъ сказалъ, что книга выдетъ хороша, если за составленіе ея возьмутся наши первоклассные писатели. Да вотъ, однако, не берутся же за это дѣло «корифеи литературы», не смотря на всю ихъ любовь къ народу и отечеству... Мало берутся у насъ за это дѣло и ученые педагоги, литераторы,—а не берутся они за это дѣло, полагаю, совершенно основательно, потому что никто еще не знаетъ, *чѣмъ будетъ* наша русская народная школа, чтò въ ней *будетъ допущено*, чтò запрещено, какой *опредѣленный планъ* она будетъ выполнять. Теперь же пока,—стыдно сознаться,—мы еще мало думаемъ о цѣляхъ и задачахъ нашей русской школы, а вмѣсто существеннаго дѣла пробавляемся только поверхностными задачами въ формѣ вопросовъ—какая школа лучше: земская или церковная?..

16-го ноября.

...Вчера не была въ школѣ одна изъ младшихъ дѣвочекъ, Вѣра Суханова; сегодня же пришла учиться скучная, невеселая... Я подошелъ къ ней поближе—узнать причину ея вчерашняго отсутствія. Вѣра была необыкновенно блѣдна, ручки ея тряслись, на глазахъ слѣзы...

— Гдѣ ты была вчера, Вѣра? Почему не приходила въ школу?—спросилъ я ее. Дѣвочка вмѣсто отвѣта громко зарыдала...

Меня это еще болѣе удивило. Я подошелъ ближе и приподнялъ ея головку... Вижу, малютка не можетъ смотрѣть мнѣ прямо и открыто въ глаза, а вертитъ головой въ сторону... Чтò, думаю, за причина? Вѣру я зналъ раньше, какъ одну изъ самыхъ веселыхъ ученицъ, хоть она была немного шаловлива... Но надобно же мнѣ узнать, въ чемъ дѣло. Видя малютку такой разстроенной, я не сталъ больше

приставать къ ней, а спросилъ у дѣвочекъ—не знаютъ ли онѣ причины...

— Она взяла вчера дома утромъ, безъ позволенія матери, изъ сундучка три калача... Мать-то ея печку утромъ топила да побѣжала за чѣмъ-то къ сосѣдкѣ, а Вѣра тѣмъ временемъ скорѣе въ сундукъ, схватила калачи да и прячетъ ихъ въ свою школьную сумку... Мать-то ея, тетка Варвара, сильно осерчала, заперла ее на цѣлый день въ холодный погребъ и въ школу не пустила; такъ и просидѣла она голодная до самаго вечера, а сегодня еще сѣкли ее розгами...

— Ужели, дѣти, все это правда?—удивился я.

— Вѣрно, о. дьяконъ! Ужъ такая у нея сердитая мать... Мы сегодня зашли за Вѣрою, какъ въ школу идти, и видѣли сами. При насъ мать ея наломала отъ вѣника пучокъ хворостинъ, растянула Вѣру на лавкѣ и больно выскла... Намъ стыдно было смотрѣть, какъ положила она ее наказывать; хотѣли было убѣжать, да Вѣрочку жалко... Тетка Варвара и намъ говоритъ: «отецъ дьяконъ васъ сильно любитъ, много балуетъ да гостинцами еще обдѣляетъ»... То же и дѣдушка Вѣры говоритъ: «еслибы я, говоритъ, былъ вашъ учитель, то каждый день сѣкъ бы васъ розгами,—безъ этого не научишь»!..

Мнѣ вдругъ до крайности стало жаль Вѣру, подвергнувшуюся сегодня такому жестокому и позорному наказанію въ присутствіи своихъ школьныхъ подругъ... Зналъ я, что Варвара—баба больная, раздражительная, и часто сѣчетъ свою дочку за каждый маловажный дѣтскій проступокъ. На всѣхъ насъ этотъ случай подѣйствовалъ отвратительно... Вѣра разрыдалась на всю школу. Я обнялъ бѣдную дѣвочку и приласкалъ, какъ могъ.

...Необходимы ли въ школѣ награды и наказанія? Когда нужно награждать дѣтей? когда наказывать? Пусть на эти вопросы сознательно отвѣтитъ каждый изъ моихъ собратій... Награды въ школѣ я еще могу допустить... Вотъ и я награждаю дѣтей: дарю имъ часто книжки, гостинцы.

Я дѣлаю это отъ искренняго къ нимъ расположенія, какъ дѣлаютъ то же любящіе отецъ или мать для своей дорогой дочки. Пусть каждый припомнитъ «золотые дни» своего дѣтства... Не пріятно ли было получать и намъ подарки отъ своихъ дорогихъ близкихъ людей?.. Кромѣ того, наше школьное дѣло среди крестьянъ,—особенно дѣло школьнаго женскаго образованія,—поставлено пока еще, такъ дурно, что приходится привлекать дѣвочекъ въ школу гостинцами. Но слѣдуетъ ли наказывать дѣтей? Поразмыслимъ объ этомъ. Я не говорю уже о тѣхъ «бездарныхъ самозванцахъ» изъ учителей, которые до сего времени продолжаютъ употреблять въ школьной практикѣ даже различнаго рода тѣлесныя наказанія. У всѣхъ еще на памяти извѣстный судебный процессъ тамбовскихъ учителей, который наглядно раскрылъ, что даже въ губернскомъ городѣ, на глазахъ начальства, учителями практиковались въ городскихъ школахъ всевозможныя «заушенія», тасканье дѣтей за волосы, за уши и проч. Чего же, послѣ этого, ожидать отъ захолустныхъ уголковъ?! Дѣйствительно, въ газетахъ сообщаютъ время отъ времени изъ разныхъ мѣстъ объ учителяхъ-истязателяхъ... Я съ своей стороны могъ бы привести здѣсь безчисленное множество фактовъ, которымъ былъ очевидецъ, какъ нѣкоторые деревенскіе педагоги учатъ съ «воздѣйствіемъ» своихъ питомцевъ: рассказалъ бы и объ учителѣ, который проломилъ книгою голову своему ученику, рассказалъ бы и о томъ, какъ другой такой педагогъ «отгрызъ ухо» своему бѣдному ученику... Все это, къ сожалѣнію, недавніе и недалекіе факты, но не хочется мнѣ подробно рассказывать о такихъ мерзостяхъ: мнѣ до глубины души жаль этихъ маленькихъ жертвъ педагогическаго невѣжества... Вѣдь дѣти, имѣющія несчастіе учиться у такихъ людоедовъ-педагоговъ,—истинные мученики! Но я здѣсь имѣю въ виду учителей глубоко преданныхъ своему дѣлу и любящихъ своихъ учениковъ. Вѣдь къ намъ въ школу поступаетъ обыкновенно такой ребенокъ, въ которомъ,

по существу дѣла, нѣтъ ни добрыхъ зачатковъ, ни злыхъ; однимъ словомъ, къ намъ привели птицу вольную! Какъ же мы думаемъ приучить наказаніемъ къ чему-нибудь хорошему? Положимъ, иные изъ насъ наказываютъ дѣтей за шалость, за худыя дѣла, но отчего ребенокъ сдѣлалъ это худое? Не сами ли мы виновны въ этомъ? Нѣтъ, я лично совсѣмъ несогласенъ допускать для дѣтей даже самыя незначительныя наказанія, никогда не слѣдуетъ наказывать ребенка даже за важныя проступки. Вездѣ на первый планъ долженъ выступать *нравственный авторитетъ учителя*, его умѣніе вліять на дѣтей. Наказанія—самый легкій, повидимому, способъ для учителя отучить своего питомца отъ дурнаго, отъ шалостей—потому способъ этотъ и соблазнителенъ для многихъ изъ нашей братіи, но зато онъ произвелъ много людей, рѣшительно *отъ всего* отученныхъ, ко всему равнодушныхъ, сонныхъ, безсмысленныхъ, или, наоборотъ, боязливыхъ и потому хитрыхъ, неуловимыхъ плутовъ и негодяевъ. Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ слушать ни отца, ни матери ребенка, еслибы они стали просить учителя наказать своихъ непослушныхъ сыновей или дочекъ. Не слѣдуетъ слушать даже и школьнаго начальства, еслибы послѣднее не только разрѣшило учителю употреблять въ школѣ тѣлесныя наказанія, но выдало бы казенную трость или плетку для сѣченія дѣтей, какъ это практикуется въ англійскихъ школахъ... Пусть лучше каждый учитель, искренно любящій своихъ питомцевъ, спроситъ свое сердце: можетъ ли оно спокойно отнестись къ наказанію ребенка, котораго любитъ полной любовью? Я полагаю, если учитель искренно преданъ своему дѣлу, если дѣти для него не мертвый, а живой матеріалъ, любимый имъ до глубины души,—никогда не достанетъ у него силы воли причинить своему любимцу страданія нравственныя или физическія... Наконецъ, собственно въ дѣлѣ школьнаго обученія и поддержанія школьной дисциплины, наказанія никогда не могутъ имѣть мѣста. Если содержаніе

*

урока само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ для дѣтей и соответствуетъ ихъ силамъ; если самое преподаваніе въ школѣ ведется такъ, что оно вноситъ разнообразіе, вызываетъ самостоятельность дѣтей, и, затѣмъ, если тотъ же наставникъ, владѣя своимъ предметомъ, относится самъ съ живымъ интересомъ къ дѣтямъ, доброжелателенъ и справедливъ къ нимъ, то, скажу прямо, ему никогда не придется жаловаться ни на недостатокъ вниманія и прилежанія школьниковъ, ни заботиться о поведеніи ихъ во время классныхъ занятій.

18-го ноября.

Вчера нашу школу посѣтилъ епархіальный наблюдатель. Прибыль онъ къ намъ въ школу около 12 часовъ дня, когда я только что окончилъ второй урокъ. Батюшка только что воротился съ базара и прибѣжалъ въ школу сверхъ обыкновенія... Вижу: вслѣдъ за нимъ къ сторожкѣ подъѣзжаетъ пара лошадей и изъ саней вышелъ молодой, невысокаго роста, священникъ... «Это нашъ наблюдатель!» предупредилъ меня батюшка. Приѣзжій священникъ вошелъ въ классъ и отрекомендовался... При входѣ его, дѣти пропѣли тропарь своему храмовому празднику. Отцу наблюдателю, повидимому, понравилось ихъ пѣніе и онъ попросилъ еще пропѣть—*Спаси Господи люди Твоя...* и тропарь Кириллу и Меѳодію, такъ какъ въ нашей классной комнатѣ была икона этихъ просвѣтителей. Поздоровавшись еще разъ съ дѣтьми, батюшкой и со мною, о. наблюдатель прямо приступилъ къ дѣлу. Разспросивши предварительно, сколько въ нашей школѣ группъ или отдѣленій, гдѣ сидятъ дѣвочки той и другой группы, онъ прежде всего обратился съ вопросомъ къ «старшимъ»; началъ спрашивать по закону Божію:—о крестномъ знаменіи и его значеніи; затѣмъ перешелъ къ общеупотребительнымъ молитвамъ, спрашивалъ о значеніи каждаго слова молитвы... Дѣвочки наши отвѣчали очень хорошо и толково. Далѣе спрашивалъ по священной исторіи... Вопросы о наблюда-

теля отличались простотою, ясностью, доступностью для дѣтскаго пониманія и въ то же время были серьезны по мысли. Наши ученицы совладѣли и съ такими вопросами.

Послѣ ветхаго завѣта, о. наблюдатель дѣлалъ вопросы изъ новозавѣтной исторіи: почему Іисусу Христу нужно было родиться въ вертепѣ, а не въ богатыхъ чертогахъ, возлежать на соломѣ въ ясляхъ, а не на мягкихъ и дорогихъ тканяхъ? и проч.

Спрашивалъ потомъ объясненіе ветхозавѣтныхъ заповѣдей и блаженствъ евангельскихъ, молитвы Господней, символа вѣры; предлагалъ ясные практическіе вопросы въ родѣ, на примѣръ, такихъ: «чѣмъ святится день праздничный (4-я зап.)? Чѣмъ вы, маленькія дѣти, можете святить праздничный день или нарушать его? Какого царствія мы просимъ въ молитвѣ Господней? (2 прошеніе). При объясненіи третьяго прошенія, о. наблюдатель заставлялъ дѣтей приводить примѣры послушанія или непослушанія изъ священной исторіи ветхаго завѣта. Какимъ *наущнымъ хлѣбомъ* питается наша душа?» и др. Однимъ словомъ, всѣ вопросы о. наблюдателя свидѣтельствовали, что онъ—тонкій знатокъ методики закона Божія и умѣлъ своими вопросами заинтересовать дѣтей. Дѣвочки отвѣчали ему точно и правильно, такъ что о. протоіерей удивился, какъ такія маленькія дѣвочки, во второй годъ обученія въ школѣ, могутъ давать точные отвѣты правильными предложеніями. Еще больше удивился онъ, когда одна изъ старшихъ школьницъ, Маша Кожухова, могла не только рассказать ему весь порядокъ литургіи и всенощнаго бдѣнія, но и объяснить значеніе многихъ священнодѣйствій...

— Отъ души скажу вамъ, батюшка, что въ такой школѣ, какъ ваша, пріятно провести лишній часъ времени!—сказалъ о. наблюдатель... Къ сожалѣнію, онъ не подозрѣвалъ даже, что батюшка совсѣмъ не занимался съ дѣтьми, но для меня это было безразлично... О. про-

тоіерей увлекся опять вопросами, увлеклись и мы всѣ, и не замѣтили даже, какъ просидѣли цѣлыхъ два часа.

Отпустивъ потомъ дѣтей отдохнуть, наблюдатель остался въ классѣ побесѣдовать съ нами.

— Самое богослуженіе,—говорилъ онъ,—его языкъ и священнодѣйствіе, чаще всего не разумѣется школьниками... У васъ я нашелъ преподаваніе въ настоящемъ видѣ, но въ другихъ школахъ—это больное мѣсто... Не потому ли нашъ простой народъ такъ легко мѣняетъ свою церковную вѣру на всякую другую, что не понимаетъ, какихъ благъ духовныхъ лишается чрезъ свое удаленіе отъ церкви и отъ ея богослуженія?.. Церковнаго языка, богослужебныхъ священнодѣйствій онъ не понимаетъ, въ совершеніи службы Божіей участія никакого не принимаетъ—не читаетъ, не поетъ... Полная духа и жизни, служба Божія не возвышаетъ его *юрь* и онъ даже въ святѣйшія минуты литургіи, при словахъ *юрь имѣемъ сердца*, не разстается со своими постоянными житейскими думами о насущномъ кускѣ хлѣба и питаетъ въ сердцѣ своемъ непріязненное чувство къ богатому сосѣду... Между тѣмъ, нашъ русскій народъ очень религіозенъ и ищетъ въ жизни *вышей нравственной правды*, но часто находитъ ее не у насъ, а въ молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя *живымъ членомъ общества*. Предотвратить эти грустныя явленія—задача не только одной церкви, но и церковной школы. Разъ школа ведетъ своего питомца къ разумѣнію церковнаго языка и богослужебнаго чина, раскрываетъ передъ нимъ смыслъ и значеніе глубоко содержательныхъ обрядовъ,—онъ своимъ простымъ сердцемъ почувствуетъ, что церковь, дѣйствительно, мать, которую нельзя не любить, и ужъ, конечно, тогда онъ ни въ какую секту не пойдетъ. Вотъ почему особенно желательно, чтобы церковная школа непременно заявляла себя въ церкви, читала бы и пѣла разумно при богослуженіи...—Въ томъ же духѣ говорилъ съ нами и далѣе о. наблюдатель. Рассказывалъ онъ, какъ слѣдуетъ

выяснять дѣтямъ, почему служителямъ новозавѣтной благодати нужно изучать ветхій завѣтъ, какъ слѣдуетъ вести со школьниками изученіе молитвъ, заповѣдей и символа вѣры, какъ объяснять дѣтямъ внутреннюю связь между прошеніями молитвы Господней.

Пробило три часа; о. наблюдатель опять продолжалъ свою ревизію и спрашивалъ дѣтей по церковно-славянскому чтенію (переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ евангелія, чтеніе наизусть псалмовъ), по русскому чтенію, по правописанію, по счисленію; удивился, что «младшія» научились такъ скоро и хорошо читать. По ариѳметикѣ предлагалъ дѣтямъ простыя практическія устные задачи, напр., сколько слѣдуетъ получить сдачи съ трехъ рублей, если истратить на базарѣ четыре двугривенныхъ да пять пятиалтынныхъ? или — сколько дюжинъ составятъ 144 пуговицы? Дѣти наши отлично справлялись съ этими гривенниками, рублями, пуговицами... Въ заключеніе всего, школьницы пропѣли о. протоіерею нѣкоторые знакомые имъ гимны и пѣсни: «*Боже, царя храни*», «*Боже, люби царя*», «*17 октября 1888 г.*» (стих. Майкова), «*Хоръ странниковъ*» и «*Ахъ, подруженьки, какъ грустно*» (изъ книги В. И. Шемякина: «Школьные хоры»). Потомъ о. наблюдатель благословилъ дѣтей и отпустилъ ихъ по домамъ, а съ нами опять остался бесѣдовать...

Наблюдатель расхвалилъ нашу школу въ ревизіонной книгѣ; но высказалъ сожалѣніе, что помѣщеніе ея слишкомъ убого, тѣсно и холодно. Обѣщался все таки похлопотать передъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ объ отпускѣ намъ денежнаго пособія на постройку новаго школьнаго зданія. Говорилъ также, что хорошо бы устроить при школѣ народную бібліотеку, цѣною хотя бы въ 5—10 руб., совѣтовалъ также открыть при школѣ *руководные уроки* для обученія школьницъ шитью наиболѣе употребительныхъ въ крестьянскомъ быту костюмовъ; говорилъ много лично со мною и входилъ во всѣ подробности школьной жизни. Только въ 5 час. вечера онъ уѣхалъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ этого наблюдателя: въ немъ, прежде всего, я нашелъ не строгаго ревизора, а опытнаго понимающаго школьное дѣло, руководителя; не гордаго начальника, свысока смотрящаго на бѣднаго сельскаго дьякона — учителя, а товарища и друга, готоваго отъ всего сердца помочь мнѣ въ школьныхъ трудахъ своимъ опытомъ и добрыми совѣтами. Такого педагога и руководителя мнѣ не приходилось даже и встрѣчать въ теченіе всего многолѣтняго учительства... Да и не я одинъ думалъ такъ. Простые вопросы наблюдателя, его ласковое обращеніе тронули и маленькія сердечки моихъ школьницъ... А вѣдь простыя дѣтскія сердца необыкновенно чутки ко всему доброму. Сегодня онѣ говорили мнѣ:

— Ахъ, о. дьяконъ, какой хорошій и добрый батюшка пріѣзжалъ вчера къ намъ! Какъ хорошо онъ спрашиваетъ и говоритъ!.. Мы его страсть какъ полюбили... Не знаете, скоро ли опять онъ пріѣдетъ къ намъ?

И—странное дѣло!..—вчера я въ первый разъ только видѣлъ о. Б — скаго. Раньше, стороною, я слышалъ отъ разныхъ лицъ нашего мѣстнаго духовенства отзывъ о немъ не особенно благопріятный. Мнѣ рассказывали, что будто бы онъ чрезмѣрно требователенъ къ ученикамъ, требуетъ отъ каждой школы обширныхъ свѣдѣній по закону Божію, чуть ли не въ объемѣ семинарскаго курса; съ учителями и о.о. завѣдующими будто бы обходится грубо; хлопоталъ уже передъ архіереємъ о переводѣ многихъ священниковъ изъ хорошихъ и «доходныхъ» приходоу въ болѣе бѣдныя за нерадѣніе къ церковно-школьному дѣлу. Словомъ, о. Б — скій былъ «грозою» для всего духовенства нашей епархіи. Между тѣмъ, я лично совсѣмъ не замѣтилъ, чтобы онъ требовалъ отъ школы чего-нибудь лишняго, труднаго, обременительнаго ни по закону Божію, ни по другимъ предметамъ. Онъ только требовалъ отъ каждаго учителя *сознательнаго* толковаго преподаванія, съ тою цѣлью, чтобы каждая школа приносила свою долю пользы въ дѣлѣ *религіозно-нравственнаго развитія питомцевъ*. Такой

внимательный начальникъ необходимъ для каждой школы. Чѣмъ же объяснить нерасположеніе къ нему нашего приходскаго духовенства?.. Не тѣмъ ли, что онъ будилъ отъ сна нашу духовную братію и заставлялъ прилежнѣе работать на нивѣ Божіей...

12-го мая 189 года.*

Въ двѣнадцати верстахъ отъ нашего селъца расположено большое, богатое и торговое село Ч—къ. Небольшою рѣчкою село это раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна представляетъ собою главный центръ съ базарною площадью и великолѣпнымъ каменнымъ пятиглавымъ храмомъ, какому могъ бы позавидовать любой уѣздный городъ, а другая часть села, менѣе значительная, тоже имѣетъ свой каменный храмъ во имя св. Николая Чудотворца. Въ Ч. болѣе 4 тысячъ душъ мужескаго пола; живетъ здѣсь становой приставъ, есть земская больница и пять начальныхъ школъ, изъ которыхъ три церковно-приходскія и двѣ земскія... Въ главной части села есть двѣ церковныя школы: мужская и женская; при Никольской церкви—смѣшанная. Школа мужская помѣщается въ церковной оградѣ своего роскошнаго храма: зданіе ея деревянное, просторное, чистое и свѣтлое, построенное по образцовому синодскому плану. Настоятель церкви, Э. П. Б—скій,—какъ видно, большой ревнитель церковно-школьнаго дѣла,—много трудовъ употребляетъ на благоустройство своей церковной школы и на занятія въ ней; для школы приискалъ онъ спеціального учителя, окончившаго курсъ въ какой-то учительской семинаріи, далъ ему содержаніе изъ своихъ личныхъ средствъ и помѣщеніе въ своемъ собственномъ домѣ...

Въ эту именно школу я и назначенъ былъ, по распоряженію мѣстнаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, членомъ экзаменаціонной комиссіи, и вчера пришлось быть въ ней на экзаменѣ. Въ эту школу, кромѣ собственно Ч—скихъ трехъ школъ, были вызваны еще двѣ школы изъ сосѣднихъ селъ.

Я прибылъ Ч. въ 8 часовъ утра и, не смотря на раннее время, нашелъ уже всѣхъ въ сборѣ — и учителей, и учащихся. Оказывается, что всѣ ожидали изъ города председателя школьной комиссіи — одного мѣстнаго богача С — ва, интересующагося дѣломъ народного образованія и уважаемаго среди уѣздной интеллигенціи. Въ ожиданіи такого важнаго лица или въ виду исключительнаго школьнаго торжества, помѣщеніе школы было роскошно убрано внутри: все буквально утопало въ зелени и цвѣтахъ; богатые школьныя иконы и портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ украшены огромными вѣнками изъ ландышей и бѣлыхъ полевыхъ лилій. Такими же цвѣтами и цѣлыми вѣтками душистой сирени и черемухи были украшены и всѣ стѣны класса; гирлянды цвѣтовъ спускались съ потолка...

— Все это труды моихъ учениковъ! Вчера до поздняго вечера бродили они по лугамъ, собирая матеріаль для украшенія школы, — объяснилъ мнѣ мѣстный учитель.

Ждать г. С — ва пришлось довольно долго; пробило уже одиннадцать часовъ, а онъ все не являлся. Притомились и всѣ мы, и школьныя дѣти... Уже около 12 часовъ вдругъ подъѣзжаетъ къ школѣ тройка «почтовыхъ»... Всѣ встрепнулись. Смотримъ — вмѣсто свѣтскаго господина выходитъ изъ тарантаса какой-то почтенный священникъ... Оказалось, что пріѣхалъ изъ села В. М — ки о. Я — въ. Священникъ этотъ заявилъ намъ, что вчера только онъ былъ въ городѣ и узналъ, что С — въ не можетъ ѣхать на экзаменъ, и уѣздное отдѣленіе поручило произвести экзаменъ ему, Я — ву; показалъ и свои «уполномочивающія» бумаги. Ч — скимъ «батюшкамъ», показалось, — какъ я замѣтилъ, — не особенно пріятнымъ это извѣстіе; но, дѣлать нечего, пришлось начинать экзаменъ подъ председательствомъ о. Я — ва.

Ученики Ч — ской мужской школы отличались отъ учениковъ и ученицъ прочихъ школъ какъ своимъ развитіемъ, такъ и знаніями; видно, что въ этой школѣ руководила дѣломъ опытная рука. Трудный экзаменаціонный диктантъ

(«Подвигъ Ивана Сусанина» изъ книги Радонежскаго) всѣ ученики написали безъ грамматическихъ ошибокъ, необыкновенно красивымъ, четкимъ почеркомъ...

Устный экзаменъ начался, конечно, съ Закона Божія; спрашивалъ, большею частью, самъ о. Я—въ. Ученики о. Б—скаго отвѣчали толково, ясно, сознательно и знали весь курсъ хорошо.

— Нравятся ли вамъ, о. дьяконъ, отвѣты учениковъ о. Б—скаго?—спросилъ меня тихо о. К—скій, молодой священникъ, пріѣхавшій съ учениками изъ села Д—ки.

— Отвѣчаютъ дѣти очень разумно; знанія ихъ тверды и сознательны...—отвѣтилъ я ему.

— Что вы говорите?—вдругъ съ раздраженіемъ перебилъ о. К—скій.—Развѣ это—знаніе, когда ученики *разсказываютъ* исторію не точно, а только въ отрывкахъ... Здѣсь,—увидите сами,—о. Б—скій бьетъ *на отличку*... Разъ прославилось школьное помѣщеніе, всѣ почему-то находятъ и школьные успѣхи хорошими... Вотъ послушайте-ка моихъ учениковъ!

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и у меня явилось невольное сомнѣніе въ безпристрастіи батюшки. Я до крайности заинтересовался и питомцами о. К—скаго.

Скоро или нескоро, но дошла, наконецъ, очередь и до учениковъ самохвальнаго батюшки...

— Рѣпкинь! Расскажи объ Иисусѣ Навинѣ,—спросилъ о. К—скій ученика.

«При помощи Божіей евреи скоро достигли предѣловъ земли Ханаанской, но, за ропотъ и за непослушаніе, отъ самой границы этой страны Господь возвратилъ ихъ назадъ, и около сорока лѣтъ они странствовали по пустынѣ Аравійской», началъ этотъ питомецъ читать быстро, монотоннымъ голосомъ, какъ по книгѣ, даже съ особымъ удареніемъ на буквѣ *о*, какъ читаютъ наши полуграмотные солдаты... и прочиталъ такъ безъ остановки всю исторію, помѣщенную на 30 стр. учебника Смирнова...

— Кочетовъ! Расскажите-ка намъ объ исцѣленіи Иису-

сомъ Христомъ десяти прокаженныхъ,—спросилъ опять о. Я—въ...

И этотъ ученикъ забормоталъ:

«Вскорѣ послѣ сего, Господь шелъ съ учениками въ Іерусалимъ изъ Галилеи чрезъ Самарію»... И пошелъ, и пошелъ читать слово въ слово по тому же учебнику.

— Ты бы рѣже, спокойнѣе разскажалъ намъ эту исторію *своими словами*, какъ понимаешь, а не книжнымъ какимъ-то славянскимъ выговоромъ,—неутерпѣлъ о. Я—въ, чтобы не замѣтить ученику.

О. К—скій обидѣлся.

— Если ученикъ твердо знаетъ весь курсъ Закона Божія, никогда въ жизни не забудетъ онъ его; все останется въ его головѣ... Вамъ, собственно, что же нужно?—обратился онъ къ о. Я—ву:—знаютъ вѣдь твердо мои ученики по программѣ, и вы оцѣнивайте ихъ знанія отмѣткою... Мой методъ преподаванія, кажется, не касается васъ...

О. Я—въ болѣе не возражалъ, а батюшка продолжалъ экзаменовать своихъ питомцевъ дальше...

— Въ чемъ состоитъ надежда христіанская?

— Въ успокоеніи сердца и несомнѣнной увѣренности, что Господь печется о насъ и спасаетъ насъ.

— Что можетъ укрѣпить надежду?

— Молитва.

— Что такое молитва?

— Благоговѣйное обращеніе ума и сердца къ Богу...

— Ты сейчасъ, милый мой, сказалъ, что надежда христіанская состоитъ въ несомнѣнной увѣренности, что Господь печется о нашемъ спасеніи... — это вѣрно ты сказалъ. Но не можешь ли сказать проще, какъ понимаешь,—что такое *увѣренность* да еще *несомнѣнная увѣренность*?—осмѣлился я перебить ученика.

— Вотъ что, о. дьяконъ, я скажу вамъ: если объяснять каждое слово Писанія,—это скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу. Есть выраженія, которыхъ никакимъ инымъ словомъ невозможно и не должно замѣнять; дѣти же

глухы и могут превратно понять объясненія,—вступился батюшка.

— Но вѣдь это слова учебника, а не Св. Писанія?

— Все равно, это слова учебника, обязательнаго для церковно-приходскихъ школъ... А вы лучше обратите вниманіе на твердость знанія моихъ учениковъ: что угодно, спросите по программѣ, все знаютъ. Пусть бы вотъ пріѣхалъ на экзамень С—въ и увидалъ, какъ въ нашихъ церковныхъ школахъ знаютъ ученики Законъ Божій, — продолжалъ хвалиться о. К—скій.

Я невольно улыбнулся.

— А скажите, батюшка, епархіальный наблюдатель посѣщалъ когда-нибудь вашу школу?—поинтересовался я.

— Какъ же! былъ даже въ этомъ году и остался недоволенъ... Да что, — скажу вамъ по совѣсти, — не стоитъ и толковать о Б—скомъ... Спрашиваетъ невозможное, даетъ дѣтямъ какіе-то непонятные вопросы... Представьте, одного мальчика спросилъ въ моей школѣ: почему пророкъ Іона не послушался Бога, не пошелъ съ проповѣдью въ Ниневію? Да такой вопросъ, я знаю, и семинарскимъ воспитанникамъ не предлагаютъ! Каково же крестьянскому мальчику дать такой вопросъ изъ исторіи?.. Кстати, не слышали новость? Вѣдь Б — скій уходитъ изъ наблюдателей и поступаетъ законоучителемъ въ гимназію!..

— Нѣтъ, не слыхалъ... Очень жаль, что мы теряемъ такого прекраснаго наблюдателя...

— Вотъ, сказали вы, жалко!.. А что жалѣть? Худая трава изъ поля вонъ, по русской пословицѣ...

Послѣ Закона Божія, школьниковъ экзаменовали по чтенію церковно-славянскому, и русскому, и по счисленію... Всѣ ученики читали по-русски довольно сносно, хотя чтеніе нѣкоторыхъ было невыразительно; это, впрочемъ, составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ всѣхъ сельскихъ школъ, какъ я замѣчалъ. Питомцы о. К. этого, у которыхъ уже праздникъ, а самая горячая рабочая пора назначенна для ихъ дѣятельности съ первыми весенними

совсѣмъ безъ смысла, съ искаженіемъ нѣкоторыхъ словъ и славянскимъ выговоромъ на букву о... Зато по ариѳметикѣ ученики Ч—ской школы отличились: они умѣли устно умножать, дѣлить даже большія числа, рѣшали трудныя задачи на составныя именованныя числа, свободно обращались съ дробями...

Экзаменъ продолжался съ небольшими перерывами довольно долго, часовъ до 6 вечера, такъ какъ экзаменовалось во всѣхъ школахъ около 35 дѣтей. По окончаніи экзамена, о. Я—въ поспѣшилъ уѣхать домой, а насть всѣхъ о. Б—скій пригласилъ въ свой домъ «на чай»... Тамъ вся наша компанія занялась «чаепитіемъ»... Мы съ учителемъ о. Б—скаго вышли въ садъ освѣжиться отъ полученныхъ впечатлѣній; разговорились здѣсь и о школьныхъ дѣлахъ...

— Здѣсь мы съ вами наединѣ! Скажите по совѣсти: какое впечатлѣніе произвели на васъ наши ученики и вообще наша школа?—спросилъ меня этотъ учитель.

— Обстановка и организація школы хороши!—сказалъ я,—это дѣлаетъ честь о. завѣдующему. Питомцы ваши развиты, читаютъ по-русски хорошо, пишутъ грамотно, по ариѳметикѣ рѣшаютъ трудныя задачи. Но, извините меня за откровенность, я все таки недоволенъ вашимъ методомъ преподаванія ариѳметики... Не начальникъ я, не ревизоръ школы, а только, какъ *сторонній наблюдатель*, говорю вамъ... Искренно замѣчу, что ваше преподаваніе ариѳметики совсѣмъ *безполезно* для дѣтей...

— Какъ такъ?—изумился учитель.—Да нѣтъ ни одной трудной задачи изъ 2-го выпуска сборника Гольденберга, какую не могли бы рѣшить мои ученики—тѣ дѣти, что держали сегодня экзаменъ...

— Охотно вѣрю вамъ, но замѣчаю у васъ одинъ существенный недостатокъ при обученіи дѣтей счисленію. Вы забываете ~~сказать~~ вы—учитель начальной школы, а какъ чѣмъ пользуетесь. Есть выраженія, которыхъ никакимъ ~~тономъ~~ ~~тономъ~~ словомъ невозможно и не должно замѣнять; дѣтеники

знають дробі, устно считаютъ бѣгло и хорошо, но вы совсѣмъ пренебрегаете *народными приѣмами счета*... Кромѣ того, вы забыли также, что вашимъ школьникамъ въ жизни никогда не придется имѣть дѣло ни съ милліонами и десятками тысячъ, ни съ пудами золота, ни съ прядильными машинами, ни съ десятинами лѣса;—имъ нужны въ жизни только рубли, пяточки, гривенники, фунты, аршины. Никогда не придется имъ на практикѣ рѣшать задачи съ помощью мѣла или карандаша... Какая же цѣль—излишними вычисленіями и задачами—загадками обременять дѣтскую голову? Не лучше ли излишнее время въ школѣ посвятить на изученіе природы и ея явленій? По счисленію же, пусть каждая школа сѣмѣетъ развить своего питомца настолько, чтобы полученное въ школѣ пригодилося ему въ практической жизни. Ученикъ со временемъ помянетъ за это добрымъ словомъ и школу, и своихъ учителей...

— О. дьяконъ, поѣдемъ пожалуйста: лошадь не стоитъ!—крикнулъ черезъ заборъ сада мой нетерпѣливый возница и прервалъ нашу интересную бесѣду. Я распрощался со всѣми батюшками и учителями, и поѣхалъ домой. На землю спускались уже густой вечерній сумракъ...

15-10 мая.

Сегодня стояло тихое весеннее утро. Солнце ярко играло на небѣ своими серебристыми лучами и какъ бы ласкало ими каждую травку, каждую луговую былинку. Вездѣ жизнь, приволье... Жаворонки заливались надъ свѣже-вспаханними, почти черными полями, на которыхъ кое-гдѣ только показывались молодые всходы яровыхъ посѣвовъ. Зяблики, ласточки, воробьи, ворòны, пѣтухи на селѣ какъ будто бы старались перекричать другъ друга...

Но не безъ цѣли кричали и пѣли всѣ эти Божьи созданья: не праздникъ, а самая горячая рабочая пора наступила для ихъ дѣятельности съ первыми весенними

днями. У каждаго изъ нихъ были свои семейныя заботы, всѣ спѣшили работать и наслаждаться жизнью. Чувствовали, видно, они, что за немногими теплыми днями ихъ счастливой жизни наступитъ время стужи, нужды и ненастья...

Рано собрались сегодня наши ученицы въ свою убогую школку. Онѣ знали, что сегодня проведутъ послѣдній день со мною. Сегодня онѣ и не такъ веселы, какъ всегда. Личики ихъ кажутся печальными... Жаль и мнѣ разставаться съ ними почти на четыре мѣсяца, особенно жаль тѣхъ изъ нихъ, которыя въ этотъ годъ сдали экзаменъ и оставляютъ школу навсегда. Онѣ ли не плоды моей школьной дѣятельности? Онѣ ли не безкорыстная утѣха въ моей несчастной, бѣдной жизни?... Я чувствую, что просто не въ силахъ разстаться съ ними: слишкомъ ужъ тяжела для меня эта разлука! Три года мы жили вмѣстѣ, переносили и холодъ, и голодъ, и разныя житейскія непріятности. Плакали и обнимались со мною дѣвочки, обѣщаясь никогда не терять связи со школою, часто навѣщать насъ.

Собрали учебныя книжки, привели въ порядокъ школьную библіотеку; нѣкоторымъ изъ дѣвочекъ я сегодня подарилъ на память св. евангеліе въ красивомъ переплетѣ.

Пришли «батюшка», псаломщикъ; отслужили благодарственный молебенъ, и дѣвочки съ пустыми сумками какъ-то печально побрели домой. Я долго потомъ стоялъ на крыльцѣ своей школы-сторожки и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Малютки еще долго оборачивались ко мнѣ, кричали: «прошайте! прощайте!».. Нѣкоторыя изъ нихъ махали мнѣ красными платками...

Замѣтки учителя по обученію ариѳметикѣ.

Хочется мнѣ изложить здѣсь кое-какія замѣтки по преподаванію въ начальной школѣ ариѳметики. Замѣтки мои будутъ касаться преимущественно обычныхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій въ предѣлахъ чиселъ любой величины. Начинаю, конечно, со *сложенія*.

Необходимо учителю помнить основное педагогическое правило, что при всякомъ обученіи дѣтей слѣдуетъ переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Предположимъ, что дѣти знакомы уже съ нумераціею чиселъ устно и письменною и умѣютъ разложить числа любой величины на десятичныя группы.

Прежде чѣмъ показывать дѣтямъ способъ сложенія надъ числами любой величины, учителю еще необходимо обратить вниманіе, чтобы дѣти умѣли хорошо владѣть устнымъ счисленіемъ въ такомъ видѣ, напр.: сколько полныхъ десятковъ въ 34 единицахъ, сколько полныхъ сотенъ въ 12 десяткахъ, тысячъ—въ 29 сотняхъ? и т. п. Если, конечно, дѣти хорошо знакомы со способомъ разложенія даннаго числа на десятичныя группы, эти вопросы не затрудняютъ и дѣти быстро осваиваются съ ними. За тѣмъ слѣдуетъ напомнить дѣтямъ, какъ они производили устное сложеніе надъ числами въ предѣлѣ сотни (что къ этому времени должно быть имъ знакомо) предлагаются такого рода вопросы: сколько будетъ 68 да 13? или 28 да 37? Какъ сосчитали вы? Что складывали прежде? что потомъ?—Прежде мы сложили полные десятки ($60+10$) или ($20+30$), за тѣмъ единицы ($8+3$ или $8+7$) и прибавили къ полученной суммѣ ¹⁾. Затѣмъ предлагается

¹⁾ Такой именно способъ я считаю болѣе легкимъ для дѣтей при устномъ счисленіи, какъ показавъ опытъ, чѣмъ другой болѣе извѣстный ($68+10$ и къ полученному числу $+3$). Дѣти легко запоминаютъ десятки и единицы.

дѣтямъ записать эти вычисленія на классной доскѣ и указать, гдѣ слагаемыя, гдѣ сумма, съ чѣмъ ученики также должны быть ранѣе ознакомлены. Не мѣшаетъ еще поупражнять дѣтей въ устномъ счисленіи на сложеніе въ предѣлахъ чиселъ болѣе сотни, что значительно облегчитъ ему объясненіе механизма самаго сложенія. Дѣти, хорошо знакомыя съ нумераціей, въ этомъ случаѣ будутъ считать безъ особаго затрудненія. Здѣсь учитель приблизительно ведетъ такого рода упражненія: сколько составятъ двадцать да тридцать? сорокъ да пятьдесятъ? $70+50$? $40+90$? Двѣ сотни да три сотни?—«Пять сотенъ», отвѣчаетъ ученикъ. «4 сотни да 5 сотенъ?»—«Девять сотенъ».—«А какъ говорятъ у насъ попросту, скорѣе? Развѣ пять сотенъ? девять сотенъ?» Нѣтъ для краткости условились говорить *пятьсотъ, девятьсотъ*,—такъ будемъ и мы называть... Сколько составитъ 800 да 300?»—«11 сотъ».—Какое это число? Выговори его!..»—1,100.—Сколько будетъ 700 да 800? 450 да 300? 860 и 320? Что будете складывать прежде? Что потомъ?—Прежде сложимъ всѣ сотни ($800+300=1,100$), за тѣмъ всѣ десятки ($50+20=70$) и сложимъ суммы ($1100+70=1170$), отвѣчаютъ дѣти. Сколько будетъ 960 да еще 870? 653 да 381? 536 и 987? и т. д. Здѣсь дѣти понимаютъ, что производить устное сложеніе надъ большими числами не составляетъ труда и слѣдуетъ по тому же способу, какъ и въ предѣлѣ первой сотни, слѣдуетъ только приучить ихъ запоминать данныя числа. На такого рода устныхъ упражненій учителю слѣдуетъ остановиться даже нѣсколько дольше, не бѣда, если нѣкоторыя изъ дѣтей будутъ затрудняться запоминать слагаемыя, всё зависитъ отъ частаго упражненія. Учитель даже можетъ разрѣшить дѣтямъ записывать на первыхъ порахъ данныя слагаемыя на своихъ грифельныхъ доскахъ, но самое сложеніе необходимо производить изустно. Наконецъ, учитель напоминаетъ имъ, что, если кто изъ нихъ затрудняется устно производить вычисленія, то онъ покажетъ имъ, какъ производить эти работы письменно. Такой переходъ отъ устной работы къ

письменной самъ покажетъ ученикамъ, что грифелемъ и карандашомъ можно пользоваться только въ крайнемъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ большими числами, которыя очень трудно помнить. Это слѣдуетъ всегда внушать питомцамъ народной школы, такъ какъ въ практической жизни послѣднимъ рѣдко приходится при счетѣ пользоваться карандашомъ или грифелемъ, а постоянно устнымъ счисленіемъ.

Научить дѣтей быстро производить письменное сложеніе надъ числами любой величины для учителя не составляетъ особеннаго труда; дѣти обыкновенно усваиваютъ самый механизмъ очень быстро, важно только, чтобы ученики не владѣли механизмомъ безсознательно, а отдавали отчетъ въ каждой работѣ, наглядно, ясно представляли себѣ, почему именно и какъ слѣдуетъ производить работу. Если дѣтямъ наглядно выясненъ приѣмъ устнаго счисленія и они производятъ его быстро (бѣглый счетъ), то они почти понимаютъ механизмъ письменной работы. На сложеніе чиселъ, въ которыхъ сумма единицъ слагаемыхъ не превышаетъ десяти, учителю нѣтъ нужды долго останавливаться, такъ какъ дѣти заразъ уже, какъ только будутъ написаны данныя, скажутъ устно сумму, особенно, если слагаемыхъ два или они не особенно многозначны. Учитель только напоминаетъ (и дѣти уже знаютъ по записи сложенія въ предѣлѣ первой сотни), какъ писать слагаемая, сумму, ставить знакъ и т. п. Пусть дано сложить:

$$\begin{array}{r} + 142 \\ 634 \\ \hline \end{array}$$

Учитель предлагаетъ вопросы: какая будетъ сумма? Что прежде складывать? Что потомъ?

Еще примѣръ:

$$\begin{array}{r} + 3275 \\ 4523 \\ \hline \end{array}$$

Учитель предлагаетъ ученику рѣшить этотъ примѣръ на классной доскѣ, а остальные дѣти слѣдятъ за работою. Ученикъ производитъ всѣ вычисленія вслухъ и записываетъ.

— 3 тыс. да 4 тыс. будетъ 7 тыс. (пишетъ), 2 сот. да 5 сот.—7 сот. (пишетъ подъ сотнями), 7 дес. и 2 дес.—9 дес.—обозначаетъ подъ десятками, 5 един. и 3 един.—8 единицъ (пишетъ подъ единицами); у меня получилась сумма 7798.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что на первыхъ порахъ учитель не долженъ смущаться простотою примѣра, хотя бы дѣти могли и устно сказать сумму, и непременно долженъ требовать, чтобы дѣти толково, не-спѣша отдавали ясный отчетъ въ каждомъ произведенномъ вычисленіи; это пріучаетъ ихъ къ точности, отчетности самой работы. Послѣ уже, когда ученики хорошо поймутъ смыслъ работы, можно упрощать объясненія,—можно будетъ допустить производить вычисленія вслухъ безъ объясненія, какого разряда единицы получаются въ суммѣ. Замѣчаніе это касается и остальныхъ дѣйствій. Не бѣда также, если дѣти сначала будутъ производить сложеніе не съ единицъ самаго меньшаго разряда общепринятымъ порядкомъ, а съ бѣльшихъ разрядовъ, какъ производится устное сложеніе. Пусть даже дѣти сами наглядно убѣдятся, что сложеніе можно начинать и съ бѣльшихъ единицъ, и съ меньшихъ—безразлично; пусть ту же работу другіе ученики произведутъ, начиная съ единицъ меньшаго разряда и тогда же обратятъ вниманіе школьниковъ, что въ томъ и другомъ случаѣ получится одинаковая сумма, откуда не начали бы мы производить сложенія. Затрудненіе встрѣтится уже потомъ при производствѣ сложенія, гдѣ сумма единицъ слагаемыхъ больше десяти, но и въ этомъ случаѣ пусть дѣти самостоятельно попробуютъ начинать сложеніе съ бѣльшихъ единицъ и сами на практикѣ убѣдятся, что производить работу сложенія принято начинать съ единицъ меньшихъ разрядовъ потому только, что такъ *удобнѣе*, не придется переправлять, перемарывать сумму;

начинать складывать можно и съ большихъ единицъ. Пусть будетъ данъ такой примѣръ:

$$\begin{array}{r} + 85706 \\ 7648 \\ \hline 82344 \end{array}$$

Ученикъ начинаетъ складывать:

— 8 дес. тыс. напомнимъ подъ дес. тысячъ; 5 тыс. да 7 тыс. станетъ 12 тыс....

— Гдѣ же написать намъ 12 тыс.? Можно ли написать всѣ 12 тыс. подъ тысячами?

— Нѣтъ; подъ тысячами есть мѣсто только для одной цифры, для единицъ тысячъ... отвѣчаетъ ученикъ.

— Припомните, дѣти, изъ какихъ десятичныхъ группъ состоитъ 12 тыс.?

— Изъ 2 тыс. и 1 дес. тысячъ...

— Замѣтите, дѣти, какъ слѣдуетъ поступать въ данномъ случаѣ: мы подъ единицами тыс. будемъ писать однѣ, именно, единицы тысячъ, десятки же тыс. мы прибавимъ къ дес. тыс. Гдѣ же намъ написать?

Ученики указываютъ.

— Но вѣдь тамъ уже мѣсто занято. Какою цифрою обозначено количество дес. тыс.?

— 8 дес. тыс., отвѣчаютъ дѣти.

— Что же теперь приходится намъ дѣлать?

— Прибавить къ нимъ еще 1 дес. тыс., а 2 тыс. написать подъ тысячами.

— Что же, стало быть, приходится дѣлать? Вѣдь мѣсто уже занято цифрою?

— Приходится уже стереть, стереть цифру 8 и написать 9...

Для наглядности пусть ученики не стираютъ цифру 8, а только зачеркнуть и напишутъ надъ нею 9, какъ показано у меня выше.

Ученики поправляютъ.

Теперь продолжимъ работу дальше... Что теперь будемъ складывать?

— Теперь сложим сотни: 6 сот. да 7 сот. выйдет 13 соть.

— Гдѣ же напишемъ эти 13 соть?

— Подъ сотнями.

— Можно ли всѣ 13 соть написать подъ сотнями?

— Нѣтъ; для этого мы 13 сот. разложимъ на десятичныя группы и найдемъ, что 13 соть состоятъ изъ 1 тыс. и 3 сот.

— Какую же цифру напишемъ подъ сотнями?

— 3 сот., сами ученики уже соображаютъ...

— Что же сдѣлать намъ съ 1 тыс.? Гдѣ помѣстить ее?

— Прибавимъ тыс. къ 2 тыс.

— Видите, дѣти, приходится намъ и тыс. поправлять, вмѣсто 2 тыс. обозначить 3 тыс., а 3 сот. напишемъ подъ сотнями...

— Что же дальше?

— Будемъ складывать десятки... 4 дес. такъ и напишемъ подъ десятками ¹⁾... Слѣдуютъ единицы: 6 ед. и 8 ед. составятъ 14 ед...

Ученики сами уже догадываются, какъ поступить, и объясняютъ:

— 14 ед. составляются изъ 4 ед. и 1 дес.; 4 ед. напишемъ подъ единицами, а 1 дес. прибавимъ къ 4 имѣющимся у насъ десяткамъ, *поправимъ* цифру 4 на 5.

— Какая же получилась у васъ сумма?

— 93,354.

Затѣмъ учитель предлагаетъ дѣтямъ исполнить эту работу, начиная съ единицъ меньшаго разряда.

Ученики начинаютъ объяснять:

— 6 ед. да 8 ед. будетъ 14 ед., а 14 ед. составляютъ 4 ед. и 1 дес.; мы 4 ед. напишемъ подъ единицами, и 1 дес. прибавимъ къ десяткамъ...

— Обратите, дѣти, вниманіе! Мы пока не напишемъ

¹⁾ Слѣдуетъ избѣгать выраженія, допускаемаго въ школахъ нѣкоторыми учителями: «четыре да нуль выйдетъ четыре», какъ совершенно бессмысленнаго и бесполезнаго... Въдъ нуль обозначаетъ ничто.

1 дес. подъ десятками, и будемъ помнить, что отъ единицъ у насъ остался полный десятокъ, мы лучше прибавимъ его къ дес. послѣ, когда сложимъ всѣ десятки.. Для памяти запишемъ пока его на сторонѣ... (записываю).

Продолжайте-работу!..

Учен.—4 десятка...

— Только ли будетъ въ единицѣ дес.?

— Нѣтъ; прибавимъ къ нимъ еще тотъ десятокъ, который остался у насъ на сторонѣ неприбавленнымъ. Стало быть, всего получится у насъ 5 дес., ихъ и напишемъ въ суммѣ на мѣстѣ десятковъ.

Съ такимъ объясненіемъ ученики доканчиваютъ сложеніе даннаго примѣра. За тѣмъ учитель обращаетъ вниманіе дѣтей:

— Посмотрите, дѣти, не догадываетесь ли сами, когда намъ удобнѣе было производить запись сложенія—въ первомъ случаѣ, когда начинали слагать съ бѣльшихъ единицъ, или въ послѣднемъ, начиная съ простыхъ единицъ?

— Въ послѣднемъ случаѣ, отвѣчаютъ дѣти.

— Почему же такъ?

— Въ послѣднемъ случаѣ намъ не пришлось зачеркивать цифры, а писать прямо...

— Вѣрно замѣтили вы... Такъ именно мы и будемъ поступать впередъ при сложеніи бѣльшихъ многосложныхъ чиселъ. Можно, конечно, начинать работу и съ бѣльшихъ единицъ, получится одинаковая сумма, но тогда часто придется намъ переправлять, зачеркивать, перемарывать цифры суммы, а это не всегда удобно...

Теперь сами ученики наглядно поняли (а не механически), почему именно принято начинать дѣйствіе сложенія съ единицъ меньшаго разряда и какъ выключать изъ меньшихъ единицъ—единицы бѣльшихъ разрядовъ. На этомъ учителю лучше остановиться именно при выясненіи дѣйствія сложенія, такъ какъ также придется имѣть дѣло и при умноженіи. Понявши это разъ, дѣти потомъ

сами выключать изъ меньшихъ единицъ большія, и это, надѣюсь, не послужитъ лишней тратой времени.

Прежде чѣмъ показывать дѣтямъ механизмъ письменнаго *вычитанія* надъ числами любой величины полезно и даже необходимо поупражнять дѣтей въ устномъ счисленіи на числа болѣе сотни. Предположимъ, что ученики уже знакомы съ приѣмомъ устнаго счисленія въ предѣлѣ сотни еще въ среднемъ отдѣленіи. Здѣсь только учитель напоминаетъ имъ, что приѣмы *устнаго вычитанія* въ предѣлахъ чиселъ болѣе сотни тѣ же, что и при вычитаніи небольшихъ чиселъ. При этомъ очень полезно обратить вниманія дѣтей на способъ вычитанія двузначнаго числа отъ сотенъ, такъ какъ это имѣетъ практическое значеніе въ жизни—умѣть быстро соображать, когда придется имѣть дѣло съ *рублями* и *копѣйками*. Научить дѣтей устно и быстро отнимать отъ нѣсколькихъ рублей коп. или руб. съ копѣйками, не трудно. Дѣло это ведется обыкновенно такъ. Обращается вниманіе дѣтей, что 100 безъ 1=99, напоминаютъ ¹⁾), что при устномъ вычитаніи двухзначнаго числа всегда *его отнимаютъ отъ 99 и къ разности прибавляютъ*! При такомъ способѣ ученики будутъ давать почти моментальные отвѣты (бѣглый счетъ) на такого рода вопросы: сколько будетъ 100 безъ 36? 1 р. безъ 17 к.? Сколько придется получить въ лавкѣ сдачи съ рубля, если нужно отдать за покупку 67 коп.? и т. п. Сколько получить сдачи съ 5 р., если заплатить за товаръ 85 к.? Или—сколько сдадутъ съ 8 р., уплативши за товаръ 3 р. 69 к.? Вопросы эти можно разнообразить до безконечности, слѣдуетъ только обратить вниманіе учениковъ для быстрого соображенія, что, если число копѣекъ въ вычитаемомъ числѣ больше, чѣмъ въ уменьшаемомъ, или ихъ въ уменьшаемомъ совсѣмъ нѣтъ, слѣ-

¹⁾ Само собою разумѣется, дѣтямъ еще ранѣе должно быть объяснено, почему именно отнимается 1 отъ 100 («одинъ десятокъ разлагается на единицы»), такъ что не считаю, чтобы такой способъ былъ механическимъ, безсознательнымъ, какъ нѣкоторые говорятъ. Это допускается для быстроты устнаго вычитанія. *Авт.*

дуетъ всегда одинъ рубль раздроблять въ копѣйки. Это даже пригодится учителю впередъ при объясненіи дѣтямъ способа *письменнаго* вычитанія, гдѣ число единицъ даннаго разряда въ вычитаемомъ больше, чѣмъ въ уменьшаемомъ. Кромѣ того такого рода упражненія имѣютъ практическое значеніе, чѣмъ особенно должна дорожить народная школа. Конечно, такого рода упражненія учителю слѣдуетъ практиковать еще со *средними*, но тамъ дѣтямъ бѣглый счетъ дается слабѣе, чѣмъ старшимъ дѣтямъ, когда ученики достаточно созрѣли по своему развитію и, какъ замѣчено мною, всегда больше интересуются устнымъ счисленіемъ. Кромѣ того послѣдній способъ—отниманіе единицъ отъ полныхъ сотенъ и тысячъ поможетъ учителю научить дѣтей устному счету въ предѣлахъ большихъ чиселъ. Это дѣло я веду приблизительно такъ: сколько будетъ 800 безъ 1? 600 безъ 1? и т. п. Зная, что 600 безъ 1 составятъ 599, дѣти быстро соображаютъ—600 безъ 429 составятъ 171 ($599 - 429 = 170 + 1$), такъ какъ здѣсь устно приходится имѣть дѣло съ единицами разр., гдѣ единицы вычитаемого меньше единицъ уменьшаемаго. Далѣе упражненія усложняются: 1000 безъ 386? 4000 безъ 873? и т. д. У меня есть 286; сколько не достаетъ до 800? Отъ 386 до 5000? Было у меня 40 р.; истратилъ 18 р. 36 к.—сколько осталось денегъ? Нѣкоторые рекомендуютъ такой способъ для выясненія дѣтямъ письменнаго вычитанія отъ числа, оканчивающагося нулями. Я съ своей стороны могу рекомендовать такой способъ исключительно для практическаго пользованія при устномъ счисленіи; при письменномъ же вычитаніи этотъ способъ, по моему мнѣнію, совершенно бесполезный. Если ученикъ ясно и отчетливо понимаетъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, если меньшія единицы вычитаемого больше уменьшаемаго, т. е. умѣетъ занимать у единицъ слѣдующаго большаго разряда и раздроблять ихъ въ ближайшія меньшія—нули его не затруднять. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти понимаютъ уже отчасти изъ нумераціи, частью на основаніи предшествующихъ устныхъ

упражнений, какъ поступать въ данномъ случаѣ. Вѣдь нуль обозначаетъ, что числа единицъ нѣтъ, стало быть и заниматься въ этомъ разрядѣ невозможно; и придется обратиться къ слѣдующему большому разряду. Здѣсь только учитель напоминаетъ, что занятую единицу высшаго разряда, положимъ, тысячу, не прямо раздробляютъ въ десятки, а предварительно въ сотни. «Въ одной тыс. 10 сот., беремъ изъ нея 1 сот. и раздробляемъ—уже въ десятки... Учитель спрашиваетъ, указывая на нуль, стоящій на мѣстѣ сотенъ: «сколько здѣсь осталось сотенъ?» Если ученики затруднятся отвѣтить, онъ наводитъ ихъ:

— Сотенъ совсѣмъ не было, онѣ всѣ были сгруппированы въ тысячахъ... Но мы, помните ли, заняли одну тысячу?

Что мы сдѣлали тогда съ нею?

— Раздробили въ сотни.

— Сколько же получилось сотенъ?

— Въ одной тысячѣ 10 сот., отвѣчаютъ дѣти.

— Потомъ что же сдѣлали мы?

— Взяли изъ 10 сот. 1 сот. и раздробили ее въ десятки...

— Сколько же осталось сотенъ?

— Были 10 сот., взяли изъ нихъ 1 сот., стало быть осталось только 9 сот., догадываются ученики.

— Мы, дѣти, и поставимъ теперь надъ нулемъ точку, значекъ, просто, для памяти, что здѣсь заключается раздробленная въ сотни тысяча... Такъ и знайте впредь, если надъ цифрою уменьшаемаго стоитъ значекъ (точка), то одной единицы этого разряда уже нѣтъ. Если точка стоитъ надъ нулемъ, помните, что тутъ должно быть 9.

Вычитаніе надъ обыкновенными числами безъ нулей въ уменьшаемомъ для учениковъ не составитъ труда; необходимо только обратить вниманіе дѣтей на такого рода случай вычитанія. Пусть будетъ данъ такой примѣръ:

$$\begin{array}{r}
 \text{.}^{\text{io}} \text{ .}^{\text{io}} \\
 10101 \\
 - 5763 \\
 \hline
 4338
 \end{array}$$

Для наглядности можно позволять дѣтямъ на первыхъ порахъ писать надъ нулями уменьшаемаго тѣ самыя единицы, которыя раздробляются. Напр. беремъ сотни и раздробляемъ въ дес.—пусть ученики для памяти напишутъ надъ нулемъ, обозначаемомъ вмѣсто десятковъ, число 10 и поставятъ надъ нимъ точку, которая будетъ показывать, что 1 дес. взять.

Ученики рѣшаютъ данный примѣръ съ объясненіемъ:

— Отъ 1 ед. отнять 3 ед.—нельзя, мы заняли бы у десятковъ, но и десятковъ нѣтъ, такъ мы возьмемъ 1 ед. у сотенъ и раздробимъ ее въ дес. (ставитъ точку надъ цифрою сотенъ); въ 1 сот. 10 дес. Возьмемъ 1 дес. и раздробимъ его уже въ единицы (ставитъ точку надъ нулемъ на мѣстѣ десятка); въ 1 дес. 10 ед. да 1 ед.=11 ед.; отъ 11 ед. отнимаемъ 3 ед. останется 8 ед. *Десятковъ не было*, но отъ раздробленной сотни осталось 9 дес.,—отъ 9 дес. отнять 6 дес., останется 3 дес. и т. д.

Замѣчу еще, что непременно слѣдуетъ рѣшить нѣсколько примѣровъ на классной доскѣ съ такимъ именно объясненіемъ, чтобы дѣти составили себѣ наглядное и ясное понятіе, почему и что они занимаютъ, единицы какого разряда и отъ какого отнимаютъ. Когда ученики достаточно усвоятъ эти объясненія, можно *для сокращенія времени* разрѣшить имъ производить дѣйствія *механически* для пріобрѣтенія навыка быстро отнимать. Въ этомъ случаѣ ученики говорятъ такъ:

— Отъ одной единицы отнять 3—нельзя, займемъ единицу у слѣдующаго разряда, но тамъ нѣтъ,—займемъ дальше—3 отъ 11 будетъ 8, 6 отъ 9 выйдетъ 3, 7 отъ 10 (занимается у слѣдующаго разряда) выйдетъ 3 и т. д.

Учитель время отъ времени провѣряетъ:

— Чего это 3? Какія единицы отнимались?—цѣль этого—убѣдиться, сознательно ли ученики производятъ работу.

За тѣмъ учитель даетъ дѣтямъ для самостоятельнаго рѣшенія еще нѣсколько такого рода письменныхъ примѣровъ и ученики рѣшаютъ ихъ на своихъ грифельныхъ доскахъ.

Далѣ—слѣдуетъ устное и письменное рѣшеніе задачъ на это дѣйствіе.

Умноженіе также не затруднить дѣтей. Необходимо только дѣтямъ твердо заучить таблицу умноженія, что достигается обыкновенно еще въ среднемъ отдѣленіи. Кстати нѣсколько словъ о заучиваніи на память этой таблицы. Нѣкоторыми учителями до сихъ поръ еще практикуется старинный методъ заучиванія этой таблицы, т.-е. требуютъ, чтобы дѣти читали подъ рядъ, напр. $3 \times 3 = 9$, $3 \times 4 = 12$ и т. д. и предлагаютъ вопросы въ такомъ родѣ: сколько будетъ шестью восемь? четырежды пять? и т. п. Дѣти обыкновенно, не имѣя яснаго представленія о процессѣ умноженія, отвѣчаютъ не за-разъ, а предварительно въ умѣ, про себя читаютъ: $6 \times 6 = 36$, $6 \times 7 = 42$, $6 \times 8 = 48$, и тогда уже даютъ отвѣтъ учителю.

Между тѣмъ съ перваго же раза учителю необходимо разнообразить вопросы, такъ напр., сколько будетъ 7 пятерокъ, 8 шестерокъ? 9 паръ? Сколько будетъ, если 8 увеличить въ 5 разъ? 7 въ 9 разъ? Какое число больше 9 въ 7 р.? и т. д. Недурно поступитъ учитель, если на большомъ листѣ бумаги напишетъ таблицу умноженія крупными цифрами и помѣститъ её на видномъ мѣстѣ класной комнаты, чтобы она была постоянно передъ глазами дѣтей. Пользуясь этимъ *нагляднымъ пособіемъ*, дѣти съ перваго же раза приучаются справляться съ таблицею при рѣшеніи простѣйшихъ вопросовъ и небольшихъ задачъ. Опытъ показалъ, что такимъ способомъ таблица запоминается дѣтьми легче, чѣмъ при безсознательномъ долбленіи.

Письменному дѣйствию умноженія долженъ также предшествовать устный счетъ въ предѣлѣ болѣе сотни.

Учитель и знакомитъ съ приемами этого счисленія, предварительно провѣривъ знанія учащихся въ умноженіи десятковъ и сотенъ на однозначное число. При этомъ еще при изученіи нумераціи предполагается, что ученики знакомы съ приемомъ, какъ увеличить устно данное число въ 10 разъ, въ 100 разъ и въ 1000. Далѣе слѣдуютъ вопросы: сколько

будетъ 8×17 ? 6×35 ? 7×86 ? Дѣтей эти вопросы не затрудняютъ,—зная способъ устнаго умноженія въ предѣлѣ сотни. Здѣсь мнѣ хотѣлось бы только обратить вниманіе на упражненіе учениковъ въ устномъ рѣшеніи практическихъ задачъ. Предварительно убѣдившись, всѣ ли дѣти твердо знаютъ, сколько въ рублѣ полтинниковъ, четвертаковъ, двугривенныхъ, гривенниковъ и пятакковъ, учитель упражняетъ дѣтей на такихъ простыхъ вопросахъ: сколько двугривенныхъ въ 18 руб.? четвертаковъ въ 13 р.? пятакковъ въ 28 руб. и т. д. въ томъ же родѣ. Или: сколько составляютъ 8 дюжинъ пуговицъ? Сколько въ 7 ар. вершковъ? въ 15 пуд. фун. (предполагаю, конечно, что съ общеупотребительными мѣрами дѣти должны уже быть знакомы раньше). Практиковать съ учениками устный счетъ въ такомъ родѣ учителю слѣдуетъ потомъ по возможности чаще въ виду его важнаго практическаго значенія собственно для учениковъ народной школы. Опять замѣчу, что такой устный счетъ начинать еще со средними, даже младшими, но со старшими должны быть еще усилены эти занятія. Не слѣдуетъ думать, что этотъ счетъ очень простъ и всѣмъ дѣтямъ дается легко; только отъ частыхъ упражненій дѣти пріобрѣтаютъ навыкъ бѣгло и вѣрно считать.

Научить дѣтей механизму письменнаго умноженія многозначнаго числа на однозначное очень легко: слѣдуетъ только показать дѣтямъ, гдѣ писать множимое, множителя и произведеніе (что опять знакомо должно быть имъ по среднему отдѣленію). Какъ подписывать произведеніе, какъ выключать изъ единицъ единицы высшихъ разрядовъ, дѣти должны уже понимать, такъ какъ все это имъ объяснено при сложеніи. Только умноженіе многозначнаго числа на двухъ или трехзначное, пожалуй, еще не достаточно ясно понимается дѣтьми, они, напр., не знаютъ, гдѣ писать единицы, десятки и т. д. второго или третьяго произведенія. Если сказать дѣтямъ, что единицы второго произведенія слѣдуетъ писать подъ тою цифрою, на ко-

торую умножаемъ, это значитъ научить дѣтей только механизму умноженія, такъ какъ они не въ состояніи будутъ дать яснаго отчета, почему именно слѣдуетъ такъ подписывать единицы другихъ произведеній, почему должно получиться одно произведеніе, а не два или три, словомъ, сколько цифръ во множителѣ. Гораздо лучше поступить учитель въ данномъ случаѣ, если на примѣрѣ наглядно покажетъ, почему при этомъ дѣйствіи должно поступать такъ, а не иначе; словомъ, сдѣлаетъ такъ, чтобы хотя и механическое правило, оно должно наглядно вытекать изъ даннаго примѣра. Пусть будетъ данъ такой случай умноженія:

$$\begin{array}{r} \times 579 \\ 49 \end{array}$$

Предварительно учитель напоминаетъ дѣтямъ, какъ легче умножить устно многозначное число на двузначное, напр. 75×12 (75×10 и 75×2 и произведенія сложить).

— Попробуемъ и въ данномъ случаѣ поступить такъ же. Умножимъ сначала 579 на 40, затѣмъ 579 на 9 и полученные произведенія сложимъ, говоритъ учитель.

Умножить 579 на 40 дѣти уже умѣютъ, знаютъ умножить и данное число на 9, и сложить произведенія. Необходимо, чтобы кто-либо изъ дѣтей продѣлалъ это на классной доскѣ, а остальные на своихъ грифельныхъ доскахъ. У нихъ получится такая записъ:

$$\begin{array}{r} 579 \\ \times 40 \\ \hline 23160 \end{array} \quad \begin{array}{r} 579 \\ \times 9 \\ \hline 5211 \end{array} \quad \begin{array}{r} + 23160 \\ 5211 \\ \hline 28371 \end{array}$$

Учитель обращаетъ вниманіе дѣтей.

— Сколько произвели сейчасъ отдѣльныхъ работъ?

— Три. Два умноженія и сложеніе.

— Вѣрно. Ну, а если бы три цифры было во множителѣ? Тогда сколько бы пришлось вами исполнить работъ? Не догадаетесь ли сами?

— Тогда бы намъ пришлось сдѣлать три отдѣльныхъ умноженія и одно сложеніе...

— Вѣрно замѣтили вы. Намъ нѣсколько разъ придется переписывать множимое, производить отдѣльно каждое дѣйствіе, на все это уйдетъ не мало времени, особенно, если множитель многозначное число, положимъ, въ четыре, пять цифръ или больше, придется пять, шесть разъ переписывать множимое. Я, дѣти, сейчасъ покажу вамъ, какъ удобнѣе для сокращенія времени и письма производить умноженіе, не переписывая каждый разъ множимаго. Замѣтимъ, что произведеній въ данномъ случаѣ у насъ получилось два (столько именно, сколько цифръ во множителѣ). Умножимъ прежде 579 на 9, и мы получимъ пока одно произведеніе, и подпишемъ его на обычномъ мѣстѣ...

Ученики исполняютъ работу и потомъ слѣдуетъ рядъ вопросовъ:

— Какое получилось у васъ произведеніе?

— 5211.

— На какое число умножили?

— На 9 единицъ.

— Произведеніе чего получилось?

— У насъ получилось произведеніе единицъ.

— Вѣрно. Теперь умножимъ тоже число 579 не на 40, а на 4, но будемъ помнить, что 4 не простыя единицы, а *десятки*, слѣдовательно получимъ произведеніе простыхъ ли единицъ, вѣдь мы приняли цифру десятка за единицы?..

— Нѣтъ; мы получимъ произведеніе *десятковъ*.

— Да. Умножая на вторую цифру, получимъ произведеніе *десятковъ*, на третью—произведеніе *сотенъ* и т. д. Будемъ же умножать: $4 \times 9 = 36$. Чего это 36?

— 36 *десятковъ*.

— Вѣрно. Выключая изъ 36 дес.—3 сот. и 6 дес. напишемъ 6 не подъ единицами, а подъ десятками... и т. д.

Можно это объяснить дѣтямъ еще короче и нагляднѣе. Когда дѣти получаютъ отдѣльныя произведенія и произведутъ сложеніе, учитель спрашиваетъ:

— Обратите вниманіе, дѣти! Для сокращенія письма мы каждый разъ не будемъ переписывать множимаго, а напишемъ

всѣ произведенія другъ подъ другомъ и затѣмъ сложимъ ихъ.

Ученики умножаютъ 579 на 9 и получаютъ произведение 5211.

— На какое число умножили? На сколько же теперь умножимъ? спрашиваетъ учитель.

— Теперь умножимъ данное число на 40, отвѣчаютъ дѣти.

— Будемъ умножать на 40, подписывая второе произведение подъ первымъ...

Учен. 9 ед. взять 40 разъ получимъ 360 ед.

— Что же, какъ поступить съ этими единицами? Какъ же поступали мы всегда? Всѣли единицы писали подъ единицами?

— Нѣтъ; мы изъ един. исключали единицы высшихъ разрядовъ—десятковъ, сотенъ и т. д. Единицъ въ данномъ случаѣ нѣтъ—обозначаемъ мѣсто нулемъ, 6 дес. напишемъ подъ десятками, а три сотни прибавимъ къ сотнямъ.

— Вѣрно, продолжайте дальше!

— 70×40 разъ, получится... ученикъ, быть можетъ затруднится...

— Припомни, какъ устно умножали 70 на 40!

— 70 увеличимъ въ 10 разъ (прибавимъ справа нуль) выйдетъ 700; получаемое число умножимъ на 4 = 2800 или 28 сотенъ...

— Видите, иногда трудно помнить, иногда получатся болѣе сложные числа, которые легко забыть... Лучше примемъ 4 дес. за единицы, но запомнимъ, что отъ умноженія на эту цифру получимъ произведение десятковъ, и писать будемъ цифру справа подъ десятками. Для наглядности учитель добавляетъ пустыя мѣста нулями. Получается такая запись:

$$\begin{array}{r}
 \times 579 \\
 \hline
 5211 \\
 + 2316 \\
 \hline
 28371
 \end{array}$$

За тѣмъ учитель объясняетъ только, что во избѣжаніе излишняго письма можно не обозначать нуля подъ десятками во второмъ произведеніи, такъ какъ самое мѣсто, занимаемою цифрою 6, показываетъ, что здѣсь именно произведеніе десятковъ.

Быть можетъ нѣкоторыя, изъ моихъ собратій найдутъ мои объясненія длинными, даже излишними, достаточно научить дѣтей только механически, достаточно сказать дѣтямъ: когда множите на вторую цифру подписывайте подъ тою же цифрою и цифру второго произведенія и т. д. Но замѣчу прежде всего, что такія механическія знанія будутъ непрочны, разъ забылъ ученикъ правило, онъ безъ посторонней помощи не въ состояніи воспроизвести его въ умѣ. Если же ребенокъ съ перваго раза наглядно усвоить, что и какіе единицы получаетъ въ данномъ случаѣ, онъ всегда будетъ въ состояніи воспроизвести правил.. Я много встрѣчалъ изъ бывшихъ школьниковъ, которые совсѣмъ забыли правило, какъ производить письменное умноженіе на многозначное число. Это я объясняю исключительно тѣмъ, что такіе бывшіе школьники при обученіи въ школѣ недостаточно сознательно усвоили способъ и смыслъ самой работы.

Еще нѣсколько словъ объ умноженіи. Кто-то изъ учителей въ журналѣ «Народное Образованіе» совѣтуетъ въ томъ случаѣ, когда по смыслу содержанія задачи приходится множить однозначное число на многозначное, не переставлять множимаго на мѣсто множителя, и писать такъ, какъ требуетъ смыслъ самой задачи. Такъ напр. арш. сукна стоитъ 3 руб., сколько придется заплатить за 1825 арш.? Утверждаютъ, что будто бы дѣти не ясно поймутъ задачи и умноженіе, если умножить не 3 на 1825, а наоборотъ, какъ болѣе принято 1825 на 3. Не понимаю, въ чемъ собственно составитъ здѣсь для дѣтей затрудненіе. Вѣдь они еще съ самаго начала обученія счисленію знакомы, что одинаковое произведеніе получится, въ томъ случаѣ—умножимъ ли мы 5 на 8 или 8 на 5.

Это уже азбука въ ариѳметикѣ. Если учитель съ перваго же шага обученія приучить дѣтей толково объяснять смыслъ задачи и дѣлать выводъ, почему въ данномъ случаѣ слѣдуетъ употребить то или другое дѣйствіе, то едва ли ученики затруднятся понять, гдѣ приходится умножить меньшее число на большее, или большее на меньшее. Они обыкновенно разсуждаютъ такъ: одинъ арш. стоитъ 3 р., и за 1825 арш. придется заплатить дороже противъ одного арш. въ 1825 разъ, слѣдовательно нужно 3 р. умножить, увеличить въ 1825 разъ, но намъ удобнѣе 1825 умножить на 3, а получимъ одинаковое произведеніе, такъ какъ отъ перестановки множителей произведеніе не измѣняется. Возьмемъ еще примѣръ: 1 арш. кружевъ стоитъ 8 коп.—сколько заплатить за 198 арш. Ученикъ, положимъ, умножаетъ письменно 198 на 8.

— По смыслу задачи вѣрно ли произвелъ запись данныхъ?

— Нѣтъ; слѣдовало бы 8 умножить на 198, такъ какъ 198 арш. стоятъ дороже одного въ 198 разъ, а такъ пишемъ для удобства... А вотъ, если данъ такого рода примѣръ: арш. матеріи стоитъ 48 коп., сколько заплатить за 2835 арш.. По смыслу задачи здѣсь слѣдуетъ 48×2835 ; если не переставлять множителей, дѣти еще больше затруднятся производить работу. Если ученикъ сознательно понимаетъ соотношенія между множителями по смыслу задачи, то запись—будетъ ли 48×2835 или 2835×48 —совершенно не имѣетъ значенія; можно всегда записывать общепринятымъ порядкомъ.

Приступая къ *дѣленію*, учитель опять провѣряетъ знанія дѣтей по устному счисленію сначала въ предѣлѣ чиселъ первой сотни, съ дѣленіемъ цѣлыхъ десятковъ сотенъ и тысячъ на однозначное число. Особенное вниманіе необходимо обратить, чтобы дѣти свободно умѣли дѣлить числа въ предѣлѣ сотни (хотя бы съ остаткомъ) на однозначное число; показываетъ (напоминаетъ), какъ слѣдуетъ

провѣрять, вѣрно ли они содержали, посредствомъ умноженія. Напр.; сколько семерокъ въ 56?—8.—Почему, думаешь, 8?—Семью $8 \times 8 = 56$, отвѣчаетъ ученикъ, сколько получимъ, если 70 раздѣлимъ на 6? Сколько въ частномъ? Сколько въ остаткѣ? Особенно слѣдуетъ чаще напоминать дѣтямъ, что *каждое число можно раздѣлить*, разница только та, что одно число дѣлится безъ остатка, а другое съ остаткомъ. Не слѣдуетъ также особенно много рассчитывать, что дѣти это скоро понимаютъ и скоро оставляютъ такого рода устные упражненія. Опытъ показалъ, что дѣти, хотя и хорошо освоились съ пользованіемъ таблицею умноженія, все-таки, если не всѣ, то многіе будутъ затрудняться отвѣчать на такіе простые вопросы, сколько, напр., семерокъ въ 54? или 6 въ 50? Далѣе слѣдуетъ устное дѣленіе чиселъ болѣе сотни, напр., 240 раздѣлить на 3, или 320 на 4 и т. п. При этомъ не лишне ознакомить дѣтей съ приемами дѣленія на 10, на 5, на 25. Это будетъ имѣть практическое значеніе. Напр., если ученикъ знаетъ, что десятковъ въ 180—18, то пятерокъ будетъ 2×18 , потому что въ каждомъ десяткѣ 2 пятерки, или 4800 раздѣлить на 25; въ каждой сотнѣ 4 раза по 25, стало быть въ 48 сотняхъ по 25 будетъ заключаться 4×48 и т. п.

При ознакомленіи съ письменнымъ дѣленіемъ дѣти иногда затрудняются и не понимаютъ, гдѣ писать частное, откуда получается остатокъ и какъ съ нимъ поступить, нужно данную цифру написать въ частномъ, ученикъ пишетъ въ остаткѣ и т. п. Для наглядности я совѣтую при дѣленіи на однозначное число пока совсѣмъ не употреблять общепринятаго способа записи письменнаго дѣленія. Пусть дѣти сначала записываютъ такъ:

$$\begin{array}{r} 5874 : 6 \\ \hline 979 \end{array}$$

Объясняютъ такъ: 5 тыс. раздѣлить на 6 такъ, чтобы въ частномъ получились тысячи — нельзя, слѣдовательно мы эти 5 тыс. раздробимъ въ сотни; въ 5 тыс. 50 сот.,

да еще 8 сот., всего составитъ 58 сот.; 58 сот. раздѣлимъ на 6—въ частномъ получимъ 9...

— Чего это 9? Что означаетъ эта цифра?

— 9 сотенъ.

— Вѣрно; сотни дѣлили мы, и сотни же получаются въ частномъ. Будемъ же и мы писать подъ сотнями. Всѣ ли сотни раздѣлились?

— Нѣтъ. Раздѣлились безъ остатка только 54 сотни.

— Сколько же сотенъ осталось нераздѣленными?

— 4 сотни.

— Что же сдѣлать съ этими сотнями?

— Мы раздробимъ сотни въ дес. Въ 4 сот., 40 дес., да еще 7 дес. прибавимъ—составятся 47 дес., раздѣлимъ на 6 и получимъ 7 дес., которые и напишемъ подъ десятками.

— Всѣ ли десятки раздѣлились безъ остатка?

— Нѣтъ; раздѣлились безъ остатка только 42 дес.

— Сколько же десятковъ осталось нераздѣленныхъ?

— 5 десятковъ.

— Что же сдѣлать съ пятью десятками?

— Раздробимъ эти дес. въ един. Въ 5 дес.—50 ед., да еще 4 ед. прибавимъ къ нимъ,—получимъ 54 ед.; 54 ед., раздѣлимъ на 6, въ частномъ получимъ 9 един., которыя и напишемъ подъ единицами.

— Какое же частное получили?

— 979.

Хорошо предложить при этомъ дѣтямъ и такого рода вопросы: какое число больше—5874 или 979? Во сколько разъ больше? А 6 во сколько разъ меньше 5874? А 979 больше 6-ти во сколько разъ?

Опытъ убѣдилъ меня, что при такой записи дѣленія и такомъ объясненіи дѣти усваиваютъ дѣленіе на однозначное число очень быстро, такъ какъ остатки сравнительно небольшіе, и ихъ не трудно помнить. Когда же дѣти перейдутъ къ дѣленію на многозначное число, они чрезъ это ясно будутъ понимать, какіе остатки получаются отъ дѣленія, и единицы какого разряда. Прежде чѣмъ

переходить къ дѣленію на двухъ—или многозначныя числа, учителю можно уже ознакомить ихъ съ другою общепринятою формою записи дѣленія. При этомъ ведется дѣло такъ. Учитель предлагаетъ дѣтямъ примѣръ дѣленія на однозначное число—73008 : 9 и говорить:

— До сихъ поръ, дѣти, вы остатки помнили про-себя, и раздробляли въ меньшія единицы и прибавляли къ нимъ един. слѣдующаго меньшаго разряда. Это не всегда удобно, если данныя числа болѣе сложныя. Я сейчасъ ознакомлю васъ съ такою формою записи, гдѣ будете записывать не только остатки, но и полныя единицы, какія раздѣлились безъ остатка.

$$\begin{array}{r}
 73,0,0,8 \mid 9 \\
 \underline{-72} \qquad 8112 \\
 10 \\
 \underline{-9} \\
 10 \\
 \underline{-9} \\
 18 \\
 \underline{-18} \\
 \text{» »}
 \end{array}$$

Слѣдуетъ рядъ вопросовъ. Въ чемъ будете содержать 9?

— Въ 73 тыс.

— Сколько разъ содержится?

— 8 разъ.

— Чего это 8?

— 8 тыс.

— Мы будемъ писать ихъ на сторонѣ подъ дѣлителемъ, но уже будемъ знать, единицы какого разряда получили. Сколько же тыс. раздѣлилось безъ остатка?

— 72 тыс.

— Напишемъ же ихъ подъ тысячами дѣлимаго и отнимемъ отъ 73 тыс. Сколько осталось нераздѣленныхъ тыс.?

— 1 тыс.

— Что сдѣлаемъ съ этою тысячею?

— 1 тыс. раздробимъ въ сотни, и т. д.

Когда дѣти достаточно овоятся съ сознательнымъ дѣленіемъ, учитель можетъ и не требовать подробнаго объясненія, что получается въ частномъ, что въ остаткѣ, а говорить просто: въ остаткѣ одинъ, снести изъ дѣлителя 0—9 въ 10 содержится 1 разъ и т. д.

Затѣмъ предлагаются дѣтямъ примѣры дѣленія на двухзначное число, потомъ на многозначное. Будучи знакомы со способомъ, какъ содержать одно число въ другомъ (проверяя себя посредствомъ умноженія), ученики легко справятся съ дѣломъ. Иногда впрочемъ, нѣкоторые затруднятся, какъ быстро опредѣлить, сколько разъ какое-нибудь двухзначное или многозначное число заключается въ другомъ, хотя бы, напр., сколько разъ 56 заключается въ 268? Обыкновенно, дѣти сначала поступаютъ такъ. На сторонѣ умножаютъ 56 на 3—оказывается мало, они умножаютъ тоже число на 4—тоже мало, и не за-разъ дойдутъ до *пяти* (требуемаго частнаго). Между тѣмъ самое дѣло это усложняется для нихъ сообразно увеличенію дѣлимаго и дѣлителя. Можно указать для нихъ на приблизительно легчайшій способъ, какъ умѣть задаваться, сколько разъ данное число заключается въ другомъ. Въ данномъ случаѣ число 56—приблизительно почти 50 съ небольшимъ; 50 въ каждой сотнѣ содержится два раза, 2 раза еще въ другой сотнѣ да въ 68—одинъ разъ, стало быть, всего содержится *пять* разъ. Еще примѣръ: сколько разъ 87 содержится въ 495? 87—почти сотня, слѣдовательно должно содержаться тоже 5 разъ; если и ошибемся, но не во многомъ. Сколько разъ 65 содержится въ 325? Расчитывая, что число 65 близко къ 50—прикидываемъ 6 разъ, оказалось—цифра *сильна*, беремъ меньше—5 разъ—добились—*вѣрно*. При достаточномъ упражненіи дѣти приобретаютъ навыкъ брать приблизительноную цифру частнаго и проверять посредствомъ умноженія натуральна ли цифра, или она слаба, или сильна. Опредѣленнаго правила для этого не существуетъ.

Нѣкоторые справедливо замѣчаютъ, что даже не только ученики начальной школы, но и воспитанники младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній плохо понимаютъ смыслъ дѣленія и почти не различаютъ случаи, когда приходится употреблять дѣленіе *на части* и дѣленіе *по содержанію*. Пусть данъ такой примѣръ. Въ книгѣ 240 стр., ученикъ прочиталъ 12 часть книги;—сколько страницъ прочиталъ онъ? Здѣсь, очевидно, случай дѣленія на части. Ученикъ объясняетъ, что для рѣшенія слѣдуетъ 240 раздѣлить на 12 равныхъ частей и взять одну изъ нихъ. Еще примѣръ. Куплено на 672 руб. шолковой матеріи цѣною по 3 р. за аршинъ. Сколько куплено аршинъ матеріи? Дѣти и здѣсь говорятъ, что для опредѣленія числа арш. матеріи слѣдуетъ 672 р. раздѣлить *на 3*... Утверждаютъ, что въ данномъ случаѣ нельзя употреблять также выраженіе (раздѣлить на три), потому что по смыслу задачи производятъ дѣленіе не *на части*, а *по содержанію*, и совѣтуютъ, чтобы ученики выражались въ этомъ случаѣ 672 раздѣлить *по три*. Я съ своей стороны не нахожу необходимымъ употреблять такое именно выраженіе для показанія дѣленія по содержанію. Въ самомъ дѣлѣ — не всё ли равно,—употребить ли ученикъ выраженіе «раздѣлить на три» или «раздѣлить по три». По самому существу дѣйствія дѣленія эти выраженія однозначущія, и даже первое выраженіе (раздѣлить на три) вѣрно и правильно. Но вѣдь все дѣло въ томъ, ясно ли понимаютъ ученики самый смыслъ дѣленія по содержанію, т. е. въ данномъ случаѣ слѣдуетъ ли употребить вопросъ—«найти части даннаго числа»—или «узнать содержаніе одного числа въ другомъ». Если дѣти ясно понимаютъ, какой изъ этихъ вопросовъ удобнѣе примѣнить въ данномъ случаѣ, совершенно излишне употреблять выраженія—раздѣлить *по 3*, по 5-ти, по 13-ти и т. п. Лучше будетъ, если учитель съ перваго же раза приучитъ дѣтей толково объяснять, почему въ данномъ случаѣ тотъ или иной вопросъ дѣленія. Въ данномъ примѣрѣ дѣти должны объяснить такъ. За всю ма-

терію заплачено 672 руб., одинъ арш. стоитъ 3 р., слѣдовательно, сколько разъ по 3 заключается въ 672-хъ, столько и куплено арш. Здѣсь заключается вопросъ— «узнать, сколько разъ одно число содержится въ другомъ», и такой вопросъ, какъ мы знаемъ, рѣшается посредствомъ дѣленія, стало быть слѣдуетъ 672 раздѣлить на три. Очень сомнѣваюсь, чтобы дѣти, объясняя задачу по такому плану, могли смѣшать дѣленіе на части съ дѣленіемъ по содержанію...

Кстати нѣсколько словъ о *рѣшеніи задачъ*. Рѣшенія задачъ на опредѣленные дѣйствія не затрудняютъ дѣтей, такъ какъ они бываютъ не особенно сложны, заключаая въ себѣ часто одинъ или два вопроса. Болѣе затруднительны задачи на всѣ дѣйствія, гдѣ приходится соображать, какое дѣйствіе въ данномъ случаѣ примѣнить и почему именно. Прежде всего учителю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, чтобы дѣти ясно и отчетливо соображали смыслъ самаго вопроса. Напр.: увеличить на 13 коп. какимъ дѣйствіемъ? Прибавить 76 — какимъ дѣйствіемъ? Уменьшить въ 30 разъ? Найти 15-ую часть даннаго числа? Извѣстна цѣна 1 арш., какимъ дѣйствіемъ найти цѣну 17 арш.? Извѣстна плата 25 работникамъ—найти плату 5-ти рабочимъ,—какимъ дѣйствіемъ и во сколько разъ уменьшить? Объяснить дѣтямъ еще соотношенія такого рода. Для 45 человѣкъ запаса муки достанетъ на 14 д., а для одного человѣка число дней увеличится или уменьшится? Запасъ корма для скота между временемъ и количествомъ скота. Самое важное — это требовать, чтобы дѣти отчетливо знали содержаніе данной задачи, умѣли бы толковымъ и яснымъ языкомъ изложить ея содержаніе, рассказать, что извѣстно изъ условія содержанія самой задачи, и что неизвѣстно, требуется найти. Это даже можетъ служить однимъ изъ средствъ для развитія въ дѣтяхъ правильнаго и яснаго языка, пріучаетъ употреблять выраженія точныя, отчетливыя. Каждую задачу ученики должны обдумать самостоятельно, рассказать *планъ рѣшенія* самой

задачи и намѣтить вопросы. Если задача будетъ нѣсколько сложна, и тогда учитель не долженъ давать своимъ питомцамъ готоваго плана рѣшенія, а при помощи наводящихъ вопросовъ намекаетъ только на *ключъ* къ ея рѣшенію, чтобы дѣти поработали умомъ и добились *самостоятельнаго плана*. Особенно важно, чтобы ученики, по возможности, сами умѣли отыскивать *этотъ ключъ* (существенный вопросъ), къ рѣшенію задачи, по которому бы дальше послѣдовательно отыскать и другіе вопросы, одинъ изъ другаго вытекающіе. Какъ извѣстно, при рѣшеніи задачъ пользуются двумя способомъ: синтетическимъ и аналитическимъ. Хорошо научить дѣтей — умѣть рѣшить каждую задачу тѣмъ и другимъ способомъ. Аналитическій способъ проще, но онъ не всегда можетъ наглядно разяснить самый планъ, да иногда даже непримѣнимъ къ нѣкоторымъ задачамъ. Синтетическій методъ труднѣе, но за то онъ нагляднѣе и вѣрнѣе приведетъ къ цѣли. Пусть дана намъ для рѣшенія такого рода задача:

«Земледѣлецъ продалъ 1584 дес. земли по 68 руб. за десятину, при чемъ за каждыя 13 дес. получилъ столько денегъ, сколько самъ платилъ за 17 дес. Сколько прибыли получилъ онъ?»

Послѣ надлежащаго усвоенія задачи и выясненія, что извѣстно изъ содержанія задачи и что не извѣстно, сами дѣти, положимъ, затрудняются рѣшить ее. Учитель ведетъ бесѣду такъ:

— Какой *главный* вопросъ въ данной задачѣ? (узнать прибыль отъ продажи земли). Когда мы найдемъ прибыль? (когда узнаемъ, сколько самъ заплатилъ за землю и за сколько продалъ). Когда намъ легко узнать, сколько землевладѣл. заплатилъ за землю? (Когда учтемъ, сколько самъ платилъ за десятину). Подумайте-ка сами, всмотритесь лучше въ данныя числа, откуда намъ легче всего и удобнѣе узнать цѣну одной десятины? (ключъ къ рѣшенію). Обратите вниманіе на условіе содержанія...

— Стойте, стойте, о діаконъ!.. я догадалась!.. кричала

разъ у меня одна дѣвочка. Вѣдь за 17 дес. онъ получилъ столько, сколько самъ заплатилъ за 13. Я сейчасъ сочту—сколько онъ заплатилъ за 17 д., когда умножу 68 на 17,—столько онъ получилъ за 13 десят. Тогда, когда раздѣлю на 13, найду стоимость одной десятины».

Я похвалилъ дѣвочку за догадку, и задача была рѣшена дѣтьми быстро, безъ затрудненія.

Или еще примѣръ.

«На 443 руб. куплено 13 пуд. мяса по 7-ми руб., 12 пуд. рису по 4 р. пудъ, и еще куплено 19 п. масла. Сколько стоитъ пудъ масла?»

Дѣти повторяютъ задачу сначала по отдѣльнымъ вопросамъ учителя, затѣмъ въ полномъ видѣ. Слѣдуетъ рядъ вопросовъ:

- О чемъ же говорится въ этой задачѣ?
- О покупкѣ мяса, риса и масла.
- Сколько заплатили за всю покупку?
- 443 р.
- Сколько куплено мяса?
- 13 пуд.
- По какой цѣнѣ покупали мясо?
- Мясо покупали по 7-ми руб. за пудъ.
- Сколько куплено рису?
- 12 пуд.
- По какой цѣнѣ купленъ рисъ?
- Рисъ покупали по 4 р. за пудъ.
- Что же кромѣ того куплено за эти деньги?
- Еще куплено на эти деньги 19 пуд, масла,
- По какой цѣнѣ покупали масло?
- Изъ условія самой задачи не извѣстно это; требуется рѣшить...
- Итакъ какой же главный вопросъ въ данной задачѣ?
- Узнать, по какой цѣнѣ покупали масло.
- Расскажите еще, что же извѣстно изъ условія задачи, не называя данныхъ чиселъ?

— Намъ извѣстно: сколько заплатили денегъ за всю покупку, сколько пудовъ куплено мяса, по какой цѣнѣ покупали мясо, сколько пудовъ купили рису, сколько стоитъ пудъ рису и сколько пудовъ куплено масла.

— Что же требуется узнать въ задачѣ?

— Требуется узнать, по какой цѣнѣ купленъ 1 пуд. масла.

— Какой же главный вопросъ въ задачѣ? Скажи ты!.. ты!.. Повторите теперь въ связи содержаніе всей задачи.

За тѣмъ слѣдуетъ и самое рѣшеніе задачи. Предварительно учитель спрашиваетъ: кто изъ дѣтей можетъ рѣшить эту задачу? Если найдутся такіе ученики, пусть они сами расскажутъ подробно, какъ рѣшить? Что узнать прежде? что потомъ? Какія дѣйствія примѣнить въ томъ или другомъ случаѣ? Планъ рѣшенія задачи рассказываютъ сначала болѣе лучшіе ученики, потомъ слабѣйшіе. Затѣмъ дѣти производятъ необходимыя вычисленія и записываютъ ихъ въ порядкѣ слѣдуемыхъ вопросовъ на своихъ грифельныхъ доскахъ.

Умѣть учителю примѣнить при рѣшеніи задачи тотъ или другой способъ имѣетъ важное значеніе для развитія дѣтей. При такомъ только условіи дѣти быстро научатся соображать планъ рѣшенія сложныхъ и трудныхъ задачъ.

Нѣкоторые изъ учителей имѣютъ обыкновеніе давать старшимъ дѣтямъ на домъ задачи для рѣшенія. Это, по моему мнѣнію, совсѣмъ непрактично. Замѣчу прежде всего, что ученикамъ начальной школы совсѣмъ не слѣдуетъ давать *домашнихъ работъ*—ни устныхъ, ни письменныхъ.

Все обученіе и всѣ практическія работы должны производиться учащимися только въ школѣ, да и самыя домашнія работы дѣти по большей части за весьма немногими исключеніями исполняютъ небрежно, невнимательно. Да это и очень естественно,—дѣтямъ необходимъ домашній отдыхъ. Пробывши въ школѣ особенно въ короткій зимній день до 2-хъ часовъ по-полудни, ученикамъ даже

нѣтъ времени на домашнія занятія. Да еще и спорный вопросъ, какого рода работы давать дѣтямъ на домъ. Въдѣ домашнее рѣшеніе задачъ имѣетъ еще меньше значенія. Ученики, имѣя обыкновенно подъ руками сборникъ задачъ, предварительно справляются съ отвѣтами, помѣщенными въ концѣ каждаго «Сборника» и за тѣмъ на удачу начинаютъ прозводить дѣйствія надъ данными числами, пока получаютъ данный отвѣтъ. Правда—случайно попадаютъ на отвѣтъ, записываютъ и дѣйствія, какія производили, но уже не въ состояніи отдать яснаго отчета въ рѣшеніи и учителю по-неволѣ приходится опять тратить цѣлый урокъ на объясненіе. Иногда ученики при рѣшеніи задачъ дома пользуются услугами своихъ старшихъ братьевъ—бывшихъ школьниковъ, которые указываютъ имъ, какія дѣйствія слѣдуетъ употреблять, чтобы получить желаемый отвѣтъ. И вотъ такой ученикъ является въ школу по-видимому съ рѣшенной задачей. Неопытный учитель обыкновенно не догадывается, что задача рѣшена ученикомъ не самостоятельно. По моему мнѣнію, никогда не долженъ учитель давать дѣтямъ для домашняго рѣшенія никакихъ задачъ: пусть лучше дѣти рѣшаютъ въ школѣ на урокахъ ариѳметики и меньшее число задачъ, но за то рѣшаютъ сознательно, знанія будутъ прочны, опредѣленны... Правда—иногда и можно давать по ариѳметикѣ дѣтямъ исполнить какія-нибудь механическія вычисленія, но опять не на домъ, а въ школѣ же, когда бываетъ урокъ счисленія *безъ учителя*, но и въ послѣднемъ случаѣ необходимо тщательно повѣрять работы дѣтей. Хорошо, напр., на такихъ урокахъ давать дѣтямъ уже рѣшенную съ учителемъ задачу разбить письменно по вопросамъ; въ составъ вопроса при рѣшеніи задачи должны входить и числовые данныя, опредѣляющія рядъ дѣйствій, которыя ученикъ примѣнялъ при рѣшеніи задачи.

Не слѣдуетъ давать дѣтямъ на домъ даже простыя числовые данныя для пріобрѣтенія навыка быстро про-

изводить то или другое арифметическое дѣйствіе. Пусть и эти упражненія дѣти производятъ въ школѣ же подъ непосредственнымъ надзоромъ самого учителя.

— «Раздѣлите мнѣ 345,990 на 87! Рѣшайте поскорѣе, но вѣрнѣе! Кто первый рѣшитъ—молодецъ будетъ!..» предлагаетъ дѣтямъ учитель и тутъ же самъ наблюдаетъ, какъ и кто изъ дѣтей приступаетъ къ дѣйствію, вѣрно ли производитъ письменныя вычисленія... Въ этомъ случаѣ у дѣтей является обыкновенно соревнованіе другъ передъ другомъ, каждый старается рѣшить скорѣе, чтобы заслужить похвалу учителя. Бываютъ, конечно, въ этомъ случаѣ и такіе изъ учениковъ, которые сдѣлаютъ ошибки или въ записи, или въ содержаніи одного числа въ другомъ. Учитель ободряетъ такихъ неудачниковъ, наводитъ, напоминаетъ, въ чемъ именно они ошиблись. Смотришь, на слѣдующемъ уже примѣрѣ, и отсталые исправились, поняли механизмъ дѣйствія.

Въ началѣ учительской практики мнѣ, напр., долго не удавалось наглядно объяснить ученикамъ устную и письменную нумерацію въ предѣлѣ болѣе сотни; все какъ-то дѣти не ясно понимали у меня единицы различныхъ разрядовъ, взаимное ихъ соотношеніе и мѣста, занимаемыя ими при письмѣ; то и дѣло ошибались, набирая изъ десятковъ или сотенъ единицы высшихъ разрядовъ...—Чего только я ни придумывалъ для нагляднаго объясненія дѣтямъ десятичнаго счисленія?!.. Велъ дѣло и при помощи кубиковъ (арифметическій ящикъ) по Евтушевскому, и при помощи связокъ спичекъ по Гольденбергу—ничто не помогало,—дѣти, мнѣ казалось, все-таки не ясно понимали нумерацію. Долго бился я съ этимъ, пока одинъ простой случай не натолкнулъ меня на устройство одного нагляднаго пособія, которымъ я съ успѣхомъ пользуюсь до сего времени при объясненіи десятичнаго счисленія. Для этой цѣли я сдѣлалъ простую деревянную рамку, натянулъ на нее холстъ и на этомъ холстѣ нарисовалъ черною краскою семь квадратныхъ клѣтокъ равной величины. Затѣмъ ку-

пилъ на базарѣ 200 большихъ булавокъ, сдѣлалъ на нихъ изъ пуговиць большія головки и уложилъ въ ящикъ. Теперь начинаю объяснять дѣтямъ такъ. Я втыкаю одну булавку въ правую съ краю клѣтку и говорю дѣтямъ—одна булавка (пуговка), другая, третья и т. д. При этомъ стараюсь дѣлать такъ, чтобы къ десятой булавкѣ квадратъ былъ уже весь правильно занятъ...

— Еще одна сверхъ десятка будетъ, стало быть, одиннадцать, но воткнуть некуда!.. Тутъ? Не красиво выйдетъ!.. Тутъ? совсѣмъ тѣсно!.. Вотъ, что мы сдѣлаемъ, дѣти! Мы этотъ десятокъ штукъ снимемъ совсѣмъ, и вмѣсто нихъ положимъ только замѣтку, что десятокъ насчитанъ—вотъ въ эту (вторую) клѣточку! Значитъ будемъ помнить, что у насъ есть десятокъ; сколько десятковъ?

— Одинъ десятокъ! кричатъ дѣти.

— Почему же вы угадали, что *одинъ* десятокъ?

— А вотъ—у насъ во второй клѣткѣ—одна пуговка!..

— Вѣрно! Будемъ же считать дальше!.. А теперь?.. (втыкаю еще булавку въ правую клѣтку).

Дѣти сами соображаютъ «Одиннадцать!»...

— Ну, а теперь?

— Двѣнадцать!

— А еще?

— Тринадцать!

— Да какъ же тринадцать, почему вы знаете, что теперь тринадцать стало у насъ? спрашиваю я опять.

— Да вонъ—у насъ десятокъ насчитанъ—одинъ десятокъ! (показываютъ дѣти сами на вторую клѣтку), а въ первой еще три...

— Ладно; а если мы сдѣлаемъ такъ? (ставлю 6 во вторую клѣтку), то что это значить?

— 60!

— Какъ такъ?

— Одна пуговка во второй клѣткѣ—одинъ десятокъ, а у насъ ихъ тамъ шесть, стало быть, вошло шесть-десять—такъ уже всегда будетъ!.. кричатъ опять дѣти.

— Ну, а если во второй клѣткѣ будетъ десять десятковъ, что тогда дѣлать?—и т. д. объясняется дѣтямъ вся нумерація. Дѣти при помощи этого пособія сами наглядно видятъ, почему та или другая цифра занимаетъ то или другое мѣсто при счетѣ, письмѣ, и, повѣрьте, никогда уже не ошибутся разбить число на разряды, выговорить его, или написать данное число со словъ учителя; кромѣ того они никогда не будутъ ошибаться и въ нуляхъ,—послѣдній получаетъ значеніе простой клѣтки, простого мѣста (онъ, вѣдь, такъ и пишется) изъ котораго все перенесено въ старшій разрядъ. Потомъ я знакомя дѣтей со счетами. Здѣсь уже разница небольшая: не въ строку, а сверху внизъ. Иному, быть можетъ, покажется, что и всю рамку эту можно замѣнить счетами? Но, замѣчу, что не совсѣмъ можно... Положимъ, мнѣ нужно взять число 17; предложимъ дѣтямъ превратить его въ единицы... Одинъ десятокъ равенъ десяти единицамъ. У меня дѣти сами снимутъ одну пуговку изъ клѣтки, означающую десятокъ, и вмѣсто нея воткнуть въ первую клѣтку десять новыхъ булавокъ и получится число 17 (вѣдь въ первой клѣткѣ было прежде 7, а $10+7=17$), откуда опять можно исключить тотъ же десятокъ. На счетахъ же этого сдѣлать уже совсѣмъ нельзя. Я могу въ клѣтку, означающую сотни, воткнуть 38 булавокъ и дѣти безъ труда скажутъ, что составилось у насъ 38 сотенъ, отсчитаютъ 3 десятка сотенъ и получатъ 3,800. На счетахъ же это самое дѣти должны сдѣлать сперва въ умѣ, т. е. исключить 3 десятка сотенъ и обратить въ тысячи,—не наглядно выйдетъ для нихъ! Впрочемъ, быть можетъ, иной придумаетъ и другой способъ объяснить наглядно ученикамъ происхожденіе счетныхъ единицъ разныхъ разрядовъ. Вѣдь каждый учитель долженъ всегда соображаться съ развитіемъ и понятіемъ своихъ школьниковъ.

Многіе прочитавши мои настоящія замѣтки, пожалуй, скажутъ, что я употребляю слишкомъ много времени на

объясненіе механизма... — четырехъ дѣйствій ариѳметики и на изложеніе плана рѣшенія задачъ... Скажутъ, что начальная народная школа не располагаетъ достаточнымъ временемъ, чтобы долго останавливаться на выясненіе, напр., механизма сложенія, которое и безъ того очень просто,—достаточно научить, *разсказать дѣтямъ*—какъ производить сложеніе или другое дѣйствіе и приступить къ рѣшенію задачъ. Я отчасти согласенъ съ тѣмъ, что учебнаго времени въ начальной школѣ при обычномъ трехгодичномъ курсѣ очень мало и каждымъ свободнымъ часомъ учитель долженъ дорожить, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дѣти учились въ школѣ только механизму безъ яснаго отчетливаго пониманія самаго дѣйствія. Различнаго рода методики по преподаванію ариѳметики предлагаютъ еще бѣльшія упражненія и объясненія, такъ что неопытный учитель особенно молодой прямо теряетъ голову, что именно нужно брать изъ методики, на что необходимо обратить вниманіе, и что можетъ быть оставлено. Разскажу лично про себя. Въ первые годы своего учительства по выходѣ изъ педагогическаго института я долго не могъ понять, какъ наглядно и скоро научить дѣтей устному счисленію. Изучивъ въ институтѣ модную въ то время методику Евтушевскаго, я сталъ буквально слѣдовать ей. И что же оказалось? Въ результатѣ я потерялъ много времени, но успѣха не достигъ. Практика потомъ научила меня, многое изъ нея выпустить, другое дополнить; измѣнить... Цѣль моихъ настоящихъ замѣтокъ не та, чтобы дать учителю какіе-нибудь новые методы по обученію ариѳметикѣ, а показать своимъ коллегамъ, на что именно слѣдуетъ имъ обратить особенное вниманіе при обученіи въ начальной школѣ этому предмету, какія объясненія и упражненія необходимо произвести съ дѣтьми и, наконецъ, что можетъ быть опущено изъ методики безъ ущерба дѣлу.

О МОЛИТВѢ.

*Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ
и не браните ихъ: таковыхъ бо есть
Царствіе Божіе (Луки XIII, 16).*

Ребенку едва только исполнилось два года, онъ еще плохо держится на ногахъ, слабо выговариваетъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, а уже добрая христіанская мать ставитъ его передъ образомъ, учить складывать пальчики и дѣлать крестное знаменіе, заставляетъ класть земные поклоны и скоро потомъ учить его читать «Богородицу». При-смотрите, какъ радуется такая добрая мать, какимъ сча-стіемъ сіяетъ ея взоръ, когда она видитъ свое дитя мо-лящимся въ простотѣ дѣтской души передъ святою ико-ною. Тихо горитъ лампада передъ ликомъ Божіей Матери и какъ отрадно льется этотъ тихій свѣтъ на доброе не-винное лицо младенца — богомольца. Невольно кажется тогда, будто сама Матерь — Дѣва кротко и нѣжно зри-руетъ на младенца, и едва ли кто, при взглядѣ на эту умиленную картину, усумнится, что это дѣтская мо-литва будетъ услышана, и на сего младенца и на его ро-дителей сойдетъ благословеніе Божіе. Дѣти въ самомъ раннемъ возрастѣ имѣютъ въ себѣ зачатокъ прирожден-ной человѣку идеи о Богѣ, и идея эта очень рано ска-зывается въ ихъ сердцахъ, однако же она сама собою не можетъ правильно развиваться, какъ и вообще всякій дру-гой зачатокъ духовныхъ способностей. Дѣтство самая удобная пора жизни для развитія въ дитяти всего добраго, хорошаго, всего истинно-религіознаго. «Юное отроча, гово-ритъ св. Димитрій Ростовскій, подобно малому деревцу, которое удобно преклоняется и, куда его наклонишь, туда и растетъ; чему научится въ дѣтствѣ, къ тому и привык-нетъ, съ тѣмъ и останется на всю жизнь» ¹⁾. И св. Зла-

¹⁾ «Сокровище духовное», св. Димитрія Ростовскаго.

тоустъ говорить: «какъ мягкій воскъ легко принимаетъ черты, на немъ напечатлѣваемые, такъ и дѣти принимаютъ впечатлѣнія безъ большихъ усилій».

Какъ же надо поступить, чтобы поселить въ ребенкѣ еще въ младенчествѣ страхъ Божій и приучить его къ добру? Необходимо требовать, чтобы ребенокъ еще отъ самой колыбели приучался выполнять то, что повелѣваетъ *св. Церковь*. *Проснулся ребенокъ*, умылся, приодѣлся,—тотчасъ же ставъ его на молитву: не полѣнись и самъ, родитель, съ нимъ помолиться и прочитатъ молитвы утреннія. Не бѣда, если ребенокъ на первыхъ порахъ плохо выговариваетъ молитвенныя слова, пусть выговариваетъ, какъ умѣетъ! Не бѣда также, если учитъ его молиться мать неграмотная, только бы она дѣлала это отъ искренняго сердца, съ теплымъ и живымъ участіемъ къ своему дитяти. Господу Богу лепетъ младенческій пріятнѣе нашего неразумнаго многословія,—мы только должны исправлять его обмолвки и недоговорки. Не бѣда, если ребенокъ и не будетъ понимать въ началѣ нѣкоторыхъ молитвенныхъ тѣлодвиженій и молитва его будетъ въ началѣ нѣсколько механическая. Митрополитъ Иннокентій видитъ въ этомъ нѣкоторую пользу, именно ту, что «такая молитва, внушая чувство обязанности, приучаетъ дѣтей къ терпѣнію» (Объясн. Зап. къ препод. Зак. Божія въ цер.-пр. школахъ). Сладчайшія имена Іисуса Христа и Божіей Матери сами внидутъ въ юныя сердца и вратутъ въ самый корень премудрости. *Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда* опять слѣдуетъ заставлятъ ребенка читать молитву, *передъ сномъ*—опять за молитву,—и дитя будетъ спать, охраняемый Ангеломъ Хранителемъ, и грезы его будутъ все свѣтлыя и благодатныя. Наконецъ, необходимо приучить ребенка такъ, чтобы онъ *передъ началомъ всякаго дня* привыкъ, перекрестившись, говорить: «Господи, благослови!», а по окончаніи: «слава Тебѣ, Господи!» Если такимъ образомъ дитя съ ранняго времени приобрѣтетъ благочестивыя навыки и благочестіе съ колыбели вратеть въ его душу, то это

уже есть важная ступень на пути его религіозно — нравственного развитія. Равнымъ образомъ съ ранняго же возраста слѣдуетъ приучить дитя къ посѣщенію храма Божія и слѣдить, чтобы онъ стоялъ тамъ чинно и благоговѣнно. Воротившись домой, слѣдуетъ разспросить его, что тамъ ребенокъ видѣлъ и слышалъ, да и объяснить ему непонятное по мѣрѣ силъ своихъ и возможности. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ родителямъ: «мы заставляемъ дѣтей давать отвѣты въ томъ, чему они выучились въ школахъ; почему же не требуемъ у нихъ отчета въ томъ, что они слышали въ Домѣ Господнемъ? Почему не заботимся о томъ, чтобы они не убѣгали изъ церкви и не стояли бы въ ней неблагоговѣнно?» Такъ говорилъ великій учитель Церкви болѣе, чѣмъ за полуторы тысячи лѣтъ до нашего времени... А теперь исполняютъ ли это наставленіе св. Отца? Нѣкоторые изъ родителей даже говорятъ: «Гдѣ же ребенку понять—что и взрослые-то теперь плохо понимаютъ?» На это замѣчу, что беспокоиться объ этомъ не слѣдуетъ,—ребенокъ пойметъ лишь бы только сами родители не лѣнились объяснять ему да рассказывать о Божественномъ. Не даромъ и Свящ. Писаніе говоритъ: *изъ устъ младенцевъ и сосущихъ совершилъ еси хвалу и утаилъ еси отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ.*

Я уже говорилъ, что для успѣшнаго воспитанія дитяти въ духѣ Православной Церкви первое необходимое условіе, чтобы сами родители и особенно мать, которая всегда стоитъ ближе къ ребенку, нежели отецъ, должны быть сами глубоко-религіозны, проникнуты истинной вѣрой, должны подавать примѣры искренняго благочестія въ самой жизни,—въ любви къ Богу и ближнимъ, давать примѣры искренней молитвы къ Творцу Небесному. Еще лучше, конечно, если мать грамотна: она еще съ колыбели можетъ научить ребенка лепетать первыя слова молитвы Іисусовой, выучить его другимъ молитвамъ со словъ, объяснить ребенку непонятное изъ видѣннаго и слышаннаго имъ въ церкви, развить душу его настолько, чтобы она

была готова къ воспріятію религіозныхъ истинъ въ школьные годы. Но много ли у насъ пока теперь истинныхъ матерей — христіанокъ, которыя бы должнымъ образомъ исполняли эту задачу? Много ли у насъ еще *грамотныхъ* матерей среди стомилліоннаго крестьянскаго населенія, которыя могли бы научить своихъ дѣтей хотя бы правильно произносить слова молитвы? Каждая ли современная крестьянская мать въ состояніи удѣлить хотя бы одинъ часъ въ недѣлю на это Божье дѣло? Конечно, иная мать и сдѣлала бы это по мѣрѣ силъ своихъ, но мѣшаютъ ей въ этомъ разныя семейныя заботы, которыя слишкомъ тяжелы и разнообразны въ бѣдной семьѣ простолюдина. Кромѣ того, еще самая наша крестьянская среда слишкомъ темна; одни и тѣ же несчастія даже взрослый крестьянинъ объясняетъ и Божиимъ наказаніемъ и злыми кознями «домового»; въ несчастіи мужикъ прибѣгаетъ и съ молитвою къ Богу, и въ то же время обращается за гаданіями къ знахарямъ, ворожеямъ, приноситъ иногда «жертву чернымъ тараканамъ», бросая подъ печку корки хлѣба... Такая темная среда имѣетъ невольное вліяніе и на крестьянскаго ребенка, въ глазахъ котораго происходитъ всё это. Ребенокъ до семилѣтняго возраста въ большинствѣ случаевъ бываетъ предоставленъ самъ себѣ: онъ, правда, и молится Богу, читая заученныя со словъ родителей, не всегда правильно, слова молитвы, ходитъ и въ церковь съ матерью или отцемъ, видитъ, какъ они въ трудныя минуты жизни обращаются съ сокрушеннымъ сердцемъ и молитвою къ Отцу Небесному,—но видитъ и то, что въ иномъ случаѣ, въ случаѣ, напр., пропажи холста, мать идетъ къ ворожеѣ гадать на картахъ... Самая молитва ребенка бываетъ не всегда сознательна,—онъ не можетъ еще ясно представить, о какихъ именно нуждахъ мы дерзаемъ просить Отца Небеснаго и о чемъ нельзя просить... Конечно, бываютъ счастливыя исключенія, когда и у родителей-простецовъ бываютъ дѣти глубоко — религіозныя, честныя и почтительныя. Но я

имѣю здѣсь въ виду большинство родителей изъ среды крестьянъ...

Въ этомъ случаѣ на помощь семьѣ должна придти школа и особенно школа *церковная*, если желаютъ, чтобы дѣти получили должное религіозно-нравственное воспитаніе въ духѣ православной Церкви, слѣдовательно всё, что говорилъ я выше о первоначальномъ христіанскомъ воспитаніи дитяти, должно быть отнесено къ главнымъ и первымъ обязанностямъ школы. «Св. Церковь, какъ добрая мать наша, заботится о нашемъ воспитаніи домашнемъ; благословляя то, что есть добраго въ свѣтскомъ воспитаніи, она старается придать ему духовное значеніе», говоритъ одинъ глубоко-религіозный человѣкъ ¹⁾. Такъ и школа церковная: она должна дополнить, развить недостаточное воспитаніе семьи, сдѣлать своего питомца истиннымъ членомъ Церкви Христовой, а самое важное, независимо отъ школьныхъ предметовъ, научить его истинной молитвѣ, развить въ немъ потребность самой молитвы, приготовить его сердце къ воспріятію всего божественнаго, научить любить Бога всѣмъ сердцемъ, любить св. храмъ, понимать всѣ совершаемыя въ немъ *Богослуженія*, словомъ *воспитать* своего питомца такъ, чтобы всякій могъ сказать: «это—человѣкъ Божій! Онъ воспитывался подъ покровомъ Церкви и на немъ видна печать Божія!» Много у насъ на Руси школъ, но питомцы именно церковной школы должны отличаться отъ питомцевъ другихъ школъ именно этими качествами. Мало того—наша св. Церковь въ непрестанномъ попеченіи о своихъ вѣрныхъ чадахъ идетъ еще дальше. Ей желательно было бы и приготовить должнымъ образомъ дѣтей женскаго пола, чтобы они со временемъ были добрыми и истинными матерями-христіанками, которыя потомъ сѣмѣли бы воспитать своихъ дѣтей въ духѣ св. Церкви. Съ этою именно цѣлью, по волѣ Государя Императора и благословенію Св. Синода,

¹⁾ «Бесѣды» Я. К. Амфитеатрова.

у насъ открыты женскія церковно-приходскія школы, одна изъ главныхъ задачъ которыхъ, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы приготовить грамотныхъ разумныхъ матерей, которыя могли бы воспитать своего ребенка въ духѣ религіи съ самаго ранняго младенческаго возраста до поступленія въ школу.

Итакъ, мы видѣли сейчасъ, что задача каждой начальной школы, и особенно школы церковной, есть прежде всего—научить дѣтей *истинной молитвѣ*. Замѣтимъ, что дѣло это нельзя назвать легкимъ и простымъ, и что правильно выполненіе этого дѣла требуетъ обдуманнаго стройнаго плана, который можетъ осуществиться только послѣ долгихъ постоянныхъ, осторожно и во-время употребляемыхъ мѣръ со стороны школьнаго воспитателя. Истинная молитва есть сладкій плодъ религіозныхъ чувствъ человѣка и, чтобы увидѣть этотъ плодъ и пользоваться имъ, необходимо прежде всего разработать почву, сѣять, ухаживать, возвращать, иначе говоря, воспитать въ ребенкѣ религіозное чувство, если оно, особенно въ дѣтствѣ, развито слабо, и этимъ приготовить питомца къ молитвѣ. Необходимо расположить сердце малютки къ воспріятію любви, приготовить, говоря проще, почву для развитія истинной молитвы. Это—первое условіе. Затѣмъ слѣдуетъ научить ребенка, о чемъ можно просить Отца Небеснаго, чтобы наша молитва была достойна Его, расположить какъ можно больше сердце дитяти къ воспріятію божественныхъ истинъ, раскрыть душу ребенка для любви Бога и ближнихъ, и тогда только явится и укрѣпится въ дитяти *сознательная* молитва, будетъ неперестанная потребность къ молитвѣ. Тогда и храмъ Божій будетъ для него *возлюбленнымъ селеніемъ Господа силъ* и душа его будетъ находить *уладу во дворѣ Господни*... Онъ и въ спокойствіи, и въ радости, и въ горѣ, и въ бездольѣ одинаково будетъ чувствовать потребность молитвы. Онъ будетъ молиться объ избавленіи отъ бѣдствій, благодарить за счастье, но во имя Его, а не своей воли. Онъ

во время молитвы забудетъ всѣ земныя радости и печали, забудетъ все, кромѣ Господа, Который для души его одинъ замѣняетъ все. Онъ не можетъ не молиться, потому что *молитва составляетъ* для него *наслажденіе*, потому что онъ вѣритъ, любитъ и надѣется. Таковъ именно долженъ быть человѣкъ, воспитанный въ церковной школѣ въ духѣ православной Церкви. Живая вѣра его—тотъ идеаль совершенства, передъ которымъ все сщество человѣка, его пламенная любовь—тѣ обязанности, безъ которыхъ немыслима никакая любовь, любовь покорная, преданная, благословляющая, хвалящая, прославляющая и съ наслажденіемъ отдающая свою собственную волю въ жертву своему возлюбленному идеалу; его надежда—небо и вѣчность, она оставляетъ за собою все земное, а стремится только къ небесному. Вотъ какова должна быть истинная потребность къ молитвѣ для христіанина: о Господѣ тоскую, въ Немъ единомъ только нахожу услажденіе, передъ Нимъ изливаю печали и радости сердца моего, Его знаю, отъ Него завишу, предъ Нимъ благоговѣю, Его хвалю, благодарю, и свои собственные успѣхи, свое собственное духовное величіе отъ Него и къ Нему направляю. Въ основаніи этой христіанской потребности молитвы лежитъ, во-первыхъ, познаніе Бога и твердая вѣра въ Него; во-вторыхъ, возбужденная этимъ познаніемъ любовь къ Нему и неразлучныя съ любовью обязанности относительно желанія и полной готовности исполнить Его волю; въ-третьихъ, сознаніе своего значенія передъ Богомъ, и въ то же время сознаніе своей слабости, немощи, грѣховности и недостойности, которые препятствуютъ намъ достигнуть того вождѣннаго совершенства, мысль о которомъ всегда неразлучна съ истиннымъ *Богопознаніемъ* и *самосознаніемъ*. Отсюда и виды молитвы—хвалебная, благодарная и просительная. Да, счастливъ школьный воспитатель, если съумѣетъ достигнуть въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго развитія своихъ питомцевъ такихъ плодовъ. Видѣть своихъ учениковъ

колѣнопреклоненными, повергающимися ницъ съ искренною молитвою передъ Создателемъ,—истинное счастье для учителя!

Дѣло религіозно-нравственнаго развитія школьныхъ питомцевъ, согласно существующихъ законоположеній, находится всецѣло въ рукахъ о. завѣдующаго школою священника, и многіе изъ моихъ собратій, полагаю, уже готовы сказать, что всё это не наше дѣло. Священникъ занимается съ дѣтьми по Закону Божию—изучаетъ священную исторію, объясненіе церковнаго богослуженія, молитвы — его обязанность научить дѣтей истинной молитвѣ. Къ тому же, какъ извѣстно, и правила церковныхъ школъ обязываютъ священника-законоучителя присутствовать въ школѣ непременно во время утренней классной молитвы. Но учитель едва-ли долженъ оставаться безучастнымъ къ религіозному воспитанію учениковъ... Ужели каждому учителю не близки его питомцы? Вѣдь священникъ, по разнымъ служебнымъ обязанностямъ, не можетъ ежедневно посѣщать школу во время утренней молитвы, для занятія по Закону Божию не можетъ употребить болѣе одного часа въ день при всей своей аккуратности. Большую же часть школьнаго времени дѣти проводятъ въ сообществѣ учителя. Во время молитвы часто учитель остается одинъ съ дѣтьми, лицомъ къ лицу передъ своими питомцами и Богомъ. Ужели это одно не должно заставить каждаго учителя приложить свои руки къ плодотворной нивѣ Божіей, развить во вѣрнныхъ его попеченію дѣтяхъ религіозное чувство, научить ихъ истинной молитвѣ? Оставлять «малыхъ сихъ» безъ религіознаго попеченія—для учителя я считаю прямо преступленіемъ. Знаю, что есть многіе изъ моихъ собратій и по церковной школѣ, которые, къ сожалѣнію, никогда не переступаютъ границъ своихъ занятій, не касаются уроковъ Закона Божія за отсутствіемъ священника, или религіозно-нравственнаго воспитанія своихъ учениковъ. Скажу прямо, что такой учитель, по самому принципу,

не можетъ быть терпимъ ни въ какой школѣ. Извѣстно, что въ школѣ церковной всѣ предметы школьнаго курса должны быть ведены въ духѣ религіозно-нравственномъ и группироваться вокругъ главнаго предмета — Закона Божія, — всѣ должны быть проникнуты духомъ церковности. Только при дружномъ и общемъ дѣлѣ священника и учителя школа принесетъ должные плоды воспитанія. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что истинный учитель, одушевленный горячею любовью къ школьному дѣлу и дѣтямъ, никогда не упуститъ случая тѣмъ или инымъ способомъ вліять на развитіе своихъ питомцевъ, на ихъ нравственность и религіозное усовершенствованіе. Къ сожалѣнію, въ настоящее время свѣтскій учитель пока не можетъ оффиціально быть законоучителемъ своей школы. Но вѣдь для добраго и полезнаго дѣла, кажется, запрету никому нѣтъ, лишь бы у самого учителя была охота къ занятіямъ и любовь къ дѣтямъ. Не бѣда и заняться «неоффиціально» лишній урокъ за священника уроками Закона Божія, когда послѣдній не свободенъ посѣтить школу; мало того, на своихъ урокахъ наставнику необходимо возможно чаще касаться религіозныхъ истинъ. Все это не потребуетъ отъ учителя какихъ-нибудь спеціальныхъ догматическо-религіозныхъ знаній, достаточно самому ему подавать наглядный примѣръ истинной христіанской молитвы, безукоризненнымъ поведеніемъ и вообще своею христіанскою жизнью. Все это можетъ сдѣлать и простой человѣкъ, лишь бы онъ былъ истинный христіанинъ. А Евангеліе и, вообще, церковно-историческія событія? Развѣ они не доставляютъ богатый матеріалъ для душевныхъ бесѣдъ наставника съ дѣтьми? Мнѣ кажется, что эти бесѣды должны бы составлять для каждаго учителя самые счастливые часы въ его многотрудной жизни и дѣятельности. Остановимся подробнѣе, — какое же участіе долженъ принимать истинный учитель въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей.

Первое дѣло для учителя — повѣрить каждаго изъ

вновь поступившихъ школьниковъ, — учили ли ребенка дома молиться Богу, какъ учили, что самъ ребенокъ понимаетъ о Богѣ и молитвѣ, и, наконецъ, какое онъ имѣетъ *самосознаніе* по отношенію къ Творцу. Затѣмъ главною и основною заботою каждаго учителя и особенно учителя церковной школы въ теченіе всего школьнаго курса должно быть непрестанное возбужденіе въ довѣренныхъ его попеченію дѣтяхъ *внутренней* потребности молитвы, которую, (т. е. потребность), какъ я уже указывалъ, слѣдуетъ основать на любви, благодарности и зависимости отъ любящаго, щедраго и милосердаго Господа. Средства къ возбужденію и развитію въ дѣтяхъ этихъ чувствъ въ рукахъ опытнаго учителя очень много. Напр., учитель, независимо отъ уроковъ по Закону Божію законоучителя-священника, выясняетъ ученикамъ, въ возможно-доступной для ихъ пониманія формѣ, ученіе о Богѣ и Его свойствахъ, Его любви къ человѣку, о Спасителѣ, Его жизни и страданіяхъ, ученіе объ обязанностяхъ и отношеніяхъ къ Богу и ближнимъ, рассказы изъ священной и церковной исторіи, рассказы о св. мученикахъ и подвижникахъ Церкви. Поводомъ къ подобнаго рода бесѣдамъ могутъ служить многія статьи изъ той же классной книги для чтенія, хотя бы Попова, Радонежскаго, Одинцова и др. Извѣстно, что церковная школа по самому своему существу есть прежде всего училище вѣры и благочестія, слѣдовательно, она должна научить своихъ питомцевъ главнымъ образомъ молитвѣ, смиренію, кротости, скромности, послушанію и другимъ добродѣтелямъ христіанскимъ. Какъ совмѣстить остальные школьные предметы съ Закономъ Божіемъ, какъ вести дѣло, чтобы все преподаваніе назидало школьниковъ, зависитъ отъ такта учителя, отъ его умѣнья вести школьное преподаваніе. Новѣйшая школьная педагогика рекомендуетъ каждому начальному учителю, что для успѣшнаго развитія школьниковъ необходимо, чтобы всѣ читанныя въ классѣ статьи, басни, стихотворенія, даже статьи географическаго и исто-

рическаго содержанія, должны имѣть между собою внутреннюю логическую связь въ каждомъ изъ отдѣловъ данной школьной книги. Рекомендуются даже вести чтеніе и объясненіе псалмовъ въ связи съ заучиваніемъ стихотвореній ¹⁾). Если этого требуетъ педагогика отъ свѣтской начальной школы, тѣмъ болѣе такую внутреннюю связь нужно имѣть между всѣми предметами въ школѣ церковной. Это не должно казаться труднымъ. Въ связи съ переводомъ извѣстнаго мѣста изъ Евангелія слѣдуетъ читать подходящія по содержанію статьи изъ книги для чтенія, читать съ переводомъ на русскій языкъ подходящій по содержанію псаломъ. Даже басни и стихотворенія, читаемыя или доучиваемыя въ школѣ, должны назидать школьниковъ, давать имъ какой-нибудь нравственный урокъ. Весьма назидательны, напр.: «Урожай» Кольцова, который научаетъ школьника не хвалиться своими трудами, а благодарить Господа Бога и Царицу Небесную, «Нива»—учить молитвѣ, «Что ты спишь, мужичекъ?», «Сънокосъ»—трудолюбію, «Чижъ и Голубь»—смиренію и т. д. А прекрасное стихотвореніе — «Міра Всепътая, Матерь Заступница»—сколько можетъ дать матеріала для религіозныхъ бесѣдъ учителя съ дѣтьми?

Но главное же и важнѣйшее средство въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей, опять замѣчу, есть классная школьная молитва; молитва самого учителя вслухъ передъ дѣтьми и за нихъ, молитва истинная, теплая, христіанская, способная возбудить сочувствіе дѣтей. Дѣти необыкновенно чутки ко всякому доброму и необыкновенно воспріимчивы, для нихъ примѣръ учителя имѣетъ даже болѣе значенія, чѣмъ сухія нравоучительныя слова, поэтому поведеніе учителя во время молитвы должно быть образцовымъ; истово-совершаемое крестное знаменіе, поклонъ, взглядъ на икону, все должно быть просто, естественно и чуждо всякаго желанія рисоваться... Хорошо поступить

¹⁾ Отчеты о педагогическихъ курсахъ нар. учит. Д. Тихомірова («Педагогич. Листокъ» 1899—1900 гг.).

учитель, если къ обычной молитвѣ, читаемой школьниками передъ ученіемъ утромъ, сообразуясь съ обстоятельствами, присоединить молитвы о такихъ предметахъ и обстоятельствахъ жизни, которые доступны дѣтскому пониманію и могутъ тронуть ихъ религіозное чувство, напр. объ отсутствующихъ родныхъ, о бѣдныхъ и больныхъ, или просто какой-нибудь деревенскій случай, несчастіе съ товарищемъ, — всѣмъ можно пользоваться для бесѣды съ дѣтьми и для молитвы. Учитель, положимъ, говоритъ: «вчера, дѣти, какъ вы знаете, былъ большой пожаръ въ нашемъ селѣ; помолимся же искренно Творцу Небесному, чтобы Онъ послалъ утѣшеніе пострадавшимъ!»

Другимъ важнымъ средствомъ для вліянія на сердца дѣтей служить — посѣщеніе ими храма Божія съ тою опять цѣлью, чтобы возбудить сочувствіе дѣтей къ истинно-молящимся и приучить ихъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей. Въ школѣ на урокахъ, пользуясь всякимъ случаемъ, учитель рассказываетъ о бѣдствіяхъ, радостяхъ истинно-набожныхъ людей и вообще — какъ можно больше рассказовъ о дѣйствительныхъ случаяхъ, могущихъ тронуть религіозное чувство дѣтей, духовные гимны и стихотворенія, а еще главнѣе и важнѣе всего *общее пѣніе* церковныхъ пѣсенъ съ почтеніемъ, благоговѣніемъ и предварительнымъ объясненіемъ ихъ смысла. Прекрасно сдѣлаетъ еще наставникъ, если приступитъ къ классному чтенію и объясненію молитвы Господней и, указавъ, что въ ней заключается всё, о чемъ только человѣкъ можетъ просить Всеблагаго Творца, докажетъ это примѣрами различныхъ житейскихъ случаевъ, въ которыхъ то и другое прошеніе этой молитвы вполнѣ удовлетворяетъ мысли молящагося. Если такъ будетъ поставлено дѣло, то учителю придется только радоваться на свои плоды истиннаго воспитанія въ духѣ Св. Церкви. Нечего и говорить, что такому учителю не только никогда не придется наказывать дѣтей за шалости или невниманіе во время молитвы или церковнаго богослуженія, но и не придется и напо-

минать о подобающемъ во время молитвы благоговѣніи. Дѣти сами будутъ молиться съ чувствомъ, читать священные слова молитвы съ радостью, и весь классъ будетъ сочувствовать читающему. Помогите же намъ, Господи, въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ!

Быть можетъ, иные замѣтятъ мнѣ, что достигнуть такого результата въ дѣлѣ школьной молитвы очень трудно. Но это, опять скажу, совсѣмъ не трудно, если самъ учитель будетъ искренно преданъ своему дѣлу, будетъ любить школьныхъ дѣтей и не пропуститъ ни одного случая, которымъ бы не воспользовался для назиданія своихъ питомцевъ. Къ тому же собственно въ церковной школѣ наставникъ никакимъ образомъ не можетъ вполне отрѣшиться отъ участія въ развитіи религіозно-нравственной стороны дѣтскаго ума. Отложивъ въ сторону всѣ свои личныя отношенія, всякую мысль и намѣреніе считаться съ кѣмъ-бы-то ни было мѣркою своихъ обязанностей, числомъ уроковъ и получаемою за нихъ платою, истинный учитель всегда долженъ стремиться только къ одному: всѣми силами содѣйствовать развитію способностей своихъ питомцевъ, тѣхъ главнымъ образомъ способностей, которыя составляютъ существенныя отличія человѣка отъ животнаго... Ко Господу мы должны направлять всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, нуждающихся въ успокоеніи. Если сами хорошо поймемъ это, то будемъ съять слезами, лишь бы радостна и обильна была жатва.

Добавленіе къ „дневнику“.

18 Сентября.

(*Послѣ напечатанныхъ* ¹⁾ *словъ*: «но пора, однако, начинать свой урокъ съ «младшими»):

— «Видѣли ли вы, дѣти, что дѣлаетъ собака, когда видитъ чужого человѣка?»

— «Видѣли, видѣли... она кидается на него.... лаетъ»...

¹⁾ См. выше, 41 стран.

— «А корова, когда возвращается вечеромъ съ луга домой, что дѣлаетъ?»

— «Корова мычитъ».

— «А кошка, когда ѣстъ просить?»... А курица, когда снесетъ яйцо?»... А пѣтухъ, когда просыпается?»

— «Мяукаетъ... кудачетъ... кукарекаетъ»...

— «Вѣрно. Но почему же всѣ вы не говорите про собаку, корову, кошку, курицу и пѣтуха, что всѣ они, просто, кричатъ?»

— «Да... Они всѣ кричатъ, но кричатъ *по разному*, каждый по своему»...

— «Вѣрно замѣтили вы... Что же такое *это разное?*... Какъ назвать намъ это *разное?*»

Дѣти молчатъ. Учитель продолжаетъ бесѣду.

— «Можно ли видѣть это *разное?*»

— «Нѣтъ... можно»...

— «Постойте... Прислушайтесь-ка, гдѣ-то, кажется, лаетъ, сейчасъ собака?... Слышите ли?»

— «Слышимъ... слышимъ... Это наша *Бѣлка*»... кричитъ одна дѣвочка.

— «А скажите-ка,—видите ли вы сейчасъ отсюда глазами эту *Бѣлку*, которая лаетъ?»

— «Нѣтъ, не видимъ... Развѣ отсюда увидишь!»...

— «Но почему же вы знаете, что она лаетъ?»

— «Мы это слышимъ... Вотъ она и сейчасъ лаетъ... Экій чудакъ какой ты!» смѣются дѣти.

— «Хорошо; слушайте же дальше, о чемъ будемъ бесѣдовать; крикъ, стало быть, мы глазами видѣть не можемъ, а только слышимъ ушами, хотя бы издалека... А скажите-ка, почему вы узнаете, что въ церковь пора идти къ службѣ?»

— «Въ колоколъ звонятъ... Чаю, самъ слышалъ»...

— «Всегда ли *по одинаковому* звонятъ?.. Замѣчали ли вы?»..

— «Какъ же, замѣчали... Звонятъ и по-разному»...

— «Вѣрно; звонятъ иногда въ одинъ колоколъ, — это

называть принято благовѣстомъ... Звонятъ и во всѣ колокола... Праздникъ когда,—слышали?.. Слышимъ то благовѣстъ, то звонъ,—все опять по-разному... Что же такое *разное*? Какъ назвать это *разное*?»

— «Не придумаемъ, какъ назвать... Разное да и только»... говорятъ дѣти.

— «Замѣьте же, дѣти, это разное люди придумали называть *звуками*... Ну, какъ назвать это разное, что слышимъ, скажи-ка, Маша?»...

— «Звукъ?» кричитъ дѣвочка.

— «Ты, Даша, скажи: что мы слышимъ, когда кричитъ ворона, пищитъ мышь, гремитъ громъ, завываетъ вѣтеръ?»

— «Мы слышимъ звуки»...

— «Одинакіе или разные мы слышимъ звуки?»

— «Слышимъ разные звуки... У вороны свой звукъ, у коровы свой»...

— «Вѣрно; ну, а вѣтеръ въ трубѣ, когда разыграется, по одинаковому ли всегда завываетъ?»...

— «Нѣтъ... завываетъ и по-разному»...

— «Вѣрно. Иногда вѣтеръ завываетъ въ щель или трубу тонко-притонко, какъ пищитъ мышонокъ... Слышали вѣдь?... Иногда слышится и толстый густой шумъ... Стало быть, и у вѣтра не всегда одинаковые звуки, а бываютъ и разные...

— «Стой, стой!.. о. діаконъ... А вотъ у насъ въ рощѣ птички поютъ, такъ по-разному, когда весною прилетятъ!.. А у насъ поросенокъ на дворѣ вотъ по-разному заведетъ, какъ чуетъ непогоду»... начинаютъ разсуждать мои ученицы...

— «Подождите, дѣти, разговаривать,—объ этомъ мы послѣ... Вотъ подойдетъ весна, тамъ мы пойдемъ съ вами гулять въ рощу, на луга, тамъ всякихъ птицъ послушаемъ. Вѣдь вы возьмете меня съ собою?»

— «Возьмемъ, какъ пойдешь»... смѣются школьницы.

— «А скажите-ка теперь, дѣти, можно ли глазами видѣть звуки?»

— «Нѣтъ, нельзя; ихъ можно только слышать»...

— «Такъ. Теперь, дѣти, скажите мнѣ: что вы слышите, когда я вамъ скажу какое-нибудь слово?»

— «Мы тоже слышимъ звуки»...

— «Одинакіе звуки или разные?»

— «Слышимъ и разные звуки»...

— «Вѣрно сказали. А можете ли вы ихъ видѣть?»

— «Нѣтъ. Мы ихъ не видимъ, а только слышимъ, когда говоришь»...

— «Вѣрно, дѣти! Теперь я вижу, что вы поняли меня хорошо... Вы можете видѣть, какъ я раскрываю ротъ, какъ шевелю губами, когда говорю какое-нибудь слово, но самое слово, самые звуки мы не видимъ, а только слышимъ. Вы слышите разные звуки, когда говоритъ человекъ, когда я произнесу вамъ какое-нибудь слово...

Слушайте-же теперь внимательно, о чемъ я буду говорить съ вами! Кто будетъ хорошо слушать, тотъ скоро научится и читать!.. Мамки ваши будутъ рады этому!.. Слушайте: я скажу вамъ: «*Богъ сотворилъ міръ*»... Учитель произноситъ эти слова ясно, раздѣльно.

— «Что я сказалъ? Повторите всѣ!»

Дѣти повторяютъ хоромъ.

— «Ты, Маша, повтори!.. Ты, Таня!.. Ты, Дуня!»..

Дѣвочки повторяютъ опять.

— «Теперь скажите-ка мнѣ: одно ли слово я сказалъ вамъ?»

— «Нѣтъ!»...

— «Сосчитайте-ка—сколько словъ я сказалъ вамъ? Богъ... сотворилъ... міръ»...

— «Ты сказалъ три слова»...

— «Вѣрно. О комъ же я сказалъ вамъ?»

— «Ты сказалъ намъ о *Богѣ*»...

— «Какое же первое слово сказалъ я?»

— «Богъ».

— «Что сдѣлалъ Богъ?»

— «Богъ сотворилъ»...

— «Какое же, стало быть. второе слово?»

— «Сотворилъ».

— «Что Богъ сотворилъ?»

— «Богъ сотворилъ міръ».

— «Какое же третье слово?»

— «Міръ!»

— «Повтори-ка намъ, Наташа—какое первое слово?.. Ты, Даша, второе?.. Ты, Матрена, третье!.. Скажите опять всѣ эти три слова!»..

Дѣти говорятъ.

— «Слушайте дальше! *Перваго челоуѣка звали Адамомъ...* Сколько словъ я сказалъ?.. Какое первое?.. Какое второе?.. Еще: *Мы пришли въ школу учиться...* Сколько здѣсь словъ слышите вы?... Хорошо ли вы, дѣти, понимаете меня, о чемъ я съ вами говорю?»..

— «Хорошо понимаемъ.... Ты говорилъ намъ о Богѣ, объ Адамѣ... о школѣ»...

— «Про одно ли я съ вами говорилъ?»

— «Нѣтъ.... про разное»...

— «Вѣрно. Я разговаривалъ съ вами *про разное*, или, какъ мы будемъ говорить съ вами по-другому, *велъ съ вами рѣчь* про разное, выражалъ ее разными словами... Теперь я скажу вамъ вотъ какую рѣчь! *Богъ наказалъ людей потопомъ...* Какую рѣчь я сказалъ вамъ?.. Повторите!»

Дѣти хоромъ повторяютъ.

— «Сколько словъ въ этой рѣчи?»

— «Четыре слова!»

— «Придумайте-ка мнѣ сами, дѣти, рѣчь про что-нибудь!.. Умница будетъ та, которая придумаетъ»....

— «Я пришла въ школу!» говоритъ одна дѣвочка.

— «У меня есть мама» говоритъ другая и т. д.

Учитель съ дѣтьми разбираютъ подробно примѣры, про что идетъ рѣчь, сколько словъ въ данной рѣчи.

Учитель продолжаетъ:

— «Вы, дѣти, какъ вижу, теперь уже знаете, что наша рѣчь состоитъ изъ словъ. Послушайте-ка теперь,

изъ чего же состоитъ наше слово! Слушайте,—я скажу вамъ слово: *о...с...и!...*» учитель произноситъ ясно и протяжно.

— «Что такое оси? Гдѣ вы видѣли оси? Повторите всѣ это слово!.. Повтори ты, Даша!... Ты, Маша!... и т. д. Одинаковые вы слышите въ этомъ словѣ звуки или разные? Сколько звуковъ слышите! Какой изъ нихъ—первый?.. второй?... третій? Назовите одинъ первый звукъ!.. Ты, одинъ, второй!... ты третій!... Назови мнѣ, Маша, первый и второй рядомъ, вмѣстѣ! Ты, Паша, второй и третій вмѣстѣ!.. Ты, Таня, все слово вмѣстѣ!..» и т. д.

Ознакомившись такимъ порядкомъ съ понятіемъ, что такое самый звукъ и съ тѣмъ, что наша рѣчь состоитъ изъ отдѣльныхъ словъ, а каждое слово изъ разныхъ отдѣльныхъ звуковъ, дѣти уже приготовлены на столько, что можно уже знакомить ихъ и съ буквами...

— «Видѣли ли, дѣти, что дѣлають неграмотные, когда хотятъ помѣтить, чтобы не забыть, сколько, положимъ, взято изъ закрома мѣръ овса лошадямъ?» спрашиваетъ учитель.

— «Знаемъ!... Знаемъ!»... кричатъ дѣвочки.

— «Мой батя на стѣнѣ крестики углемъ пишетъ!» кричитъ одинъ.

— «А мой черточки на палкѣ мѣтитъ!»..

— «Видите ли, какъ они ухитряются!.. Но вѣдь все одинаковыми отмѣчать нельзя,—скоро перепутаешь и забудешь... Продастъ, напр., мужикъ извозчикамъ 6 мѣръ овса, онъ отмѣчаетъ на стѣнѣ 6 крестиковъ... Хорошо бы еще, если бы у мужика былъ одинъ родъ товара, напр. овесъ... А ну-ка, если мужику кромѣ овса придется продать еще 5 мѣръ проса, да три поросенка! Ужели опять крестиками будетъ отмѣчать и ихъ?.. Вѣдь, пожалуй, перепутаешь онъ?.. Вотъ неграмотный и придумываетъ для каждого проданнаго товара особый значекъ. Просо онъ будетъ мѣтить уже не крестиками, а черточками или кружочками, для поросятъ—иной значекъ... Вотъ

люди ухитрились придумать *особые значки* и для изображенія звуковъ, чтобы не забыть ни одинъ звукъ. Значки эти отнынѣ будемъ называть буквами. Не забыли какое слово разбирали мы? Повторите его!..»

Дѣти повторяютъ: *оси*! Опять повторяютъ и какіе звуки слышатъ въ этомъ словѣ.

— «Смотрите-же, дѣти, теперь я напишу вамъ это слово на классной доскѣ»!

Учитель пишетъ на классной доскѣ слово *оси*. Слѣдуютъ опять вопросы: изъ какихъ звуковъ состоитъ это слово? Какой звукъ первый?.. второй?.. третій?..

— «Обратите вниманіе, дѣти, что и *написанное слово* состоитъ тоже изъ столькихъ частей, сколько слышишь въ немъ звуковъ» (учит. стираетъ волостныя линіи, соединяющія буквы). Первый звукъ въ этомъ словѣ какой слышите вы?»

— «О!»... кричатъ дѣвчаты.

— «Вотъ смотрите теперь значекъ этого звука или *букву*—о! Видите—ли круглая, похожая на *обручъ*»....

— «Видимъ!.. видимъ!»..

— «Такъ это какая буква?»

— «О!»...

— «Звукъ ли вы видите?» спрашиваетъ опять учитель.

— «Э, нѣтъ!.. звукъ видѣть нельзя... мы видимъ значекъ этого звука О!.. букву О!»...

— «Умницы!.. право, умницы!.. Теперь опять смотрите: второй звукъ въ этомъ словѣ какой вы слышите?»

— «С!... С!... С!»..'

— «Вѣрно; а теперь смотрите и значекъ этого звука—букву С!.. А послѣдній звукъ какой слышите въ этомъ словѣ?»

— «И!.. И!.. И!».. оживленно кричатъ дѣти.

— «А гдѣ же буква эта у меня на доскѣ?»

Дѣти уже сами показываютъ букву *И*.

— «На слѣдующемъ урокѣ я покажу вамъ, дорогіе дѣти, какъ бы вамъ самимъ выучиться писать эти зна-
*

комья три буквы, а завтра покажу, какъ эти буквы изображаются въ печатныхъ книжкахъ, теперь же пока не много отдохните, побѣгайте на улицѣ, кто хочетъ!»

— «Глянь-ка, о. діаконъ, Анюта сейчасъ уже написала на своей доскѣ все это слово!.. Вотъ, смотри-ка: *оси*!»..

Учитель посмотрѣлъ и похвалилъ Анюту. Это прибавило рвенія другимъ.

— «И я, о. діаконъ, напишу!.. и я!.. и я!..» кричатъ дѣвчаты!»..

«Мы еще не устали!.. Мы сейчасъ напишемъ!»..

Дѣвочки, получивъ отъ учителя разрѣшеніе, принялись старательно выводить на грифельныхъ доскахъ слово: «*оси*».

17-10 марта 189 года.

Приходилось ли кому-нибудь хотя бы случайно наблюдать теченіе тучки или облаковъ по небу? Вотъ видите вы тучи темныя, какъ осенняя ночь, то плывутъ надъ вами облака сѣрыя, какъ пыль, поднятая вѣтромъ на большой дорогѣ, то облака золотисты и выются, какъ самая дорогая и нѣжная шерсть барашка, то они бѣлы и перисты, плаваютъ въ далекихъ слояхъ воздуха. Кто замѣтилъ: повторяются ли когда-нибудь однѣ и тѣ же формы облаковъ, одна и та же форма тучи? Такъ часто бываетъ и въ нашихъ дѣлахъ. Вотъ бѣгутъ дѣвчата въ школу. Вамъ часто кажется, что это тѣ же самыя школьницы, что были за много лѣтъ передъ этимъ: такая же на нихъ одежда, такой же типъ, что видѣли вы два-пять-десять лѣтъ назадъ; вотъ даже можно узнать и «попрошайку», которая выманиваетъ у своей подруги блинъ, данный матерью на обѣдъ... Словомъ, та же самая и школа со своею обстановкою, тотъ же и священникъ...

Но все это только намъ *кажется*, если мы не вдумаемся, не вникнемъ въ суть своей дѣятельности, если будемъ относиться къ своему дѣлу поверхностно ремесленно, сочтемъ за трудъ внимательно прослѣдить *теченіе школьной жизни*. Вѣдь облака, которыя вчера красовались

на небѣ, сегодня уже не существуютъ: они спустились и гдѣ-нибудь упали на землю дождемъ, а нынѣшнія облака, хотя и похожи на вчерашнія, но создались позже, они свѣтлѣе...

Скучно, однообразно, утомительно, полагаю, кажется всѣмъ намъ повторять въ школѣ сотни разъ одно и тоже, цѣлые часы заниматься одною и тою же мыслию, изобрѣтать различныя новыя болѣе простыя формы для ея выраженія! Тяжело нѣсколько часовъ просидѣть въ одной и той же комнатѣ, занимаясь съ однѣми и тѣми же дѣвчатами, сверхъ того еще вечеромъ прочитать разъ двадцать различныя письменныя работы «старшихъ» да разсмотрѣть донесеніе младшихъ о томъ, какъ волкъ поймалъ бѣлку!.. Грустнѣе еще станетъ, какъ подумаешь, что и завтра, и послѣ завтра, и много лѣтъ предстоитъ мнѣ эта однообразная работа! Начинается она еще съ ранней осени, когда еще не увяла совсѣмъ природа и не разорвала связи съ живымъ человѣкомъ, продолжается она и въ глубокую зиму среди завываній снѣжныхъ мятелей;—и весною, когда пахарь выѣзжаетъ въ поле дѣлать первую борозду на нивѣ, когда вся природа воскресаетъ къ жизни на праздникъ весны,—одинъ учитель, какъ заключенный узникъ, сидитъ въ своей душной темной и пыльной коморкѣ, именуемой «классною комнатою» за исправленіемъ этихъ школьных тетрадей. Не видишь къ тому же никакого участія, ни сочувствія, ни со стороны населенія, ни другихъ, отъ кого бы можно ожидать болѣе всего. «Вы сами себя мучаете и ученицъ, занимаясь въ школѣ цѣлый день! Вѣрьте, никому не нужны ни ваши труды, ни образованіе крестьянокъ... Думаете труды ваши оцѣнить начальство?—Не рассчитывайте и на это: не будете способны учить, васъ вышвырнутъ на задній дворъ, какъ старую лошадь!» убѣждалъ меня разъ одинъ сельскій интеллигентъ... Да, никакая сила воли, никакое терпѣніе и усердіе не поможетъ учителю избавиться отъ тоски, скуки и ропота на свою горькую долю, если мы

сами не сознаемъ твердо, что мы—польза! Труды наши, вѣрю и надѣюсь, все-таки сознаются послѣ и память будетъ... Только терпѣть слѣдуетъ и ждать... А пока, присмотрѣвшись къ школьной жизни, найдемъ себѣ утѣшеніе въ томъ живомъ матеріалѣ какой врученъ намъ Создателемъ... Вотъ, напр., Наташа-школьница (именно моя, а не та «деревенская Наташа», которая до поступленія въ школу бѣгала по улицѣ простоволосая въ рубашенкѣ) какъ придетъ въ школу и начнетъ спрашивать: «А что такое звѣзды? Далеко ли онѣ отъ насъ?» и т. п. Вотъ востроглазая Машутка, (та перечитала почти всѣ книжки изъ нашей скудной школьной библіотеки), сама рассказываетъ намъ кое-что изъ прочитаннаго; сегодня все рассказывала, какъ живутъ Китайцы какъ убираютъ они чай и рисъ... «А дальше за Китаемъ какое море, о. діаконъ?»—спрашиваетъ она меня.—«Великій океанъ», отвѣчаю.—«А дальше на западъ отъ насъ, за Англіей и Франціей!»—«Тамъ Атлантическій океанъ.»—«А за нимъ что?»—«Америка.»—«Переѣхавши Америку, куда пріѣдешь?» спрашиваетъ любознательная дѣвочка.—«Тамъ опять Великій океанъ», отвѣчаю ей. «Стало быть, земля-то круглая!» воодушевляется моя деревенская крошка и надо видѣть, какъ блестятъ ея голубые глазенки, какимъ жаромъ пышетъ лицо, чтобы забыть всѣ свои житейскія «неудачи!..» Жаль мнѣ васъ, дорогія крошки, выпускать изъ школы въ пучину тьмы народной! Для васъ однихъ я работаю, для васъ переносу всѣ матеріальныя «невзгоды житейскія!»—Что-то отъ васъ отродится въ жизни? Не поглотитъ ли васъ среда невѣжества?..—

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ Автора	3
Изъ писемъ къ друзьямъ	5
Отрывки изъ дневника	22
Замѣтки учителя по обученію ариѳметикѣ	65
О молитвѣ	97
Добавленіе къ «дневнику»	109

